

Феликс Красавин

Феликс Красавин родился в 1930 году в Москве в семье коммунистов. Дед его родился в Вильнюсе, медицинское образование получил в Киевском университете и в Петербургской Военно-хирургической Академии. После русско-турецкой войны служил в госпитале в Самаре.

Женившись демобилизовался и возглавил хирургическое отделение в губернской больнице. После революции сыновья перевезли родителей в Москву. Отец, с последнего класса реального училища ушел в революцию. В Гражданскую в армии Фрунзе был командиром бронепоезда. После войны – на командных должностях в армии, последнее звание – комкор (командующий корпусом). Службу совмещал с занятиями в Институте красной профессуры. После того, как в 1931 году и написал книгу о невозможности построения социализма в одной отдельно взятой стране, обвинен Сталиным в троцкизме и переведен на работу в Смоленск, где через два месяца погиб. Мать – дочь шахтера в Сучане (Дальний Восток), участница молодежной социал-демократической организации, с начала Гражданской войны – в партизанском объединении Лазо.

После войны направлена на учебу в Москву. Окончила рабфак и Промакадемию. В 1937 году исключена из партии «за трату классово-бдительности», весной 1941 арестована и осуждена на 10 лет как вдова врага народа. По отбытию срока попала под кампанию волны новых арестов и с помощью друзей уехала в Сванетию, где не было режима прописки. В 1956 году реабилитирована. Феликс после ареста матери жил в детдоме, потом в ремесленном училище. Окончив школу рабочей молодежи, поступил в Ленинградское Высшее Морское училище. В 1950 году арестован и осужден Трибуналом войск МГВ на 25 лет за подрывную антисоветскую деятельность и измену Родине. Срок отбывал на Кольме и Чукотке. В 1956 году освобожден Комиссией Верховного Совета по пересмотру дел политических заключенных «за нецелесообразностью дальнейшего содержания».

Уехал в город Черемхово (Черемховский угольный бассейн) работать по шахтерской специальности с целью найти антисталинскую партию, руководимую Ленинским подпольным центральным комитетом. Слухи об этой мифической партии возникали кое-где в лагерях и Феликс услышал об этой мечте, выдававшей желаемое за действительное, от одного старого троцкиста еще на Ванинской пересылке. Через полгода он был арестован и осужден на 8 лет за попытку организовать забастовку шахтеров в поддержку забастовке всего Донбасса.

Срок отбывал в Озерлаге (трасса Тайшет – Лена) и в Мордовии. Там подружился со многими литовцами. В 1960 году принял крещение в Католическую церковь от ксендза Бронислава Джалецкого, крестным отцом стал приведший его к крещению ксендз Владислав Буковинский. По освобождению в 1965 году жил в Горьком, работал лекальщиком на Автозаводе и электрослесарем в Газовом тресте. С 1967 года регулярно в отпусках навещал Литву. Особенно сблизился с каноником Пятрасом Рауде.

После смерти матери уехал в 1993 году с женой и сыном в Израиль. В 2000 году был приглашен на Антифашистский международный конгресс «Нюрнберг 2» – первое и по сей день последнее собрание тысяч бывших политзаключенных Гулага, ссыльных и жертв советского фашизма. В своем выступлении на конгрессе он отметил, что Литва единственная католическая страна из захваченных фашистским союзом СССР, которая несмотря на кровавый террор, не прекращала борьбу за свою веру и за политическую свободу в течение всей оккупации и первая из добившихся свободы. И сейчас продолжает находиться на переднем крае сопротивления распространению ползучего фашизма из России, утратившую силу для прямой агрессии, но стремящегося, маскируясь под демократию, поддерживать все фашизоидные объединения в бывших под его оккупацией странах и фашистские в мусульманском мире и в Северной Корее. Он высказал свое мнение, что необходимо усилить это Сопротивление организацией информационного единства между антифашистских сил Восточной Европы, и что для эффективности судебного процесса над Советским фашизмом как околевшим так и уцелевшим нужно выработать ясное и четкое определение, что такое фашизм, которого до сих пор нет ни в юриспруденции ни в политической истории. И если фашистских преступников судят за содеянное, то фашизм, их породивший вне суда, и употребляется лишь как политическое ругательство.

Феликс
Красавин

**Силуэты
современников**

Силуэты современников в интерьере века

I. Гордый профиль

Семенящей походкой наш век спешит к кулисам, чтобы покинуть сцену. Как и его предшественник, он хочет выглядеть при этом победителем, еще полным сил и преисполненным чувством собственного достоинства. Слов нет – список его побед велик и впечатляющ, и самая громкая из них это, конечно, потрясающий воображение научно-технический прогресс. Попыхивая трубой локомотива, он разогнался по узким рельсам XIX-го века и взмыл ввысь «соколом» братьев Райт на стартовой черте XX-го, чтобы к его финишу «шаттлы» сновали в космос и обратно с регулярностью почтовых дилижансов времен Диккенса, а межконтинентальные морские и воздушные линии, автострады и всепроникающие телекоммуникации сшили все страны планеты в единую звучащую миллионами голосов и мерцающую миллиардами огней ризу – некое подобие гетевской «живой одежды богов». Научный гений человечества добрался – таки до той вершины, на которой он может теперь «понимать то, что не способен себе представить». Догнал и запряг в колесницу своих исчислений первородного скакуна вселенной – свет, исхитрился взвесить то, что не имеет границ, нашел следы, ведущие к началу вселенной и проследил игру превращений ее «начальных пылинок» до границ, за которыми они исчезают. Он извлек из бездны микромира яростную энергию атомов, и се, в тени атомных электростанций в полдюжины и более гигаватт паровые котлы нашей юности выглядят детскими заводными игрушками, а служившие тысячелетия людям в качестве основных энергоносителей лошади и быки – и вовсе муравьями. Сотворение величественной техносферы, заключившей в свои несентиментальные объятия старушку – землю, ознаменовало подлинно триумфальную победу человека над природой, о которой, если верить историкам прогрессистского толка, он мечтал еще сидя в неотапливаемой пещере во тьме доисторических времен. Триумфальные победы над вековыми врагами людей – болезнями, достигнутые благодаря открытиям в области медицины, резко сократили прежде всего детскую, а затем и общую смертность. Но прироста населения в странах, пожавших более всех плодов этих побед, не произошло, потому что столь же резко сократилась рождаемость. Гордые своими достижениями народы сочли, что имеют полное право на заслуженную награду, и стремление к комфорту и наслаждению несколько оттеснило идейные ценности, являющиеся ему помехой. В число устаревавших идей, наряду с излишней религиозностью (или с религиозностью вообще), моральным ригоризмом, уважением к традиционным общественным ценностям и пр. и пр. попала в том числе и обязанность продолжения рода.. Мнение шекспировского кузена Бенедикта о том, что «мир достаточно населен», приобрело широкую популярность среди обеспеченных кругов стран Запада. И даже начавшийся в середине века по неведомым причинам демографический взрыв на планете, слабо затронул охваченную жаждой получать от жизни как можно больше удовольствий передовую часть человечества.

В силу этого её доля довольно быстро и значительно снизилась по сравнению с отсталыми народами третьего мира. Досадный недостаток рабочих рук, начавший ощущаться вскоре, заставил старушку Европу несколько поступиться своим консерватизмом и вслед за бесцеремонно либеральной Америкой приотворить пошире свои ворота для разноцветных братьев по Адаму. Ведь кто-то должен, в конце-концов, хотя бы убирать улицы.

Однако толпы хлынувших со всех концов земли иностранцев, отнюдь не поголовно жаждущих убирать улицы или заниматься погрузо-разгрузочными работами, но почти поголовно не умеющих делать какую-либо квалифицированную работу, не столько решили проблему рабочих рук, сколько обострили социальные проблемы. Тогда догадались начать переносить основную массу средств производства, связанных с технологией, не требующей высокой квалификации, туда, где много рабочей силы, а не наоборот. В результате границы рынка стали стремительно расширяться, а в мировом лексиконе появились новое амбивалентное понятие «глобализация». Естественные процессы размыва границ сначала между сословиями, а затем и между народами плохо поддаются регулированию. Никакими китайскими стенами или римскими валами невозможно остановить «великое переселение народов», когда оно начинается. Либерализм исполнил свою миссию, создав ООН, проведя деколонизацию народов, и воплотив свою заветную мечту – Мировой Рынок. Приспособиться к последствиям ему вряд ли по зубам. Здесь потребуются принципиально новые идейные ценности, которые помогут соединить своеобразие этнических форм религии, демократии и культуры на региональном уровне и единую мировую структуру, обеспечивающую свободу и безопасность населения планеты, ограниченную, разумеется, доминирующими в мире интересами.

Когда на нашем веку сбылась еще одна вековая мечта человечества и впервые за незначительным исключением все народы мира, сумев договориться об установлении единого зеркала правовой культуры на земле, приняли «Всеобщую Декларацию Прав Человека», казалось бы торжество либерализма достигло апогея. Этот великолепный документ мог бы стать поворотной вехой всей мировой истории, если бы при этом голодающая половина населения планеты ценила свои права выше, чем пищу, или если бы высокоразвитые страны выделяли не один, а, скажем, десять процентов своих доходов на помощь слаборазвитым. Но поскольку передовая экономика такие фокусы запрещает, а в мире пока ежедневно умирают от голода 35 тысяч детей, принятая «декларация» хорошо звучит только на ограниченном пространстве нашей планеты, населенном по преимуществу сытыми людьми.

Чтобы не преувеличить яркость благостных красок на полотне, следует, отметить, что за сто лет социального прогресса уголовная преступность и террор возросли настолько, что стали представлять более реальную угрозу для жизни, чем все ракетно-бомбовые запасы великих держав; распутство – чем биологическое оружие, а вечно спешащие по делам или по кабакам люди в автомобилях – чем все танковые армии мира; что полное вытеснение живой совести из правовой культуры чеканными формулами либеральной справедливости превратило правосудие в эффективный защитный механизм для плодовитых потомков Папаши Вотрена и Ваньки Каина, кишущих во всех щелях демократических структур общества; что моральный индифферентизм рыночной цивилизации предоставил широкие возможности для легализации разнообразнейших пороков и

беспрепятственного растления незащищенных душ смолоду. Хорошо корреспондирует эта исполненная внутренней динамики картина со служащим ей фоном пейзажем планеты, загаженной общими силами научно-технического прогресса и массового туризма столь основательно, что наиболее вероятным концом нашего праздника жизни представляется становящаяся не по дням, а по часам все более неотвратимой экологическая катастрофа.

Есть не мало и других, отступивших за давностью лет в тень, грустных тем, но из песни слова не выкинешь – они тоже принадлежат веку. Две мировые войны, два людоедских режима, накренившие было наш ковчег до такой степени, что лишь чудом он не перевернулся. Такое трудно забыть, но желание забыть, если не саму длившуюся почти четыре десятка лет бойню народов, погубившую больше человеческих жизней, чем все войны мировой истории вместе взятые, то, по крайней мере, понять причины, породившие её и питавшие её длительность и беспощадность, – такое желание не ослабевает и даже усиливается. Это хорошо заметно по тому, как средства массовой информации – надежнейший уловитель колебаний в интересах потребителей их продукции и в настроениях заказчиков – подают материалы на эти темы. Будь то на телевидении или в периодический печати – это нечто вроде комиксов, где картинки документальные кадры или свидетельства очевидцев наглядно рассказывающие, как солдаты бежали в атаку, как стреляли пушки как падали бомбы на города, иногда, как расстреливали пленных и заключенных и наполненные трупами котлованы, а подписи – скупые, полные сдержанной скорби пояснения. Что касается причин, то для размышлений предлагается информация об idiotских выходках кайзера Вильгельма или о сексуальных проблемах Гитлера и паранойе Сталина. Вообще интерес к плохо поддающимся наглядному изображению явлениям не поощряется как нетипичный для массового зрителя и читателя, лишь от случая к случаю бегло напоминается, что у этих субъектов были бредовые планы переделать мир. Какие факты международной жизни способствовали возникновению этих планов? – это уже вопрос, уводящий в дебри политики, от которой и так у большинства нормальных людей уши вянут, а у ненормального меньшинства могут возникнуть неконструктивные аналогии с сегодняшним днем. Да и что это в принципе может дать? Задаваться вопросом, зачем тот или иной маньяк составляет бредовые планы бессмысленно уже потому, что планы-то бредовые. Зачем, к примеру, усатому господину понадобилось подойти к сидящему на террасе кафэ Жоресу и выстрелить ему в затылок? – А чорт его знает! Или сопливному мальчишке вспрыгнуть на подножку автомобиля и застрелить эрцгерцога? Мало ли разных психов, которые, наслушавшись разного политического вздора и вообразив себя героями мировой истории, способны открыть пальбу по проезжающему вилу? И ничто лучше не доказывает случайного характера причин, влекущих иногда за собой величайшие трагедии, чем тот факт, что из-за Принципа, – как тогда говорили, – началась мировая война. А из-за того, что Освальд всадил за три секунды четыре пули в несчастного Джона Кеннеди, в мире не произошло ровным счетом ничего сопоставимого по масштабу. Только не надо всяких домыслов и притянутых за уши доказательств, что президент был хладнокровно расстрелян группой снайперов-профессионалов, действовавших по заданию столь могущественных лиц, что даже «Совесть Америки» – Председатель Верховного Суда был вынужден закрыть глаза на это. Склонность к демонизации событий рождается от нездорового интереса к природе преступлений и

инфантильного желания заглянуть в подвал с жуткими тайнами. В действительности всё проще и, в то же время, непостижимей. Всевластный случай вмешивается в судьбы людей и народов и тогда бессмысленно искать черную кошку в темной комнате, где её нет. А то, что любое событие может оказаться кому-то выгодным, а кому-то нет – это естественно и не нуждается для своего объяснения в гипотезах о заговорах и всё такое прочее. Мы слишком забили себе головы принципом причинности и не даем себе отчета от каких случайных мелочей порой зависит исход событий, меняющих ход истории. В насморке, одолевшем Наполеона в канун Ватерло, больше правды истории, чем во всех рассуждениях знатоков стратегии об этой битве. Устойчивое предубеждение средств массовой информации против широких обобщений и крупномасштабных концепций в сочетании с явным преферансом, оказываемом ими всему случайному, спонтанному, самим своим трудноподдающимся объяснению возникновением, порождающему множество – и чем больше, тем лучше – разнообразных догадок, примечательно и совсем не случайно. Интеграционные процессы, резко ускорившиеся в последнюю четверть века, и прежде всего в экономике развитых стран, одновременно с установлением постоянной координации в деятельности всех бирж мира – знамение пришествия царствия Рынка как государя всея земли, привели к объединению деятельности всех ведущих информационных агентств мира, предуготовив тем самым орган для выражения единой мировой идеологии, единого духа мира сего. Само же формирование такой идеологии было чрезвычайно ускорено разразившемся в нашем веке демографическим взрывом, в результате которого население земли почти что учетверилось за сто лет (в то время как за первую тысячу лет нашей эры оно едва удвоилось) причем наиболее интенсивно этот процесс происходил не в развитых странах. Но и в последних он слабее всего затронул высокообразованную часть общества, которая впрочем и до того никогда не отличалась склонностью к интенсивному размножению. Таким образом количество интеллектуалов на земле пропорционально резко сократилось, а доля интеллигентов (образованных людей мыслящих нравственно и концептуально) – стала и вовсе ничтожной. А если учесть могущественное влияние атеистических представлений, отпраздновавших свой бал именно в нашем веке, в свете которых такие понятия как смысл жизни и человеческое достоинство имеют право на существование только в пределах какой-нибудь чахлой социологической модели, и не менее могущественное влияние рынка, отношение которого к духовным ценностям определяется ясным соображением, что миллиард покупателей билетов стоимостью десять долларов на кинофильм с участием Шарон Стоун ровно в сто раз выгодней, чем миллион покупателей книг Мигеля де Унамуно, Мартина Бубера или Клайва Льюиса, даже если они стоят по сто долларов за штуку, то не приходится в таком случае сомневаться в отсутствии какого-либо заметного влияния в современном мире человека разумного на человека обыкновенного. В то время как влияние последнего на процесс формирования мировой идеологии велико как никогда. Его главные жизненные цели и основные стремления служат материалом, из которого на наших глазах она производится. Теперь этим занимаются не харизматические идеологи, как в минувшие века, а сотрудники СМИ, политологи и экономисты, историки и социологи, сексологи и криминалисты, диетологи и искусствоведы, бригадным способом с учетом всех вкусов потребителей и конъюнктуры рынка варят эту питательную похлебку для народов с таким расчетом, чтобы

хватило на всех.

2.Наивысшее Достижение

Собственно, во все времена основные компоненты массовых идеологий были одни и те же. Разнообразие им придавали налагающиеся различия религиозного, национального и сословного характера, менявшиеся и чередовавшиеся от эпохи к эпохе. В начале же и в конце пути каждой мировой цивилизации неизбежно торжествовала общечеловеческая идеология, что было естественным следствием максимальной однородности человеческого общества в эти эпохи. Три фундаментальных естественных стремлений человека: свобода, благополучие и безопасность, нареченные так Джоном Локком, составляют ее основу. На протяжении веков у разных народов они именовались так или иначе, но содержание их всегда оставалось неизменным, поскольку зиждятся они на основных человеческих инстинктах: самоутверждения, роста и размножения, и самосохранения.

В первобытном племени, сознанию которого факт его выделенности из окружающей живой природы еще не был вполне очевиден, человек находился всецело в сфере своих естественных интересов. Его человеческий дух, дух разумения, милосердия и творчества, еще реял над бездной его воображения, полной младенчески туманных, нерасчлененных образов, не способных пробудить в нем ни начатков осмысления действительности, ни его нравственного чувства. Детский эгоизм его был им неосознаваем и только действующие внутри племени запреты на убийства, увечья и кражи служили ему первыми межевыми камнями для отделения зла от добра. Сочиненные им мифы свидетельствуют, что он верил в существование некой высшей по отношению к его миру незримой реальности – мира могущественных духов, способных благодатным или роковым образом влиять на его жизнь, и в то, что их можно задобрить приношением главного своего достояния – мяса убитых животных. Ум ему представлялся таким же свойством его тела, как чутье, зрение и слух, хотя он и не знал толком с какой частью тела нужно его отождествлять. Мышление его было конкретно, как у всех детей, общие понятия лишь едва брезжили в его мозгу и смысл жизни, о котором он не имел еще никакого понятия, сводился для него к простому наличному бытию. Главной ценностью этого бытия была сила, прежде всего сила жизни, живущая в крови и в дыхании человека, а также во всем, что движется и дышит, и даже в том, что неподвижно и бездыханно, как скала, она тоже может пребывать. В ком её по воле духов предков оказывалось много, тот был могуч и яростен в бою, удачлив в охоте, мудр в совете и богат детьми. И в чем её было много, будь то камень, дерево или копьё, то обладало чудодейственной силой, способной помогать или поражать. Уменье жить заключалось в том, чтобы ублажать жертвами духов и знать как получать помощь и защиту от источников чудесной силы. Во всем остальном наш дальний предок жил по свычаям и обычаям своего племени, связанными с потребностью в росте, размножении и безопасности.

Такие люди живут и сейчас за границами мира цивилизации, в лакунах истории, где время стоит недвижно в течение тысячелетий, но осталось их крайне мало. Зато громадное количество людей

чрезвычайно близких по типу мышления и принципам поведения к первобытным людям, живет в цивилизованном обществе, составляя его большую часть и определяя, того не ведая, главные черты его духовной физиономии. Они живут в железобетонных чашах городов-муравейников и в белоснежных виллах на берегах озер, окруженных лесопарками, умело пользуясь обслуживающей их техникой, не снисшедшей ни Жюлю Верну, ни Герберту Уэллсу, и работают, свободно манипулируя сложными механизмами и аппаратурой, успешно решая технические задачи. Но когда жизнь ставит перед ними психологические задачи сугубо личного характера, они чувствуют себя жертвой обстоятельств, становятся похожи на больных, которым предстоит серьёзная операция и на участливые вопросы друзей отвечают упавшим голосом, что у них «проблемы». Они всячески пытаются уклониться от решения этих, требующих от них включения в работу собственного разума и совести, задач, с затаенной инфантильной надеждой, что они рассосутся сами собой. А когда они не рассасываются, упрощают условия задачи таким образом, чтобы подогнать их к какому-нибудь общеупотребительному алгоритму, решить их «по свычаям обычаям» своей среды, своего племени. Именно это стремление жить «просто», жить «как все» роднит их более всего с доисторическими предками. Но здесь же скрывается и главное их различие.

Человек первобытный прост, потому что он таков и есть, а человек обыкновенный» (такое наименование представляется более подходящим для определения типа, чем «средний» или «массовый», поскольку отражает то стремление к обыкновенности образа жизни, стремление жить «как все», которое его более всего характеризует) просто потому что хочет оставаться простым, избегая сложности жизни и не желая заглядывать себе в душу, давно уже непростую. Не хочет человек взрослеть и выходить из первобытного детства на свободу в самостоятельную жизнь, вот и валяет Ваньку пред Господом Богом.

Свободой своей он очень дорожит, но только детской свободой, понимаемой исключительно как свобода своей воли жить как хочется, свобода от уроков и наставлений, от надзора и от ответственности и от идей, всегда направленных на то, чтобы подчинить себе жизнь человека. К любым идеям общего порядка его отношение совершенно соответствует взглядам того кучера – знакольца Генриха Гейне, который дал безупречное определение понятию «идея»: «это всякий вздор, что заводится в головах у тех, кто много себе воображает.»

Человеку разумному, мыслящему самостоятельно, мировоззрение, которое он выработал, смысл жизни, который он исповедует, помогают (лучше или хуже зависит от выбора) ориентироваться в меняющемся мире, определять свою позицию при смене жизненных ситуаций и выбирать свою линию поведения. Человек обыкновенный такой возможности не имеет. Поскольку само понятие смысл жизни как нечто отличное от его воли воспринимается им как категория чуждая и враждебная его свободе, противостоящая понятию «просто жить». Он защищается от него своим «здравым смыслом», старается сделать его посмешищем в своих глазах, лишенной всякого «практического смысла» выдумкой ничего не смыслящих в реальной жизни «профессоров» или же, наоборот, – подозревает, что это – «хитрая пропаганда», чтобы обманом заставить его самого отдать «им» свою свободу и служить им. «Они» – это архетипическое понятие для обозначения неких «темных сил», заполняемое конкретным содержанием, соответствующим месту и времени и поэтому весьма разнообразным. Образом, наиболее

часто служащим для него наполнителем, являются евреи, причем это не только евреи как таковые, но и широкие круги «евреев», смотря по обстоятельствам, это демократы, пацифисты, интеллектуалы, гуманисты или наоборот: богатые, хитрые, всюду пролезающие, хотящие все захватить – вобщем глобалисты и масоны. А могут быть даже просто людьми, говорящими правильным литературным языком – то есть не как все. Вообще, если отбросить от слова «еврей» широкий набор отрицательных эпитетов, сопутствующих ему в массовом сознании, и оставить только два: «чужой» и «умный», станет очевидно, что эти признаки закреплены в массовом сознании в равной степени и за евреями и за интеллигентами. И хотя последние никоим образом не составляют большинства между первыми, а первые – между последними, все же некоторое общее поле, ставшее основанием для отождествления и равно неприязненного и подозрительного отношения со стороны людей обыкновенных, существует. Почти с научной точностью характер этой подозрительности выражен в крылатой строке: «Знаем мы эти жидовские штучки – разные Америки открывать и закрывать!»

Окончательное поражение идея смысла жизни терпит в сознании ревнителя древней воли при столкновении с его верой в судьбу и в случай. Обитающая в темном космосе двулика и незрячая Судьба – верховное божество обыкновенного человека. Независимо от того, каким силам поклоняется он осознанно (властям, богатству, исключительности своей нации или иным страстям), в его подсознании всегда живет страх перед беспощадным слепым роком и надежда на благосклонность удачи. Невзирая на повязку, закрывающую ей глаза, в глубине души он – всегда раб Судьбы, представляющей пред ним всегда нежданно в образе Случая, который самой своей сущностью отрицает всякий смысл. Ему дана власть утверждать в душах людей бессмысленность жизни и произвол бессмысленности над миром от начала бытия. Приносит он бедствие или удачу – он равно бездушен и оттого слеп, что не смотрит на людей, а лишь поверх их голов – на свое надмирное непостижимое начало – неотвратимую Судьбу. Немудрено, что боится её уверовавший в неё как в единую действительную Владычицу человек и бежит, ища защиты от неведомых бед, к её людям, торгующим около ворот страхов и надежд самыми надежными сведениями, можно сказать, из первых рук, о том, что было, что будет и на чем сердце успокоится. Однако лукавая говорящая надвое мудрость халдеев и цыган не успокаивает сердца. Их льстивые посулы и туманные предостережения порождают только новые сомнения и тревоги в презревшей разум душе.

Где ж находит бедный обыватель равнодушно, как большая дорога, шумящего мира опору и защиту на пути из никуда в никуда от бесчисленных несчастных случаев, стерегущих его за каждым кустом в кромешной чаще бессмысленности?! Конечно же, в массе таких же как он сам, в великом множестве людей, желающих просто жить, как им хочется, а не так, как хочется кому-то другому. Если обстоятельства разрешают, они всегда голосуют за это и уверены, что правда на их стороне, потому что их – большинство. Они любят этот мир и себя в этом мире, и ближних своих, но им хочется жить лучше. На их знамени всегда написано: «За лучшую долю!», и каждый идущий под этим знаменем сознает, что он – в большинстве. Каждый раз, «когда вместе со всеми он скажет «да» и вместе со всеми «нет»», он ощущает прилив чувства уверенности и защищенности. Как бы он ни был мал, он выражает волю громадного, подавляющего большинства, и это отлично известно статистике и, само собой

разумеется, средствам массово! информации. Потому-то они так любят мелкие, имеющие широкое хождение и хорошо конвертируемые истины и допускающие множество вариантов толкования гипотезы, но органически не переваривают, как тот кучер, непопулярные идеи, пытающиеся обнаружить общий смысл в большом количестве сенсационных в своей разрозненности фактов. Большинство всегда право. Вкусы и потребности большинства – источник выгоды, а выгода – самая надежная, самая подлинная альтернатива смыслу, совести и Богу, увенчивающая вместе с силой двуглавую корону мира.

Таким образом, благодаря законам рынка и прогрессу единомыслия среди наиболее быстро размножающейся части человечества, средства массовой информации совершили в течение века несравнимую ни с каким другим институтом цивилизации карьеру: из средств информации они превратились в рупор мирового общественного мнения, и даже более того, в структуру, которая еще не закончила своего формирования, но уже формирует мировое общественное мнение. Это уже не четвертая, а, как минимум, вторая власть, легко и непринужденно забравшая у просветительных, идеологических и религиозных институтов самую весомую часть их духовной власти – непосредственное влияние на язык, образ мыслей и конкретные представления всего населения земли без различия происхождения, образования и вероисповедания.

Количество людей, располагающих некоторыми возможностями получать информацию помимо СМИ, обладающих некоторыми способностями читать между строк и понимать смысл умолчаний, слишком мало, чтобы хоть сколько-нибудь эффективно воспрепятствовать СМИ обкатывать в круговую всю массу душ человеческих под единый духовный стандарт – золотую посредственность, самородную обыкновенность. Очень вероятно, что рождение этой замечательной структуры, этого чуда электронного всеведения и насыщения всех ушей слышаньем и всех очей виденьем, этого чудовища, призванного истребить разновидность человека разумного и, обеспечив безраздельное господство людей обыкновенных, провозгласить начало эры мира и безопасности на планете, окажется самым значительным достижением прожитого нами века. Собственно само рождение органа всемирной правды, видимо, состоится несколько позднее, а зачатие произошло в седой древности, когда впервые жрецы, купцы и опричники владыки всего Шумера и Аккада или фараона Верхнего и Нижнего Египта осознали, в чем совпадают их интересы. Но нет сомнений, что длительный период вынашивания плода близится к уже очевидному концу на глазах ныне живущих поколений. Мировой дух изрядно попутешествовал по странам и эпохам, меняя фасон своего походного мундира и масть коня при каждом суждении на поле боя между очередными идеологическими системами, прежде чем в финал вышли два последних претендента и схватились не на жизнь, а на смерть на арене нашего века.

На этот раз суть разногласий была уже совершенно свободна от затемнявших их в прошлом привходящих соображений и заключалась в полярной противоположности точек зрения на трех китов идеологии – свободу, благополучие и безопасность, и, естественно, на способы их достижения. Среди народов, сохранивших верность идеалам своей драчливой юности, высшей ценностью которых, как в начале и ныне, и, по всей видимости, присно, является сила, власть и «слава, купленная кровью», нет различий во взглядах на веру в то, что свобода суть добровольное подчинение «нашей» власти как источнику совершенной мудрости и добра, что благополучие – блага, получаемые

от этой власти за самоотверженный труд и верную службу, а мир – это светлое будущее всего человечества, когда закончится борьба за него полной победой этой замечательной власти на всей планете.

Основным носителем господствующей идеологии в любом обществе является общественно-активный слой обыкновенных людей. Среди воинственных народов этот слой всегда был представлен «верными служаками», внешне и внутренне являвших собою добросовестный слепок с горячо почитаемого верховного образца. Эти верные люди, любящие сапоги, ремни и блестящие бляхи, во все времена были искренне и глубоко убеждены, что только вследствие крайнего духовного невежества или коварного обмана другие народы упорствуют в своем нежелании признать над собою их во всех отношениях превосходную власть. Но, увы, нет единства в роде человеческом, которое бы не включало в себя противоположности, извечно борющиеся друг с другом. У народов, которые, достигнув зрелых лет, сумели своим трудом создать прочное доходное хозяйство, сложилась совершенно иная система ценностей, где главенствующее место стало принадлежать богатству. Здесь основным носителем духа общества стал жаждущий успеха человек дела, свято верящий, что, если знать как (производство), знать что почем (рынок), и уметь привлечь необходимый капитал (предприимчивость), то успех обеспечен; что хорошо составленный договор, в котором точно и надежно закреплены выгоды и обязательства сторон – это единственно рациональная основа любых человеческих отношений, как деловых, так и супружеских, и общественных, и международных. Свобода в его представлении – главное условие успешной деятельности и достижения счастья, благополучие – прямой результат такой деятельности, а безопасность – мир основанный на превосходящей потенциальную угрозу системе средств защиты и системе договоров с соседями о совместной обороне. В следствии развития таких представлений, сам институт власти лишился в значительной степени своего горнего величия и расшитого львами и лилиями покрова, превратившись в коллегию государственных служащих, призванных во главе с избранными народом верховными администраторами обеспечивать в рамках общественного договора (конституции) свободу, безопасность и порядок для занятого умножением богатства и благополучия населения страны. В евангелии от Локка те самые три кита: «жизнь, свобода и собственность», где «собственность» суть благополучие, а «жизнь» – безопасность жизни, и свобода – прежде всего свобода от государства в частной инициативе, будь то слово или дело, и в личной жизни. Государство существует «только для обеспечения» гражданам права на них.

То что люди по преобладанию в них тех или других естественных склонностей всегда делились на «ловцов», «дельцов» и «пахарей», ценивших и почитавших превыше всего соответственно «сталь», «золото» и «землю», ведомо испокон веков. И если испокон веков одни были убеждены, что «потом добывать то, что может быть приобретено кровью – леность и малодушие», а другие по прошествии веков накопления опыта цивилизации – что только в поте лица своего добытое богатство является основой личного и общественного благосостояния и что «богатство непременно следует за добродетелью» (хотя чаще всего не за той, которая проливает пот), то взаимопонимания и мира между народами со столь разными символами веры не может быть в принципе. Споры между «златом» и «булатом» – самый распространенный и пошлый сюжет истории, разыгрывавшийся на тысячу ладов в разных частях мировой сцены и в

разных актах мировой драмы, но только в нынешнем акте он захватил всю сцену, разделив актеров на два стана и поставив под сомнение само существование «Глобуса». Согласно представлениям большого числа участников и официальному резюме фатальный мировой конфликт происходил между «свободным миром» и коалицией дегенерирующих имперских режимов, впавших в последней стадии своего существования в фашизм. И это действительно так, поскольку каждый человек в свободном мире пользуется свободой стремиться любыми, кроме противозаконных, путями к благополучию и безопасности, в то время как в тоталитарном – только один человек и те, кому он разрешит. И, соответственно, главная «пятая сущность» свободного мира – богатство возникает и зиждется в атмосфере свободного выбора и обмена, а квинтэссенция тоталитарного – власть – в атмосфере страха и насилия. Но если заглянуть в природу вещей чуть глубже, легко увидеть, что и власть и богатство – никакие не квинтэссенции, а всего лишь разные проявления единой сущности – инстинкта самоутверждения, воля к удовлетворению которого осуществляется по разному. С этой точки зрения мировые войны нашего века по сути своей были конфликтом подобного с подобным, как и множество других. С величайшим напряжением сил либеральные маммонитяне в первом акте одержали верх над свирепыми булатопоклонниками, три милитаристские империи разом рухнули в прах. Но их дух, не угасший в имперских народах, почти немедленно воспрянул из этого праха, чтобы воплотиться в фашистских режимах, жаждущих реванша за поражения, которые потерпели в прежних ипостасях.

3. НОВЫЕ ПОРЯДКИ

В порядке подготовки к грядущим битвам, сразу и без раскачки началось на всем черном, коричневом и красном пространстве сколачиванье военно-полицейских опорных сооружений и опалубки для последующей заливки народных масс в фундаменты будущих тоталитарных империй. Одновременно началась, чтобы уже не прекращаться, переборка и очистка этих масс от всего, что может помешать схватываться бетону. Каждый, кто как-либо проявил несогласие с установленными порядками или выразил тень сомнения в божественной непогрешимости новой власти, рассматривался как тайный сторонник или платный агент государств враждебной идеологии и подлежал строжайшей изоляции от общества или просто ликвидации. Быстрый рост массы военнопленных в этой превентивной войне с собственными народами потребовал радикально реформировать пенитенциарную систему, главное место в которой теперь отводилось не тюрьмам, а концентрационным лагерям, позволяющим при малых затратах на строительство сосредотачивать в хорошо проветриваемых местностях многотысячные партии заключенных.

По мере успешного воздвижения вавилонских башен уголовных утопий стремительно увеличивающаяся масса людей, предназначенных быть стертыми с лица земли посредством принудительного труда в условиях, приближенных, насколько это возможно, к условиям преисподней, составила, исчисляемое в лучшие годы фашизма десятками миллионов, население целого континента. Выкроенный из сферы обитания живых и накрытый смертной тенью он простирался от

Бранденбургских пустошей и болот до бесконечных сопок Колымы и от тундры Заполярья до отрогов Тибетских гор.

Критики пороков общества – мятежники, пророки и вольнодумцы погибали в темницах, на эшафотах и кострах со времен Хеопсовых до наших дней, но только в наши дни, в годы существования небывалых в прошлом государств-людоедов, свободомыслящие люди из всех народов и сословий и целые сословия и народы были объявлены заклятыми врагами народа и народной власти, особо опасными государственными преступниками и образовали никогда дотоле не существовавшее сословие политических заключенных, намного превосходящее своим числом сословие рабов в мировой империи древнего Рима.

Особый запах и колорит нашему веку придали новые технологии ликвидации людей, позволившие пропускать их через конвейер смерти значительно быстрее, чем забивается скот на бойнях, а также – для производства колючей проволоки, основного материала при строительстве зон постепенного уничтожения. Запах дымков, начавших подниматься небесам сначала с окраин Москвы и Ленинграда, потом закурившихся близ Мюнхена, Веймара и Берлина, а затем, уже на полную мощность, повалил из труб Треблинки, Освенцима и прочих вводимых в эксплуатацию предприятий по очистке. Не исчез он и после того, как погас пожар войны и застроились пепелища. Он въелся в историю века и еще долго, надо полагать, не выветрится, потому что, несмотря на впечатляющие результаты миротворческих усилий влиятельнейших политических деятелей второй половины века, дымок этот продолжает куриться в подсознании человечества.

Что касается колорита серых барачных зон, расползшихся лишайными пятнами по физиономии века, то он тоже плохо поддается освещению посредством красочных Всемирных фестивалей молодежи «За мир и дружбу» и песен и танцев под калиновым кустом. И сквозь многоцветный радостный нескончаемый хоростественных юбилеев, парадов, выставок, достижений и фестивалей всего, в чем закружился до упаду наш старенький век, то тут, то там проступают очертания лагерных зон в кружевах проволочных заграждений и костлявые силуэты вышек с бдительными автоматчиками.

Конечно, население светлой стороны планеты, где не меркнут идеалы равенства, братства и свободы, где и ночи светлы от сиянья реклам великого множества процветающих на свободе компаний, никоим образом непричастно к тому, что творилось в странах, народы которых впали в разного толка социализм, где и в полдень стояла тьма.

Но для полноты картины века следует отметить, что новое (если и не незаконное, как в лагере социализма, то во всяком случае внеобщественное) сословие возникло и там, под равно согревающим всех солнцем либерализма. Это сословие вечных безработных, существующих на социальное пособие и уже нежелающих или утративших надежду изменить свой статус; сословие ненужных обществу, праздноживущих людей – неистощимый почвенный слой преступного мира. При всем различии в материальном и правовом положении сословия лишних людей свободного мира и сословия политзаключенных крепостного мира социализма, есть общее в их духовном статусе: и те, и другие лишены права на человеческое достоинство. Одни – фактически как ни на что непригодные отбросы общества, хотя и сохраняющие все свои гражданские права вплоть до права быть избранным главой государства другие – и юридически, и фактически как преступники и рабы.

В XIX веке Россия и США не без тяжких внутренних борений

признали право на человеческое достоинство за всеми своими подданными. В XX-ом общий ход вещей привел к возвращению в лоно цивилизации сословий, объективно лишенных этого права. Человечество – единый организм и его болезнями болеют все народы, естественно, каждый по-своему, в соответствии с духом и образом жизни. Казалось бы, при наличии мощной экономики и многомиллионных трудовых резервов с одной стороны и повсеместного экологического неблагополучия и народов, живущих в постоянном страхе перед голодной смертью – с другой, было бы разумно и в высшей степени человечно решить проблемы ликвидации массовой безработицы созданием системы зеленых кордонов экологической защиты, организацией сельскохозяйственных комплексов для учреждения мирового продовольственного фонда, способного обеспечивать эффективную помощь народам, оказываемым из-за стихийных бедствий перед угрозой вымирания от голода, соединив их в один узел как острейшие проблемы выживания рода человеческого и в физическом, и в моральном смысле. Подобные проекты столь же реалистичны в свете идеалов гуманизма, сколь фантастичны с деловой точки зрения.

В рыночной экономике нет места филантропическим начинаниям, финансирование которых не укладывается в квоту милостыни, установленной мудрыми маммонитянами: не более 1% от прибыли. Что свыше этого – это уже вложение капитала и должно приносить прибыль. А то, что не выгодно – то вне рынка, и если лишено альтернативных источников питания, то и вне жизни. Ко всему «лишнему» рынок в принципе так же беспощаден, как социализм – к «чуждому», с той лишь разницей, что последний сживает со света, а первый, будучи верен идеалам свободы, предоставляет своей участи.

Однако, не рыночная цивилизация с её избранниками и отверженными является основной темой данного очерка, а её антиподы и, прежде всего, те, что обитали вне закона на темной стороне планеты. Представление о них в обществе, которое отрешило их от себя, менялось в соответствии с изменениями самого этого общества. Первоначально, в контексте советской идеологии, политические заключенные квалифицировались как «зловонная куча человеческих отбросов», как «самые отъявленные, самые отпетые и разложившиеся бесчестные элементы», как «вонючая падаль» и «поганые псы». Сходных взглядов по этому вопросу придерживались и добрые соседи в Третьем Рейхе: «Большинство заключенных имеют рабские души... Это отъявленные преступники и отбросы общества... больные отеком мозга, косоглазые, всякого рода уроды, полуевреи и множество представителей низших рас».

По мере угасания идеологической потенции эмоциональную красочность времен Больших процессов в советском обществе сменила медицинская точность формулировок, нашедшая свое классическое выражение в диагнозе профессора Андропова: «лица страдающие вяло текущей шизофренией». Это безусловно корректней с научной точки зрения и даже гуманней по отношению к «страдающим», чем «косоглазые больные отеком мозга» доктора Гиммлера.

После краха тоталитарных режимов, каждого в свой черед, наступала пора причисления политзеков к лику «жертв политических репрессий». Уцелевшим раздавали золотые нимбы из папье-маше и величали «Узниками совести». Не надолго на них установилась настоящая мода. Политические деятели новой волны, особенно из тех, кто успешно держался на старой, стремились подчеркнуть свои дружеские отношения с жмурящимися в свете юпитеров бывшими узниками. Дошло даже до того, что державный кобель краснобурой

масти, добела отмывшись и отправившись с визитом в самый вертеп демократии, взял с собой пару узников повидней, чтобы они, стоя одесную и ошуюю от него, свидетельствовали тем самым буржуинам, что с ним действительно произошло чудо и перед их глазами – «новая тварь» одной с ними демократической породы.

Но долго такая музыка, само собой разумеется, играть не могла. Пришла пора и раньше всех лопнуло терпение у немецких патриотов. Один за другим стали поднимать голоса общественные деятели, историки, публицисты, призывая положить конец моральному террору, которому «жертвы» подвергают Германию, и разоблачить сочиненные ими в корыстных целях мифы о лагерях уничтожения, крематориях и душегубках, которых на самом деле никогда не существовало. В России покаянный период окончился, не начавшись. Во-первых потому, что каяться вообще-то было некому: бывшие члены ЦК КПСС и генералы КГБ, засунули партбилеты за образа и, не мешкая приняв крещение в демократическую веру, подались в капитализм, прихватив в качестве первоначального капитала весь партийный «общак». Среднее звено вины за собой, естественно, не ведало, так как вместе со всем народом было всего лишь исполнителем приказов свыше. А народ, сколько себя помнит, всё тужится понять, в чем причина, что жизни не было и нет: то ли он сам во всем виноват, то ли все перед ним виноваты. Вторая же причина была в том, что никто толком не знал, в чем собственно каяться и как. Некоторые бывшие сексоты КГБ надели было крестики и начали застенчиво заглядывать в церковь, но вскоре перестали, не увидев в том для себя никакой реальной пользы, поскольку бояться-то, как оказалось, было нечего. А через пару лет уже пошла волна совершенно противоположного раскаяния. Горько обиделся советский народ на свою родную власть за то, что себя не соблюла, перерядилась, как дешевая потаскуха в «рыночную демократию» и, пока он хлопал глазами, глядя, как вывески меняют, дочиста его обобрали, и отпустила с Богом пасть на зеленую травку. Жгет ему душу обида и стыд за то, что всю жизнь он пахал, всех кормил, а теперь остался ни с чем. И за державу тоже обидно, за утрату бывшего грозного величия, когда все его боялись, а теперь любая шпана, Чечня или Литва какая-нибудь, ему зубы показывает и он должен это терпеть. И кто во всем этом виноват, в этом случае никаких сомнений не вызывает. Найдешь гада по змеиному шипу. Всё началось с этих «борцов за права человека», за «демократизацию жизни», с недосидевших диссидентов – не нашлось на них Лаврентия! Всех подчистую повыпускали на горе народу. Вот они и расстарались: все оклеветали, продали, предали паскуды, а им еще компенсацию платят, чтобы у них яд силы не потерял.

Ни в чем и никогда так убедительно не обнаруживает себя духовное единство власти и самой патриотической части народа, как в половодье охранительной идеологии, наступающем всякий раз при политическом и духовном банкротстве великодержавного общества. На языке российской национальной гвардии, поднимающей из окопов своих чудо-богатырей с двуглавым орлом на лбу и с красной звездой в сердце, слово «правозащитник» – вновь синоним платного агента западных спецслужб, а «демократ» – просто грязное ругательство.

Забавно, что даже в маленьком Израиле, которому сам Бог не велел «следовать за большинством на зло», даже там, в густой траве идеологии выживания любой ценой, то тут, то там поднимают головки цветы советской охранительной идеологии. В принципе конечно, нет ничего удивительно, что множеству генералов и офицеров Армии Обороны Израиля, давно уже, по выходу на пенсию, служащим в

государственном аппарате или подвизающимся в политике и бизнесе, не доставляет никакого удовольствия, что в их стране разгуливают с независимым видом и распускают языки субъекты, которых кумир их киббуцной и пальмаховской юности содержал в ГУЛАГе. Не удивительна и острая антипатия к таковым как к закоренелым мятежникам и ругателям высших властей со стороны духовных вождей избранного народа, паче всего ревнующих о заселении Святой Земли только искренне преданными галахе настоящими евреями и о недопущении на её целомудренные пажити детей нечестия и разврата из стран рассеянья. Естественно и то, что представителей светского истэблшмента, биографически не связанных ни с Пальмахом» ни с синагогой, тоже чувствительно раздражает нонконформизм плохо «абсорбирующейся» части репатриантов из России и тревожит резко усилившаяся конкуренция в сфере квалифицированного труда, в связи с наплывом дипломированных и безденежных родственников.

Но чтобы уловить и верно понять это недовольство, слегка прикрытое пыльными лозунгами обветшавшего, но пока никем не отмененного сионизма, и уловить гневный ропот патриотических сил, доносимый ветром из бывшего социалистического отечества, и творчески слить эти подземные духовные струи, чтобы в русскоязычной прессе Израиля мог возникнуть родник советской охранительной идеологии, для этого нужны были резонаторы особой чуткости и диапазона, и они нашлись. Конечно, в среде репатриантов из тех степей, где некогда привольно паслись россинанты, конечно, успешно прошедших абсорбцию и жаждущих оказаться хоть чем-нибудь полезными своим новым, но уже любимым властям, и, конечно же, это были опытные и вполне профессиональные защитники политических и моральных устоев общества и им было нетрудно войти в новую колею.

Стоило только сменить фразеологию и без всякого принуждения новые, хотя и немолодые, дети Израиля зашебетали бойко и радостно. Кто славил родину там, стал славить её и тут. Кто клеймил её врагов там, тот и тут не дает им спуска. Из рядов этих ветеранов и прозвучали смелые разоблачения низкого морального облика чуждых здоровому израильскому обществу элементов, которые были политическими преступниками там и легко могут стать социально опасными тут. Обнаружились хорошо осведомленные свидетели, что это, в основном, невротики с психическими отклонениями (нечто вроде вялотекущей шизофрении). Другие их соратники убедительно доказывают, что эти субъекты занимались там своей деструктивной деятельностью исключительно из корыстных побуждений (платные агенты враждебных спецслужб). Третьи с неподдельным сожалением вынуждены признать как очевидцы, что для политзаключенных была характерна крайняя моральная нестойкость и, оказавшись за решеткой, они поголовно предавали друг-друга, а в лагерях становились в очередь к оперуполномоченным (разложившиеся бесчестные элементы, рабские души).

Разброс мотивов, питающих рецидивы охранительной идеологии в разных странах необыкновенно широк. Она способна привлечь под свое крыло и бывшего советского деятеля искусств, решившего, что так дальше жить нельзя, и ставшего деятелем политическим, и бывшего члена Политбюро ЦК Французской компартии, разочаровавшегося в коммунизме и обратившегося в мусульманство, и бывшего израильского министра, уличенного в крупных финансовых махинациях и всецело посвятившего себя после этого духовному руководству обществом, и почтенного историка, сохранившего в душе верность идеалам юности, прошедшей в рядах СС. Сила, способная духовно объединить столь

разные фигуры велика и примитивна, и иной быть не может. Представляется наиболее вероятным, что это глубокая инстинктивная убежденность родственна той, что господствует в животном мире – в примате силы. В человеческом обществе логовица голой силы, не стесненной ничем человеческим, находятся в глубине дремучих чаш «силовых структур», окружающих деспотическую власть, и в джунглях уголовных банд. От этих логовиц идет густой запах насилия, «прямого действия». Вокруг них – атмосфера восхищения и страха, в которой воображением фанатичных поклонников сильной власти творятся мифы о ее величии и благодатности для народа (потому как без строгости с нами нельзя). Невелик секрет, что «великая сила» сильных мира сего появляется у них только с началом возникновения мифов о ней, обнаружившей себя в их чрезвычайной решительности и крайней беспощадности. Как это ни печально, но люди, которые именно в решительной бесчеловечности видят свидетельство силы и уверены в безусловном её превосходстве над всеми человеческими качествами, составляют, увы, не малую часть рода человеческого. Сильная и страшная в своем величии и непредсказуемости власть – их подлинное божество, которому они поклоняются как всемогущему на земле наместнику далекого небесного Бога или как гениальным вождям, воплотившими в себе волю миллионов, или просто как главарю банды, захватившей власть над местечком, городом или страной.

Это своего рода религия поклонников Великой Святой Силы, страшной, но справедливой, в произволе которой они видят лишь подтверждение истинности своей веры, а в вере своей – самоутверждение. Добровольный раб всегда солидарен со своим деспотом и даже когда его казнят по воле последнего, он умирает с именем владыки на устах. Иродиане всегда едины с Иродом и чтут в нем Отца, не ведая, что они его сами и породили своею иродовой верой. И если кто-нибудь усомнится в подлинности величия Ирода, то тем самым возведет хулу на веру иродиан и на них самих, за что ему и будет отплачено искренней ненавистью.

Вот из этой самой стихии и черпала во все времена свою жизненную силу и кадры охранительная идеология. Явившаяся на свет, держась за пятку идеологии апологетической, она вскоре заняла в практической жизни первенствующее положение. Прославление идола власти – дело важное, но охрана – ещё важнее. Убеждать народ, что его власть-самая-самая, дело нехитрое, поскольку он и так в этом убежден. Необходимо внедрить в его сознание, что противники «нашей власти» – враги народа, что следить за ними и доносить на них – гражданский подвиг, а беспощадная расправа с ними – торжество справедливости, свершаемой во имя безопасности и блага самого народа. Превратить весь народ в доносчиков было заветной мечтой всех вождей советского народа, но, несмотря на прочность иродовых традиций в российском массовом сознании и на господствующее положение иродиан-сталинщины в партии, это оказалось нелегким делом. Даже внутри самой партии внедрение новых моральных норм сталкивалось с определенными трудностями, о чем свидетельствует замечательное выступление зав.отдела печати ЦК ВКПб С.И.Гусева на XIV съезде партии: «Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, то есть, должен смотреть и доносить... Если мы от чего-то страдаем, то это не от доноительства а от недоноительства.» Товарищу Гусеву верить нужно, в РСДРП он с самого её начала, во всех комитетах перебивал на секретарских постах: и в Петербургском аж в 1905г, и в Петроградском ВРК в славном Октябре, и в ЦКК РКПб, и в

Политуправлением Республики покомандовал в Гражданскую – вобщем партию свою знал и знал, что говорил. Действительно, пришлось ей некоторое время пострадать от недостаточного доносительства, но потом ее секретарь, став «Лениным сегодня», основательно вправил ей мозги, заставив, ради грядущего блага народа, расстрелять и уморить голодом 5 миллионов «кулаков и подкулачников», и 2 миллиона «троцкистов и бухаринцев», после чего она в этом смысле полностью поправилась.

С народом, конечно, тяжелее. Если, так сказать, на все сто процентов, то доверия оказанного ему партией он не оправдал. Ну а если брать по сравнению с другими народами, то его в этом деле никто не обошел. Нет у них той преданности, той ревности о пользе державы родной. И совершенно заслужено российские пролетарии возглавили великий марш охваченных гневом миллионов по центральным площадям городов Советского Союза, Германии, Китая, требующих смертной казни для предателей и врагов народа, в панораме нашего века, века «восстания масс».

И нельзя убрать простершийся над этой панорамой серый полог безбожия, под которым так гордо реют красные знамена с золотыми серпами и молотами и с черными свастиками. Без него просто была бы нереальна картина. Миллионы взметенных вверх рук, миллионы отверстых ртов. «Только: «Ура !!!» и «Смерть !!!»» И миллионы казненных, истребленных в войнах и карательных операциях, забитых до смерти в следственных тюрьмах и сгинувших в лагерях. И миллионы статуи-кумиров и портретов-икон во славу полудюжины моральных дегенератов, вознесенных нечистой силой над народами и осатаневшими от величия, от пролитой крови и от страха. Столь полная утрата человечности мыслима лишь при полном безбожии и если не замечать, не желать видеть опустошения душ: человеческих и мерзость, проникающую в святое место, то вся картина века будет неверна и недоступна пониманию потомков.

Каждый век мог претендовать на то, что к нему относятся слова Экклезиаста: «И сказал я в сердце своем, чтобы испытал Господь сынов человеческих и увидели они, что сами по себе они животные». Каждый из минувших веков, но наш – более всех минувших. Не менее легиона «экклезиастов» посвятили свой талант тому, чтобы помочь сынам человеческим уверовать, что они – животные. Собственно, мысль, что человек приобретенный им по случаю разум «для того лишь смог употребить, чтоб из скотов скотиной быть» была высказана уже в начале прошлого века и к концу его обросла солидной аргументацией философского, биологического и психологического порядка. Есть основания полагать, что глубже всего она проникла в мозги следователей НКВД-ГБ и их коллег из РСХА. Убеждение, что основное различие между людьми сводится к тому, сколько нужно бить каждую отдельную человеческую особь, чтобы она обнаружила готовность предать всех и вся, являлось своего рода «професюн де фуа» этих опытнейших специалистов по «работе с людьми». Лучшие из лучших этого элитарного корпуса подлинных «инженеров человеческих душ» несомненно заслужившие на картине место в непосредственной близости к «великим кормчим».

Откуда же вдруг взялась эта нечисть на горе, вроде бы как, процветавшей цивилизации и каково её имя?! Она в самом деле появилась на свет неожиданно, сразу же после первой мировой войны, на которую все её участники возлагали большие надежды. Видимо, так уж предопределено было самим ходом событий, ускользавшим от понимания главных действующих лиц и следовавших за ними народов.

Прежде всего, естественно, утратили все надежды побежденные империи и правившие ими отжившие свой век милитаристские династии. Но и победителям вскоре пришлось произвести горькую переоценку плодов своей победы. Хотя Романовы, Гогенцоллерны и Габсбурги оказались выброшенными из истории и были вынуждены смириться с этим, народы, с которыми они расстались, не смирились. Дух имперской самости, гнездящийся в затененной части их сознания, отравлял их души ненавистью за понесенное поражение и к победителям, и к своим повелителям, виновным во всем: в позоре, в бездарной гибели миллионов солдат, в разрухе и голоде. И если ненависть к победителям была бессильна, то свои господа были под рукой и находились в растерянности. Вот к их горлу и потянулись руки чувствующих себя обманутыми и преданными ими патриотов. Именно в этот момент выныривает из возбужденных толп хищная физиономия бестии, ставшей известной под именем «фашизм». Тот факт, что имя это родилось на итальянской земле (fascia по-итальянски – «связка, объединение») отнюдь не означает, что родина фашизма – Италия. Его настоящая родина Россия, в Италии он победил пятью годами позднее. Да и по части реализации фашистских идеалов она далеко отстала от России и Германии, оставшись и в лучшие годы фашизма его недоразвитым и неполноценным детищем. Хотя «дуче» выглядел много импозантней германского «фюрера», не говоря уж о кремлевском недомерке, но по фашистским меркам недомерком в этой компании оказался именно он. Ни политически, ни идеологически ему не удалось поработить народ Италии столь полно, унижить и растоптать представление о человеческом достоинстве в его сознании столь основательно, как им в своих империях. Но как бы то ни было, название самого отвратительного политического режима, созданного людьми, звучит по-итальянски. Слово «фашист» сегодня известно всем. Но даже хорошо образованный человек затрудняется обычно дать определенный ответ, что это за зверь такой? Он может рассказать много и даже очень много на эту тему, но его ответ, как и статьи энциклопедических словарей на эту тему, будет лишен ясных и четких определений. Равно отсутствует определение этого преступного феномена и в юридическом лексиконе, что делает его практически неподсудным. На Нюрнбергском процессе, единственном прецеденте международного суда над фашистами, их судили за войны, начатые без объявления войны, за преступления против человечности, но фашизм на скамье подсудимых не сидел. Отнюдь. Он сидел среди главных обвинителей и судей, на почетном месте. В это самое время его карательные войска вели истребительную войну против народов Прибалтики и Западной Украины. В это самое время самым преступным и особо жестоким образом он изгонял с родных земель и насильственно переселял семь народов Северного Кавказа, Крыма и Поволжья. При этом от голода и холода погибло большинство стариков и детей. Дюжина главных преступников были награждены за командование этими «войсковыми операциями» высшими воинскими наградами, орденами Суворова и Кутузова. В период своего сердечного согласия с Гитлеровским рейхом он захватил прибалтийские государства, Бессарабию и совместно с гитлеровцами по-братски разделил пополам Польшу, после чего подверг их «операциям по зачистке» – геноциду, расстреляв без суда весь офицерский состав их армий и бросивши в свои концлагеря наиболее влиятельную часть духовенства и интеллигенции.

В течение четверти с лишним века Советский фашистский союз осуществлял последовательный геноцид своего населения, уничтожив в

ходе репрессий гораздо более человеческих жизнью, чем фашистская Германия. Однако никто не обнаруживал намерения предъявить ему обвинения за эти преступления. Разумеется, прежде всего потому, что поблизости находились миллионы советских солдат и тысячи танков. С другой стороны было очевидно, что если бы начались разборки между победителями, кто и насколько запятнан действиями, несовместимыми с человеческой моралью и международным правом, то хрупкому консенсусу, возникшему между ними в борьбе с общим врагом, немедленно бы пришел конец. Ведь если смотреть на вещи беспристрастно, то выдача Чехословакии Гитлеру в обмен на фальшивый вексель на мир тоже было попранием заключенных с ней соглашений и соучастием в развязывание войны. И превентивное потопление французского флота у африканских берегов с двумя тысячами ни в чем неповинных моряков – тоже массовое убийство. И ликвидация Дрездена со всем его населением иначе не назовешь как военное преступление, совершенное исключительно в порядке мести и устрашения. По тем же самым мотивам были произведены атомные фейерверки в Хиросиме и в Нагасаки, слизнувшие огненным языком более двухсот тысяч душ за три месяца до Нюрнбергского трибунала. И то что при этом предполагалось припугнуть не только микадо, но и заклятого друга «дядюшку Джо», чтобы заставить его отказаться от дальнейшего «освобождения народов» на Западе и на Востоке, никак не оправдывает совершенного злодеяния. Конечно, соображениями политики оправдать это не трудно: кто же будет делать её в белых перчатках, особенно когда на дворе такая погода?! – но не с юридической и, тем более, не с моральной. Во всяком случае у западных членов Трибунала было достаточно резонов, чтобы не вытаскивать скелетов из громадного черного шкапа за спиной их восточного соседа. Кроме всего прочего, они на самом деле считали вероятным, что смогут найти приемлемую форму соглашения с ним для установления послевоенного миропорядка. Уроки Мюнхена для них оказались недостаточно назидательными. Им так хотелось верить, что они уверили себя в том, что «фашизм» и «коммунизм» – вещи разные, что «коммунизм» намного приличней, и что поэтому, учитывая, разумеется, и его самые крупные в мире вооруженные силы, и его невероятно возросшую в результате разгрома гитлеровского рейха популярность, с ним следует наладить, насколько это возможно, взаимовыгодное сосуществование.

Лишь старый воробей, мистер Уинстон Черчилль не клевал эту мякину. Хотя, вероятно, не раз вспоминал свою браваду в разгаре войны, когда заявил, что готов заключить договор с самим сатаной, чтобы загнать Гитлера в ад. Договор состоялся, inferнальную сторону в нем представлял «маршал Сталин», и германский фюрер через пару лет отправился по оговоренному адресу. Но действия подобных договоров не прекращаются по достижению оговоренных целей. Платить по нему пришлось гораздо дольше, чем предполагалось, и первым поплатился никто иной как сам сэръ Уинстон, когда во время ожесточенной дискуссии в Потсдаме о границах в послевоенной Европе за его спиной, как перст судьбы, возникла скромная фигура мистера Эттли.

Первого из политических деятелей западного мира, разглядевшего подлинную физиономию фашистской бестии, вынырнувшей из германского подполья, деятеля объединившего и организовавшего на смертельную борьбу с ней народ своей страны в самый трудный час его истории, приведшего его к победе и лучше всех из сидевших с ним за столом во дворце «старого Фрица» понимавшего, с какой еще

более опасной бестией им приходится иметь дело, его народ Англии «прямым изъявлением своей воли» выставил из Уайт-Хауса и, само собой, из-за стола переговоров, предпочтя ему его «управдома», Лорда Председателя Совета коалиционного правительства, мистера Клемента Ричарда Эттли. Драматизм ситуации для сэра Уинстона заключался не в том, что этот застенчивый выходец из средних классов, замечательный только своей бесцветностью, сменил его, потомка семи поколений джентльменов, правивших Англией, в кресле премьера. В другое время это было бы даже несколько комично, если учесть, что в предыдущем кабинете развязные языки обозревателей величали миролюбца Невилля Чемберлена «старым кроликом», а Эттли, обязанного своим положением лидера оппозиции полемизировать с ним в палате, «листочком салата», дрожащим от храбрости. Воистину драматично для Черчилля было то, что в этот важнейший момент истории, когда должны были решаться судьбы мира, Великобританию будет представлять уже не он, а этот «салатный листок», пропитанный со времен своей адвокатской молодости, как уксусом, социалистическими идеями. «Доброму старому Уинни», такому проницательному и опытному в вопросах мировой политики, было очень нелегко понять, что именно потому, что для него главным было вершить судьбы мира в соответствии с интересами Британской империи, а главной заботой мистера Эттли были условия жизни народа Англии, улучшению которых считала себя призванной служить его лейбористская партия, она оказалась после окончания войны нужнее для народа, вынесшего эту войну на своих плечах, чем консервативная партия сэра Уинстона. После шести лет беспримерно тяжелой войны, после всех потерь, разрушений и предельного напряжения сил для всех народов Европы самой насущной потребностью было восстановление условий жизни, и повсюду, где существовал демократический строй, к власти пришли правительства, ориентированные прежде всего на социально-экономические проблемы.

В силу старения мировой цивилизации, начало века ознаменовалось треском разваливавшихся политических конструкций, отживших свой век. Идеи демократизации и деколонизации, которым упорно сопротивлялся век XIX, после крушения пяти самых реакционных империй, хлынули из затопленной социальными возмущениями Европы и растеклись по всему ранее покоренному ею миру. Освобождение от произвола и насилия стало мейнстримом второй половины века. Возникшие было фашистские образования охваченные идеей нового порабощения народов, более полного и жестокого, просуществовали ничтожные исторические сроки, будучи сокрушены этим течением. Дольше всех продержался Советский фашистский союз, но, протянув семь десятков лет, и он в силу собственной дегенерации развалился на куски. Однако, благодаря своей исключительной лживости, русский фашизм сумел продлить свой век под маской демократической республики и продолжает политически и оружием поддерживать последнюю, уже послевоенную генерацию фашизма в странах ислама.

4. СИЛА МИРА СЕГО

Какая же сила объединяет истых последователей Мухаммеда и облекшееся в ризы демократии православие? Да та же самая, которая под самыми разнообразными личинами открыто борется за власть над миром уже третий век – сила атеизма. Именно он является главным духовным корнем фашизма и множества других мелькающих в истории

идей насилия или растления и вдохновляемых ими режимов. Простое безбожие – неверие в существование Бога – это лишь одна и исторически не самая распространенная форма атеизма. Существует и более эмоциональная и искренняя атеистическая точка зрения, согласно которой Бог есть зло. Высказанная однажды этими словами Прудоном молодому Марксу, она привела его в восхищение своей краткостью и точностью. Но это годится только для интеллектуальной элиты, в широких массах, кроме твердокаменных большевиков и членов ордена СС, она не приобретает популярность. Более всего создатель этого вероучения поощряет смешанные формы, когда «рациональное зерно» неприязни к Богу соединяется с сомнением в его благодати, подозрением его в деспотизме, манипуляциями с его заповедями и – почему нет? – с простеньким сомнением в его существовании. Все это в зависимости от обстоятельств хорошо драпируется или в ризы благочестия или в тогу прекраснодушного гуманизма. Самый любимый его маскарадный костюм – это «Ангел света». В этом облики он является чаще всего своим избранникам: лжепророкам, ересиархам, учителям тайных знаний, проповедникам утопий и великим вождям народов – всем главным наставникам человечества во лжи.

Всякое большое преступление начинается с большой лжи. Для того, чтобы привлечь массы (а без них по-настоящему большого преступления не совершишь) и повести их к преступной цели, необходимо их предварительно обмануть. Заставить их поверить, что переносимые ими лишения и горести – постоянно сопутствующие жизни широких масс в истории – всех их превращает в праведников, а коварных их поработителей и грабителей – тех, кому хорошо живется в этом мире – во врагов Божьих и человеческих, отомстить которым их священное право, после чего их ждет счастливая жизнь. Для того, чтобы убедить правящие круги в необходимости широких карательных акций и превентивных военных действий против соседей, надо заставить их поверить, что соседи завидуют им и стремятся посеять смуту в их государстве, а внутри его зреет разветвленный заговор и промедление смертельно опасно. Поскольку большие или меньшие факты для таких подозрений всегда имеются, то два этих типа провокации, подгоняемых в деталях к конкретным ситуациям, беспроблемно действуют в течение всей истории. И старый «месье с копытом» довольно потирает руки, посмеиваясь над тщетными усилиями миротворцев остановить кровопролития и мятежи.

Атеизм пришел к нам на землю не в нашем веке, хотя государство, провозгласившее воинствующий атеизм своим официальным мировоззрением, не было известно в истории до появления первой фашистской державы – Советского Союза. Несомненно, это откровенное знамение прихода времени власти тьмы. На другой стороне мира было несколько светлее. Там, на Всемирных промышленных выставках царило ликование по поводу блестящих побед научно-технического прогресса, феноменального роста доходов и ожидания скорого прихода эпохи всеобщего процветания под солнцем мирового рынка. Разумеется, попутно прославлялись достижения свободы, демократии и прав человека, но чуть-чуть скромнее. Что же касается отношения к Господу Богу, то здесь успехов не было, скорее наоборот. Конечно, английский парламент, когда это нужно, пел «Боже, храни короля». А американский президент прочувственно произносил: «Да поможет нам Бог!», и в случаях переписи большинство граждан расписывалось в своем христианском вероисповедании, но, если говорить честно, картина выглядела далеко не так благобно. Искренне и честно верующих в Бога было, как и почти всегда и везде, лишь «малое

стадо». Немало было таких, кто считал своим долгом соблюдать традицию, ради сохранения установленного миропорядка и нравственности, ибо «все равно, Кто-то есть». Значительным было меньшинство обыкновенных безбожников, людей совершенно равнодушных к тому, есть Бог или нет. Большинство же состояло из людей «полуверующих», которые посещали иногда церковь, поскольку все же есть Бог, сущий на небесах. Однако в своих земных делах они были целиком и полностью людьми мира сего. Теми, о ком говорит пословица: «Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга». В сущности это был стыдливое или трусоватое безбожие, когда сохраняя каплю веры в существование Бога, человек желает подстраховаться перед Ним мелкими знаками показного благочестия, но гораздо более веруя в силы и ценности мира сего и соответственно живя, фактически отрицает Бога. И конечно же, он не отдаёт себе отчёта что со своею «полуверой» гораздо дальше от Бога, чем неверующий, но живущий в соответствии с нравственными требованиями, которые ему диктует совесть, разум и его чувство человеческого достоинства.

Формы скрытого атеизма многообразны и весьма распространены, опять-таки, всегда и везде, хотя в каждую эпоху наибольшего распространения получают лишь некоторые из них. И все они представляют собой лживые исповедания имени Божьего, запрещенные третьей заповедью Синайского Завета : « Не исповедуй ложно имени Господа Бога твоего!»

Уже семнадцать веков большинство христиан читают ее как « Не произноси имени Господа Бога твоего всуе!», хотя всем знающим язык оригинала – иврит – известно, что глагол этой заповеди означает : «поднимать, возносить». Никакой ни этимологической, ни семантической связи между двумя этими глаголами нет. С некоторой натяжкой можно сблизить значения «произносить» с «возносить» если последнее понимать как «произносит громко», то есть возвысить голос, произнося имя. В талмудическом иудаизме, на всякий случай, чтобы ненароком не нарушить заповедь, запрещено вообще произносить имя Божие, которое Он дал через Моисея именно для обращения к Себе. Христианское благочестие с той поры, как Церковь соединилась с мирской властью в «симфонии» (прямо нарушив заповеди о том, что нельзя служить двум господам, что духовная жизнь посвящается только Богу – Богу Богово, и что привязанность к миру – измена Богу) последовала в прочтении третьей заповеди за талмудическим переводом, как бы и не замечая, что тем самым одна из трех первых заповедей, говорящих об отношении к Богу, приобретает тот же ничтожный смысл, что и языческие обычаи не называть по имени своих богов, чтобы они не появились вдруг. Но если читать слово Божие так как оно сказано Им, то вознесение голосом Его имени имеет смысл клятвы и исповедания, произносимых не по пустякам, а по истине. Тогда само собой и последнее слово заповеди переводится не «всуе» (попусту), а «ложно», в каком смысле оно и употребимо прежде всего. И это значит, что заповедь обязывает верующего слушать голос Господа и стремиться по истине исполнять повеления Его и постигать учение Его. Но, приняв от кесаря обмакнутый кусок и признав его своим господином, церковь вступила на широкий путь ложных исповеданий, на все лады извращающих слово Его, чтобы выдавать волю свою за Его волю. Все началось с утверждения: всякая власть от Бога («...нет власти не от Бога...противящийся власти противится Божьему установлению...Рим.13-1,2») и «...будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа ...ибо такова есть воля Божия...IПет.2-13,15») после чего палачи и опричники

всех эпох обрели право быть оправданными как исполнители данных властями приказов. Одному Богу ведомо, откуда попали эти слова в послания Петра и Павла, но они явно не от Него. Не сами ли Апостолы противились власти, когда она (синедрион) запрещала им проповедывать Евангелие Господне?! Похоже, что тут приложил руку Евсевий Кесарийский по повелению Великого «равноапостольного» Константина первого растлителя церкви. Наш самый кровопролитный из всех век безусловно лидирует и в атеистическом «просвещении». И поскольку фашизм – абсолютный рекордсмен на обоих этих поприщах, необходимо ясно разобраться в его генеалогической таблице.

Каковы же отличительные черты фашизма, унаследованные им и благоприобретенные в наше время, по которым мы можем всегда без больших затруднений определить: перед нами именно эта бестия? Духовная предрасположенность к миролюбию или к насилию разделила род человеческий на пороге его земной истории. И «потомков Авеля» в мире, увы, меньше, чем «Каина», хотя большинство людей по духу своему безусловно «дети Сифа», в душах которых борются эти духовные начала. Преобладание того или другого в значительной степени зависит от обстоятельств рода, места и времени, но все народы воют в своей истории почти в каждом поколении и война приучает солдат смотреть на противника только через прицел для стрельбы. Подобная узость взглядов всячески поощряется «отцами-командирами», в задачу которых входит, кроме всего прочего, воспитание своих «детей» в духе любви к Родине и ненависти к врагу. Для многих война и армейская жизнь становятся главной школой и ветераны навсегда сохраняют в душе враждебное отношение к народу, с которым пришлось воевать. Это постоянно пополняет в мире массу, привычных к насилию людей, для которых оно ассоциируется с подвигом. Должно знать, что хороший солдат – это солдат, хорошо умеющий убивать без лишних эмоций, и что такой навык неотвратимо меняет его психику, резко смещая её в сторону насилия, что морально он становится калекой, вознаграждаемым за свои доблестный труд орденами и почетом, а для ребят, еще не нюхавших пороха, – героем и образцом для подражания. Следует знать также и то, что эти герои, неисправимо расчеловеченные войной, всегда готовы отозваться на призыв зовущего к насилию рога, поэтому они – отборные кадры «штурмовых отрядов» и «красной гвардии», элитных частей «СС» и спецназа. Они – ударная сила «фашистов первого часа» при захвате власти и они – чрезвычайный «преторианский легион», стоящий на страже безопасности фашистского вождя и аппарата его власти. Без них фашизм возникнуть на сцене не может. Но основой фашистских режимов они быть не могут.

Для того чтобы фашизм мог овладеть страной и создать свое государство, необходим народ. Такой народ, которому от рождения свойственно чтить превыше всего силу, большинство которого мучается злобной завистью к более благополучным соседям и обидой на свою несправедливую судьбу, утраченное чувство собственного достоинства которого сменилось диким, агрессивным самолюбием и жадной отмычкой всем, кому живется лучше, у кого земля богаче, кому Бог дал больше ума и умения.

Этому расчеловечивающему свойству посвящен в Священном Писании первый эпизод в жизни человечества, отрешенного от близости к Богу, убийство Каином Авеля. В разной мере эти свойства распространены среди всех народов, хотя нет такого, в котором они господствовали бы безраздельно. Но в каждом есть гнездовья, где они размножаются и накапливаются. Они не могут развиваться так,

чтобы охватить широкие слои населения, если в народе существует взаимодоверие, основанное на искренней вере в Бога немногих людей и взаимном уважении друг к другу многих. Однако к концу XIX века кризис веры в Бога и социальный антагонизм в странах европейской цивилизации как никогда ослабили нравственные устои и человеческие связи в народах. Прогресс наук и техники, резкое расширение поверхностного образования в атмосфере мировоззренческого скепсиса, охватившего интеллектуальный мир, издержки эмансипации женщин и «свободная любовь», увлечение социальными идеями самого разнообразного толка, возбуждающими полуобразованные массы, и общее ожидание скорых и необыкновенных перемен – всё это делало мир неуравновешенным более чем когда-либо и неспособным критически оценивать реальность идей и целесообразность новаций. Обстановка как нельзя лучше способствовала тому, чтобы в народах, предрасположенных к фашизму начался интенсивный процесс подготовки главных составляющих его идеологии.

В России такими составляющими стали мифы о «великом государе», о «святом народе» и о последней страшной битве с антихристовым воинством. Духовная почва для их произрастания образовалась к концу XI века в «Залесской Руси» – восточном углу междуречья Оки и Волги, где наиболее дикое из восточнославянских племен – вятичи хорошо смешались с «чудью» – финно-угорскими племенами, задолго до них обживших эти земли. Почитание превыше всего силы и привычка к насилию как главному средству в отношениях с соседями и хищная зависть к тем из них, кто сумел построить жизнь свою согласней, умней и лучше, стали коренным духовным пластом в этом этносе. Идею самодержавной власти князя принес в их темный угол худший из сыновей Мономаха, угадавшего подходящее место для своего нелюбимого киевлянами «долгорукого» чада. Здесь его хищное самодержавие отлично спряглось с местным духом произвола и насилия, и, покорившись силе, разбойное население Залесья признало в долгоруковском племени своих подлинных господ и объединилось наконец под их руку в холопски преданную общность. Так была зачата грядущая московская цивилизация, сразу же приложившая руку к развалу материнской Киевской Руси и вскоре отданная судьбой на выучку монголам. Сказка же о Великом и единственным на земле истинно православном Государе и о его верном, православном народе родилась вслед за падением Византии. Из-под татар Русь вылезла уже как «Святая Русь». Царям с той поры льстили, как ханам, беспрерывно и на пределе воображения. Народ же святость свою приобрел по совокупности с царством – как холоп Великого Государя Святой Руси. Три века спустя ему прибавили её по своей беззаветной любви к его великорусской национальности славянофилы и по сочувствию к его вековым страданиям народники. Что же до последней великой битвы то тут конечно большую роль сыграли победы над турками и несомненное призвание России восстановить православный крест над Святой Софией, а заодно и очистить Святую Землю от всех нехристей. Но еще и при недужном Василии инок псковского монастыря Филофей предсказал ему, что Москва есть Третий Рим и под руку Белого Царя соберутся все царства земные. То есть станет он кем-то вроде заместителя Иисуса Христа. Нестройное это пророчество, укоренившееся однако прочно в народном сознании, подправил никто иной как сам Владимир Соловьев, человек замечательный, но имевший слабость к народному жанру предсказаний. Он ясным языком описал картину побиения Антихриста и установления на земле власти единого монарха – Русского Царя и

единого первосвященника – Римского Папы. С папой он, конечно, русскому сердцу не угодил, но зато царь – как есть вся земля, с Филофеевым на одно лицо.

После «великого переворота» в октябре 1917-го царский миф, само собой, выкинули. Его заменили на революционный, сочиненный другим пророком, вступившим на это поприще по достижению 30-летнего возраста в сообществе с младшим помощником. Из уст этих молодых людей в 1848 году миру стало известно, что уже «бьет час капиталистической частной собственности». Нельзя сказать, что на Западе это грозное предупреждение привлекло к себе общественное внимание. Даже радикально настроенные русские революционеры-эмигранты пренебрежительно отнеслись к «Коммунистическому Манифесту», благовествовавшему скорое наступление царства мирового пролетариата. Они били в «Колокол», призывая к революции топора российское крестьянство, а борющийся за повышение заработной платы и улучшение условий труда промышленный пролетариат Европы был для них отнюдь не своим и недостаточно радикален. Попытки же «Маркса и его «шайки» вызвать раскол в «Союзе коммунистов», а позже и в «Интернационале» были перед смертью оценены Михаилом Бакуниным, в справедливом соответствии «с их ложными авторитарными теориями, с их диктаторскими замашками и манерой вести подпольные интриги, с их гнусными происками, жалкими личными дрязгами, грязными оскорблениями и подлой клеветой, которыми характеризуется почти повсюду политическая борьба немцев и которые, к несчастью, они протаскивали и в Интернационал», что не отрицало их заслуги в его организации.

Но спустя полвека неостребованный на Западе манифест о последнем часе, провозвестники которого незаметно уже покинули этот грешный капиталистический мир, оказался ко двору как раз там, куда, повинувшись воле диалектического и исторического материализма уполз «мировой революционный центр» – в дремучую глушь российской империи, где в трех лишь больших городах пролетариата вместе с буржуазией было меньше, чем лакеев, а в безбрежном море деревень водились только лишь пьяные помещики и периодически трезвые крестьяне. И в этом был резон, недоступный ни теоретикам, ни практикам «научного социализма».

Революционный миф, которому самое малое четыре тысячи лет, рожден в сознании народных масс, доведенных бесчеловечной эксплуатацией до отчаянного состояния, когда разум соединяет мечты о лучшей жизни с жадной отмщенья виновникам страданий живущего в нищете и несправедливости народа. Проходящий сквозь все времена, поскольку мир по своей духовной сути не меняется, как не меняется в целом духовное состояние человечества, архетип революционного мифа неизменно держится на трех догматах веры:

1. Главные силы зла и несправедливости – это правители, знать и духовенство, которые при помощи своих слуг и войск угнетают простой народ, заставляя его тяжело работать и отнимая у него всё, что он производит, оставляя ему лишь крохи, чтобы не умереть с голоду. Они – преступники против Бога, которому лгут, и против народа, которого грабят.
2. Простой народ, который всех кормит, одевает, согревает и все строит и устраивает, только он один истинно праведен и справедлив и ему одному принадлежит право устраивать жизнь на земле по законам пользы, добра и справедливости.
3. Поскольку преступная власть ему никогда не даст по доброй воле такого права, народ должен объединиться на священную

войну против врагов Божьих и человеческих, свергнуть злодейскую власть господ и истребить все их проклятое племя, чтобы вернуть себе данные Богом права и все свои, награбленные у него богатства, разделить их поровну и установить на вечные времена справедливые законы, при которых все будут равны и счастливы.

Этот простой и ясный взгляд на вещи, основанный, казалось бы, всецело на очевидных фактах и на логике здравого смысла, доходчивый для каждого человека из народа, содержит, тем не менее, толику метафизики, не разрешающей отнести его к разряду секулярной идеологии, а требующий числить его по ведомству мифологии. Когда контраст между условиями жизни высшего общества и народа достигает роковой черты, в сознании отчаявшихся людей рождаются представления, в свете которых становится виден выход из совершенно безвыходной ситуации. Нравственные пороки верхов и достоинства низов обретают черты абсолютного Зла и Добра, а конфликт между ними – характер Вселенской драмы. Нельзя забывать, что дело касается простого народа – той части человечества, которой почти во все века свойственно религиозное чувство и всегда, без почти, склонность к вере в чудеса. Вот тут появляется возможность для инфильтрации в зазор между реальными и ирреальными представлениями капли дьявольской логики, следование которой неизменно приводит к впечатляющим результатам, давшим в свое время де Местру основание утверждать, что «во всякой революции есть нечто сатанинское». Благодаря добавке, чудесным образом меняются масштабы всей драмы. Враги народа превращаются в представителей Абсолютного Зла – сил Адовых, и восстание против них – в Мировой переворот, в Последнюю Священную Войну Сил Света с Силами Тьмы. Более того, в решительный момент, согласно мифам всех великих религий, во главе Сил Света появится сам Вождь воинства небесного и Зло будет истреблено совершенно, а на земле установится для Праведного народа возрожденный Рай.

Такая редакция, с внесением применительно к конкретной обстановке соответствующих фактов и имен, прошла через вереницу веков, сохранив свою принципиальную основу, что безусловно свидетельствует о её соответствии фундаментальным народным представлениям о добре и зле, о справедливости и праве. Простота и прочность этой основы позволяет, используя имеющее место искажение масштабов, почти незаметно произвести подмену представлений и максимально радикализировать события. Фокус стар, как мир, и с тех пор как впервые был продемонстрирован в райском саду, проделывался на разных уровнях (от индивидуального до общенародного) бесчисленное количество раз с ничтожным количеством осечек. Свою основную работу «старый месье» исполняет весьма профессионально. В данном случае производится манипуляция с заповедями «Не исповедуй имя Господа Бога твоего ложно» и «Не убий».

Поскольку перед началом восстания страсти накаляются добела, превращения верхов в Абсолютное Зло, а низов в Абсолютное Добро происходят на ура, после чего Бог несомненно оказывается на стороне Праведных повстанцев, а восстание, тем же образом, оборачивается Священной Войной, в которой какое-либо сострадание к врагам Божьим есть измена Богу, поскольку они – нелюди и на них не распространяется запрет «Не убий». В случае войны с соседом Праведность своего народа и Дьявольское коварство противника легко превращают его в подлейшего участника Мирового Заговора Темных сил против Святой Отчизны, и далее все по первому варианту.

Подражая Богу, сатана (будучи лишен Лица после падения на землю, он обречен быть актером) тоже общается с народами через своих избранников – лжепророков или, в просторечии, «навозных мух». К признакам чрезвычайных ситуации, в преддверии роковых событий, следует, кроме перечисленных знатоками, добавить непереносимое появление в атмосфере этих мух. По запаху большой крови, которой надлежит вскоре пролиться, они безошибочно распознают «период народной жизни, когда веками накопившаяся злоба готова прорваться наружу в действиях миллионных масс» и слетаются туда, где громче гул возбужденных голосов, больше в воздухе электричества, где сильнее запах. Там, в стихии гражданских страстей, летая и жужжа над головами митингующих и протестующих, они быстро раскалятся сами, наливаются энергией и вдруг чудесным образом из заурядных «друзей народа»–журналистов, адвокатов, отрешенных от сана служителей культа преобразуются в гневных обличителей тирании, в народных трибунов, буревестников революции провозвестников грядущего царства равенства, братства и свободы. Но бесспорными лидерами становятся вдохновенные апологеты святости трудящегося народа. Вполне естественно, что при всяком народном восстании, восставшие убеждены, что они правы, а виноваты их угнетатели. Но когда сознание своей правоты превращается в веру, что Бог на их стороне и что они борцы за святое дело, потому что народ свят – это не естественно, и требует понимания.

Еврейский мудрец, живший в I – II веке нашей эры, Йошуа бен Хананья сказал, что на первом месте из четырех, «которые губят мир» находится «глупый благочестивец», а на втором «хитрый нечестивец». В истории легко найти множество подтверждений справедливости этого изречения. Почитаемый всеми либералами и гуманистами Жан-Жак Руссо, простолюдин из Женевы прожил в безвестности первые 37 лет своей жизни, когда в результате неожиданного откровения почувствовал в себе призвание объяснить людям скрытый от них доселе смысл истории общества и религии. В течение двенадцати лет своей литературной деятельности он произвел подлинный переворот в представлениях и настроениях французского общества, благословив его на путь, направление которого представлял себе совершенно превратно. Он пылко и искренне воспевал красоту и доброту сотворенного Богом «естественного человека», просто и мудро живущего в объятиях божественной Природы, которую вслед за Спинозой, Монтескье, Локком и множеством современных ему деистов отождествлял с Богом. Роль духа соблазна и развращения человеческого рода он передал «первому, кто огородил клочок земли, осмелев сказать: Эта земля принадлежит мне» и тем самым стал «истинным основателем человеческого общества». По крайней наивности первобытных людей не нашлось никого, кто бы воскликнул: «Берегитесь слушать этого обманщика! Вы погибли, если забудете, что плоды принадлежат всем, а земля – никому». В результате люди вступили на гибельный путь цивилизации, путь погони за властью, богатством, наслаждениями, путь разделивший их на знатных и богатых – потомков первого обманщика, и бедных – простых честных людей, поработанных богатыми. На расхожую истину знати, гласящую, что неравенство людей предопределено самой природой, он ответил утверждением: «Нет, это создание самого человека и противоречит Природе». «Естественный человек» добр по своей природе, злым же его делает развращенное общество. Именно «под деревенской одеждой земледельца, а не под золоченной мишурой придворного скрываются силы и добродетели души». На этой знати с

их королями и церковью – вся вина, что рожденный свободным человек повсюду в оковах. «Ваш Бог не наш! – гневно бросает он в лицо этим поработителям рода человеческого – «Бог гневный, мстительный, пристрастный, ненавидящий людей, Бог войны и сражений, всегда готовый разрушать и громить, вечно толкующий о муках и казнях и хвальный даже наказанием невинных» По воле вашего Бога «злой благоденствует, а справедливый остается угнетенным». «Совесьть! Совесьть! – восклицает он, отворачиваясь от картин зла земного и обращаясь к свету, – Божественный инстинкт, бессмертный и небесный голос, непогрешимый судья добра и зла, делающий человека подобным Богу!» И в то же время она, провидимому, личный гений его самого, ибо себя он именует «лучшим из людей» и «единственным верующим человеком во Франции». И его Бог царит в совершенно другом мире: «Картина Природы являла мне только гармонию и пропорции...» и он «насколько возможно всегда следовал Евангельскому учению. Я полюбил его, я воспринял его, расширил, разъяснил, я привязался к нему всем существом моим. Все мои писания дышали любовью к Евангелию и преклонением перед Христом. Ничто не может сравниться с Евангелием. Надо беречь эту Священную книгу как правило, преподанное Учителем, а мои книги – как комментарии ученика.» Подобными крупными мазками Жан-Жак набросал в двух своих сентиментальных романах черты своей «религии сердца» или «естественной религии». В идеальном соответствии с ней была им сочинена и социальная философия, суть которой сводилась к тому, что простые в большинстве своем люди, будучи сотворены Богом-Природой свободными, добрыми и мирными существами, попали однако под власть неких извращенцев, возжелавших обладать собственностью. Это стало причиной цивилизации и порчи нравов. Но простые люди, оказавшись в угнетении, испортились значительно меньше своих господ, и поэтому если они, руководствуясь тем же правом, что и господа, свергнут их власть, то, обретя свободу, скоро обретут и свою первоначальную безгрешность. Им необходимо только для этого расстаться с пагубными привычками к цивилизации и вернувшись в божественное лоно Природы, объединиться на основе «общественного договора» в свободную республику, чтобы жить в равенстве и братстве.

Что же дало повод Наполеону, да и множеству других известных деятелей и мыслителей, сказать о Руссо, что «Это он был виновником Революции.»? Безусловно неумная, но «благочестивая» идея Руссо, согласно которой «естественный человек» безгрешен и божественен по своим задаткам (то есть таков, каким согласно Библии был прародитель Адам до своего грехопадения). А поскольку «первородный грех» был совершенно неприемлем для «гениального простолюдина» как лживая выдумка попов, то поиск виноватых в том, что живется людям на земле скверно, ограничился для Руссо (как и для великого множества искателей до него и после него) кругом тех, на ком лежит очевидная ответственность за земные порядки – на сильных и власть имущих в мире сем. Бедные и бесправные естественно оказывались в нравственно противоположном и в стократно большем кругу. Из такой диспозиции легко становилось очевидно, что и в самом деле достаточно почти безгрешному большинству стряхнуть с себя паразитическую власть преступного большинства, как, вернув себе свободу они легко достигнут счастливого первородного состояния. Причем ни о каком кровопролитии в провозвестиях Руссо не было и речи. Он вообще не утруждал себя размышлениями о будущем свергнутой знати. Она просто исключалась из светлой картины как

ненужный персонаж. Для порхающей с тезиса на тезис философии Руссо второстепенные детали вообще были безынтересны. Как и все лжепророки, он писал свои картины истории только крупными мазками и они сами собой сливались в чудесный образ республики, граждане которой живут без принуждения и обид в ласковых объятиях Природы. Его ли вина, что буйные дети Франции предпочли погромы, гильотину и 20 лет кровопролитнейших войн, оставивших их у разбитого корыта своей «очистительной» революции.

Уильям Оккам, живший в XIV веке, оксфордский магистр богословия и духовный вождь миноритов, восставших против стяжательства и карательной политики папы Иоанна XXII, тоже не призывал к восстаниям и расправам. Но он выковал «бритву», которой сбрил неограниченный авторитет и право на произвол папской власти, права на поборы и обогащение всего церковного клира и всю лживую догматику о каких-либо правах Церкви на мирскую власть и земельные владения. Он провозгласил первенствующее положение в Церкви простого христианского народа и право народа выбирать себе верховную власть в государстве, поскольку «естественный человек» хорош по самой своей природе и несет в сердце своем богоданное «естественное право». Слова, начертанные на его бритве: «сущности не следует умножать без необходимости» стали фундаментом философии номинализма, лишившей «универсалии», отвлеченные понятия, право на реальное существование и объявив их сущность всего лишь «именами», то есть названиями, в результате чего все древо схоластического богословия утратило свои многочисленные ветви и листву.

С этого началась эпоха великих упрощений, чтобы далее через Уиклифа, Гуса, Лютера, Декарта, Спинозу и Локка дойти до «чистой доски». «Бритва Оккама» стала на все последующие времена добрым орудием для демифологизации накопленных преданий древности и для очищения познания от иллюзий воображения, пока не попав в руки просвещенных хирургов, но невежественных терапевтов, превратилась в гильотину научно-естественного познания, беспощадно отсекающую всякую метафизику.

Но идея доброй природы народа и второстепенной и даже никчемной и зловредной роли священства отлично соотносится с основой революционного мифа, а рассуждения о естественном человеке и общем договоре относительно власти добрались по эстафете веков до Руссо и оплодотворили его воображение.

Утверждение Джона Уиклифа, также оксфордского богослова, наследовавшего в борьбе за права разума Оккаму, гласившее что «каждый человек – низшее должностное лицо Господа Бога», в устах Джона Болла превратилось в изречение, ставшее лозунгом революции: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был джентльменом?» И прямой декларацией прав каждого человека прозвучал его призыв к восстанию (известному по имени предводителя как восстание Уота Тайлера): «Всех вас приветствует Джон Болл и сообщает вам, что он уже ударил в свой колокол, и теперь уже сам Бог призывает вас действовать по праву и силе, воле и уму!»

Оккама от когтей святой инквизиции защитил император, Уиклифа – король, Болла повесили, но слова, вышедшие из их уст ни казнить, ни лишить свободы было невозможно. Лишь только ветви боярышника успели дать первый приют певчим птицам над могилой почившего профессора Уиклифа, а его учение о законе Божьем, по которому закосневшая в грехах Церковь перестает быть Церковью Божьей, как и священник, совершивший смертный грех, лишается сана, по которому таинства никому не нужны, а нужно лишь Священное Писание

(переведенное Уиклифом для народа на английский), обрело ревностного и талантливого адепта в лице пражского священника Яна Гуса. И если Уильям Оккам был убежден в способности и праве человеческого разума решать, в каких сущностях есть необходимость, а в каких нет, то Ян Гус уже утверждал с кафедры, что по своему значению в деле установления истины человеческий разум столь же важен как и Откровение Божье, которое и само постигается человеком лишь посредством разума. Процесс выяснения взаимоотношений между верой и разумом длился уже не первый век, но именно в проповедях Гуса произошел открытый переход от разума, следующего за верой, даруемой Богом, к разуму, проверяющему и поправляющему веру.

Популярность Гуса среди чешского народа была колоссальна, его проповеди против алчности и властолюбия князей Церкви и за равенство простых людей со знатью пред алтарем Божиим стали всенародной верой. Но его чрезмерная вера в силу разума сыграла с ним плохую шутку. Будучи вызван папой на церковный собор, он прекрасно сознавал, что, поехав туда, окажется в логове своих врагов. Однако перспектива выступить с изложением своих убеждений на соборе, на что он наивно надеялся, открывала перед ним казавшуюся ему вероятной возможность победить силой разума предвзятые мнения епископов и теологов. А если даже не так, то изложить перед всем миром свои убеждения и умереть.

Святая простота – ему удалось выполнить только последнее: его сожгли на костре. Но от пламени этого костра в Праге вспыхнул пожар, быстро охвативший всю Чехию и вскоре перекинувшийся на немецкие земли. Не будет большой ошибкой сказать, что именно тогда произошло четкое разделение сил низшего сословия – сельского и городского пролетариата, вставшего под знамена революции Судного дня, и бюргерского слоя – ремесленников и торговцев, требовавших гражданских реформ для уравнивания прав граждан независимо от их национальности и социального происхождения. Первые, известные как «табориты» (от имени городка Табор, где жил Гус во время высылки его из Праги по требованию архиепископа, и названного так по имени горы, на которой произошло Преображение Иисуса) верили, что «время настало» и они призваны уничтожить мировое зло, «омывая руки в крови врагов Божьих», посеянных дьяволом плевелов – кровожадных господ и жирных попов, причем каждый «верный» должен «лично пролить кровь противников закона Христа», и тогда произойдет мировой переворот – Преображение этого мира, Христос сойдет с небес и наступит тысячелетнее царство Господне. Вторые же, получившие имя «чашников», поскольку на первое место среди требуемых ими прав ставили право причащения не одной только Плоти Христовой (как с некоторых пор Церковь стала причащать простолудинов), а также и Кровью, то есть пресуществленным хлебом и вином. Они были убеждены, что Церковь должна стать «дешевой», вернувшись к евангельской бедности и простоте; что у немцев, занимавших первые места в чешской Церкви и при дворе короля, не может быть никаких привилегий перед чехами; что проповедь в духе Яна Гуса должна пользоваться полной свободой.

На эти требования Церковь и император ответили крестовыми походами. Четырежды гуситы разгромили посылаемые против них армии, и уж наверное каждый из них успел хорошо омыть руки кровью врагов Божьих, но ни малейших признаков скорого пришествия Христа не появилось. Двенадцать лет битв, погромов и пожаров, земля покрыта трупами, развалинами и пеплом, но небеса закрыты над головами карателей. Бог не внемлет ни тем, ни другим. И тогда Церковь сочла

за благо пойти на переговоры с еретиками. Этому с очевидностью содействовал Базельский собор, впервые объявивший превосходство собора над папой, а не признавшего этого папу еретиком. Собор признал большую часть требований чашников, но отверг требования таборитов. Так и не дождавшись помощи свыше, табориты через год были разгромлены пятой армией крестоносцев и перешедших на их сторону чашников. Впрочем и последние недолго пользовались завоеванными плодами. Через тридцать лет папа Пий аннулировал договор, заключенный между еретиками и непризнанным собором. Нетрудно заметить, что программа таборитов разительно похожа, если заменить религиозную фразеологию секулярной, на программу «Коммунистического манифеста», а программа чашников на тезисы «Естественного права» Джона Локка. В последующие века при сходных обстоятельствах будет происходить и дальнейшее редактирование текстов, но суть останется неизменной.

5. Имя бестии

Всего за полвека до появления на белый свет черной фашистской бестии, в Италии, в гористой местности на полпути от Рима до Флоренции, произошла последняя, по всей вероятности, манифестация древнего сотерологического мифа в его псевдохристианском варианте, вошедшая в историю под названием «коммунистически-религиозная ересь в Монте-Амиато». Подобно крестьянам Ломбардии, поверившим проповедям одного из них, Сегарелли, последователя учения Иоахима Флорского о скором наступлении эры Святого Духа, которые после того как инквизиция сожгла в 1300 году их учителя, подняли восстание и провозгласили основание республики «апостольских братьев» между Миланом и Туринном в ожидании скорого мирового переворота и начала Царства Святого Духа, как им было предсказано. Через семь лет их силы были разгромлены и их вождь Дольчино сожжен на костре.

Горцам южной Тосканы, спустя полтысячи лет, об этом, конечно же, ничего не было известно. Но именно с такой же благой целью спустились они в 1878 году в долину реки Омброне и вошли в городок Монте-Амиато под знаменем с лозунгом «Республика и Царствие Божие!» Они хотели справедливого передела земли и отмены несправедливых налогов, и распевали боевой гимн: «Мы – солдаты Христа... Мы избранники-народ Божий. Нас охраняют небеса. Мы истребим всех нечестивцев, всех злодеев, всех врагов Христа!» Их вел ломовой извозчик, начитанный и страстный мистик-революционер по имени Давиде Ладзаретти. Он был расстрелян карабинерами со многими своими соратниками. Их требования, лозунги и утопические надежды по своей сути абсолютно ничем не отличались от лозунгов и надежд бесчисленных восстаний против невыносимых условий жизни в минувших веках и тысячелетиях. «Ничтожные люди», о которых с содроганием рассказывают «Речения Ипувера», перевернувшие небо и землю древнего Египта, разрушившие дворцы фараонов и ограбившие их пирамиды, хотя и не оставили историкам текстов своих революционных воззваний, несомненно тоже веровали, что исполняют волю Озириса-Ра, истребляя нечестивую знать и чиновников для обновления мира. И «гелиополиты» Аристоника, восставшие рабы, возмечтавшие после изгнания римлян и истребления всех малоазийских царей построить на развалинах Пергамского царства «Город Солнца» – государство всеобщего равенства и справедливости под покровительством самого божественного Солнца, не отступили ни на шаг от межвекового архетипа. Их праведная ненависть к угнетателям также опиралась на

святую веру в помощь небес при свержении безбожной власти и при создании нового мира на вечные времена. На таких же условиях получили «мандат неба» китайские крестьяне в «красных повязках», поднявшиеся на священную войну против монгольской династии Юань и служащей ей предательской знати. Такие же «заповеди» рассылали через своих «ангелов» хуррамитские пророки в «краснознаменные» отряды иранского простонародья, восставшего против ига Аббасидов. Даже в «манифестах» безграмотного Емельяна Пугачева легко обнаружить Божьей милостью «Всепресветлейшего державнейшего великого Государя Императора Петра Федоровича», который призывает свой верноподданный народ крестьянский «ловить, казнить и вешать» всех противников его власти и разорителей крестьян – «злодеев дворян и градских мздоимцев – судей», «а дома и все имение брать себе в награждение». Сам же жалуется своим верным рабам «владением землями, лесными и сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами, бортнями, бобровыми гонами и протчими угодьями без покупки и оброку, также вольностью и свободой и вечно казаками» – то есть подлинным земным раем.

Итак, революционный миф овладевает сознанием доведенных до отчаяния масс, когда из уст лжепророка раздается спасительная весть, что время последнего великого переворота настало, и час пробил. Народ воспламеняется гневом и яростью против своих врагов и кидается в мятежную бурю «священной войны» до полного истребления зла на земле, уповая на чудесную помощь свыше от всемогущего Господа. И в этот первый час переворота чудесным образом возникает светлый образ никому до этого (кроме избранных) неизвестного вождя. Возможны варианты, когда вождь и лжепророк сливаются в одном лице, или когда функции вождя разделяются первоначально между несколькими претендентами. Но безошибочное чувство народной любви быстро находит одного истинного, кто и поведет «свой народ» верной дорогой в ад. Физиономия этой фигуры выписана строго по законам фашистской иконографии. Его лик, всегда строгий и непроницаемый, с печатью грозной и великой тайны на челе, лишь изредка озаряется ласковой улыбкой, когда он обращен к своему народу. Чаще всего вождь смотрит вдаль, но если его загадочный взгляд вдруг останавливается на ком-то из окружающих, тот цепенеет и теряет дар речи. Его появление – из ничего: он не из народа, не из знати, не из дельцов, не из вояк, не из духовенства, не из интеллигенции, а так, просто проходимец, газетный писака, бывший «подьячий» или внештатный сотрудник охраны – он затребован революционным мифом, и вожак толпы внезапно преображается в исполинскую фигуру вождя всего народа какой-то чудесной, божественной силой.

Революционный миф, в чистом виде являющийся идеологией восставших масс, превращается в фашистскую религию, когда на гребень революционной волны выносятся фашистская бестия. Эта религия отличается от всех других тем, что в ней, в варианте для общенародного пользования, существуют только два субъекта: народ и Вождь. И никого между ними, никакого духовенства, никакой иерархии. Сам вождь ничего не говорит о своем божественном статусе, но соратники и народ сами чувствуют это, и даже имя его произносят не без трепета. Из его уст они узнают, что являются избранныками судьбы для того, чтобы уничтожить царящее в мире зло и создать новый мир и нового человека, потому что они – лучшая часть человечества.

«Российский пролетариат – есть, в конечном счете, самое

лучшее, самое передовое, что создало человечество в своем историческом развитии.» Массы отличающихся особым тщеславием народов, испытав крайнее унижение своей самости в результате поражения в войне, сверх всякой меры чувствительны к самой грубой лести, возносящей их над ситуацией, в которой они оказались. Фашистский вождь потому и становится таковым, что находит своим нижним чутьем эти самые нужные слова лжи и говорит их с пафосом пророка. Сказать несчастным и озлобленным людям, чувствующих себя преданными и брошенными, что они лучшие из лучших, а подлецы, предавшие их и обрекшие на позор поражения и нищету – их извечные враги и негодяи, губящие и народ и отечество, значит сразу привлечь к себе глаза и уши многотысячных масс. А развязать их жаждущую отмщения волю призывом : Грабь награбленное! – это уже не только обретение у них огромной популярности и авторитета (преступная воля всегда до крови из зубов нуждается во лжи, которая её нравственно оправдает), но и тотальное разрушение армии и кое-как еще держащегося правопорядка в стране. Это создание блестящей возможности для захвата власти в стране, оставшейся без средств к защите перед фашистскими штурмовыми отрядами и полками солдат-грабителей, нуждающихся теперь в том, чтоб новая власть узаконила их грабежи и расправы. Вождь, отпустивший им грехи и благословивший их на священную войну за полное освобождение отечества, становится для них уже высшим существом, облеченным харизмой Спасителя. Самые беспощадные к врагам и преданные Вождю вольтуются впоследствии в новый орден псов-рыцарей («подотдел очистки»), призванных защищать священную особу Вождя, очищать народ от зараженных враждебной идеологией и мешающих формированию Нового Человека, а также защищать строящийся Новый Мир от диверсий из внешней тьмы.

Именно в создании Нового Человека и Нового Мира и заключается суть всякой фашистской религии. В Священной Войне должен быть до основания разрушен и уничтожен старый мир, а в процессе Священной Инквизиции и Очистки – выявлены и ликвидированы все его вредные элементы. В то же время на трудовом фронте построения Нового Мира должен сформироваться Новый Человек, совершенно непохожий на нынешних жалких человеческих созданий. Он будет прекрасен и могуч физически, бесстрашен и безгранично предан Вождю, в любой момент готовый отдать свою жизнь за дело фашизма. Великолепный спортсмен, боец и работник он будет абсолютно чист от каких-либо родимых пятен церковной или либеральной идеологий и от нравственных ценностей. Он будет свободен от всех человеческих слабостей, исполненный несокрушимой воли и веры в идеалы фашизма. А руководить всеми этими великими свершениями будет Сам Вождь, Гений, какого не знала история, которому ведомы все тайны человеческой души и Природы, который способен постоянно думать обо всех и обо всем, Первый подлинный Сверхчеловек на планете. Новый Мир будет вырастать на удобренной жертвами перестройки земле старого, как абсолютно целостная структура, земной рай, долженствующий стать колыбелью сверхчеловечества. Но на некотором историческом отрезке, до полного завершения перестройки будет сохраняться и альтернативное социальное учреждение – преисподняя, в которой будет происходить утилизация выявленных вредных элементов. Причем этот фашистский ад будет выполнять сразу две функции: конструктивную – необходимые для нулевого цикла рая подземные работы, и охранительную – необходимую для поддержания райского правопорядка атмосферы страха.

Вот таковы в общих чертах основы фашистской религиозной идеологии и модель светлого фашистского будущего. В деталях, разумеется, каждая фашистская формация обладает своими особенностями, своим национальным колоритом. Русским фашистам полюбилась пятиконечная масонская звезда, красный цвет, вера в мистическую силу добровольно-принудительного коллективного труда и представление о жизни в бараках в равной нищете как о наиболее справедливой форме общежития, коренящееся где-то еще в неолитическом опыте социализма. Германские последователи предпочли свастику с её мистической энергией, коричневые и черные тона, веру в воинское братство, скрепленное мистической силой крови, и представление о жизни как о карательном походе по присоединяемым к рейху странам – идеальный для каждого подлинного арийца путь. Китайцам решительную помощь в переходе от социал-демократической революции Сун-Ят-сена к фашистской Мао-Цзе-дуна оказала Россия и это сказалось на выборе цвета и звезд. Но склонность к фанатическому коллективизму у них была своя, исконная, а исторический идеал «Небесного Спокойствия» резко снизил фашистскую страсть к военной агрессии, склонив удовлетвориться одним Тибетом. Однако не мешающий им ради этого «Спокойствия» вырезать 20 миллионов соотечественников, как во время восстания тайпинов или в процессе «культурной революции». Арабскому фашизму помогли встать на ноги тоже советские друзья, но со значительным участием и германских. Еще кайзер Вильгельм, стгорая желанием объегорить и российского дядюшку, и британскую бабушку, заключил братский союз с турецким султаном, посулив ему сказочные барыши от постройки железной дорого Берлин – Багдад (с последующим продлением на восток до Тегерана и на юг до Каира) и отправив в Стамбул генерала фон Сандерса с большой группой офицеров для реорганизации турецкой армии. Кайзер и сам съездил в Иерусалим, где произнес фразу для истории: «Пусть султан и триста миллионов магометан, разбросанных по земле, будут уверены, что германский император во все времена останется их другом». Так был набросан вчерне «казус белли» для Первой Мировой Войны и триста миллионов мусульман приглашены принять участие в ней под знаменами германского рейха. Приглашение было вновь повторено уже фюрером воскрешенного Рейха. Хаджи Амин аль Хусейни, Великий муфтий Иерусалима с 1921 года и патологический антисемит со дня рождения, сумевший вдохнуть свою ненависть в души арабских националистов, стал личным другом Гитлера. После краха рейха сотни офицеров СС бежали на Ближний Восток и, натурализовавшись в Египте, Сирии и Ираке, активно помогали своими знаниями и опытом закладывать в этих фашизоидных государственных образованиях фундаменты будущего фашистского строя. Герой египетского народа и всего арабского мира, трижды потерпевший поражение в войнах с Израилем, Гамаль Насер, невзирая на громадную бесценную помощь, оказываемую ему советским правительством, не мог поступиться своим чувством преданности памяти фюрера, из рук которого получил рыцарский крест, и снять по настоятельной просьбе советского посла его портрет, висевший у него в кабинете.

А помощь, которую советский фашизм оказывал развитию духовно родственным движениям в мире (под названием национально-освободительных движений) была действительно беспрецедентна. С точки зрения Сталина, положившего начало этому с помощи китайской Красной Армии, загнанной правительственными войсками в пустыни Синьцзяна, и всеми продолжателями его борьбы за мир, это было

действительным продолжением дела мировой революции.

Фашизм неколебимо верит в террор. Пока нет возможности захватить власть в стране и произвести чистку средствами государственного террора, целесообразен малый террор, который при условии его непрерывности подрывает силы противника и, создавая в обществе атмосферу страха, заставляет людей сомневаться в силе своей власти, увеличивая в их глазах силу тех, кто управляет террором. Поэтому, постоянно помогая «прогрессивным силам» оружием и «советниками», фашистское руководство постоянно осуществляло обучение руководителей национального террора в спец-школах в Москве и исполнителей террористических заданий в многочисленных тренировочных лагерях в Союзе и у союзников. В результате возникло несколько арабских государств с почти сложившимся фашистским режимом, из которых кремлевские зодчие попытались построить единое фашистское образование под названием «Объединенная Арабская республика». Но недостаточность единства в идеологии, отсутствие единой веры и единого фюрера обрекли на неудачу этот грандиозный проект.

Характерной особенностью народов семитской расы является то, что независимо от фаз этнического развития с наибольшей силой социальный инстинкт побуждающий их к объединению действует на уровне родоплеменной общины. Все остальные формы объединения от союза племен до эмирата и до любых других государственных образований оказываются менее стойкими и долговечными, если только не скрепляются единой верой, как при первых «праведных» халифах или подавляющим всякий сепаратизм вооруженным насилием, как при свирепых султанах или диктаторах нашей эпохи. Нынешнее состояние ислама, разделившегося на сотни различных религиозных общин, очень слабо скрепленных своим формальным отношением к суннитской или шиитской ветви, делает крайне маловероятной возможность большого и прочного союза нескольких мусульманских государств, способного выставить крупную хорошо вооруженную армию против западной цивилизации. Зато размножение и распространение банд террористов, объединенных одной лишь ненавистью к ней – увя, очевидный факт, для успешной борьбы с которым также требуется прочное единство западных государств, также пока маловероятное. Для того, чтобы превратиться в прочное фашистское бандформирование им не хватает единой веры и фюрера. Те обрывки сур Корана, из которых они сляпали свою бесовскую «доктрину» джихада не могут стать объединяющей арабов верой, поскольку откровенно извращают Коран и нет праведного факиха или имама, который взялся бы убедить мусульман, что она не противоречит воле Аллаха. Не может стать фюрером и прячущийся где-то в пещерах Бин Ладен, поскольку фюрер, подобно пророку, должен явить себя народу и вдохновить его словами, которые народ жаждет услышать. Он должен обладать обостренным чутьем к тем порокам народа, которые свойственны и ему самому, и незаурядными актерскими данными, чтобы облечь эти пороки в ризы святости и провозгласить их дарами свыше. Он должен вдохновенно убеждать народ в его великом призвании к искоренению мирового зла, и народ проникается верой к нему, потому что он заставил его поверить в то, во что народу хотелось бы верить, но мешали совесть и разум. И потому он, как по мановению волшебного жезла, вдруг превращается в его божественного вождя. И только тогда столь же чудодейственно революционный миф превращается в фашистскую религию, под хоругвями которой миллионы оболваненных своею злобой, амбицией и ложью спадшего как молния с неба вождя

готовы идти на поля священной войны и на трудовые подвиги ради победы, готовы растаптывать в кровавое месиво всех, кто усомнится в фашистской правде, всех на кого укажет фюрер.

Таким образом, неперенные слагаемые фашизма это: ЭПОХА, главной характеристикой которой является господствующие материалистические воззрения, чуть прикрытые фиговыми листиками религиозности, и неприкрытые демонстрации атеизма. НАРОД, предрасположенный к фашизации своими пороками, историей и критическими обстоятельствами. Революционный МИФ, из которого рождается Фашистская религия, исповедующая веру в Вождя, в Священную Войну с Мировым Злом и в Создание Нового Человека и Нового Мира. ВОЖДЬ – Отец фашистского народа, его единый владыка, учитель и выразитель его злой воли. Непосредственные исполнители воли Вождя: ПАРТИЯ – аппарат лжи для расчеловечиванья и оболванивания масс и опричная ГВАРДИЯ – инструмент тотальной слежки и насилия. ПРЕИСПОДНЯЯ – зона прямого действия гвардии, фундаментальная основа страха, на котором зиждится фашистское государство. Из этих семи слагаемых образуется имя фашизма. На этих семи устоях стоит фашизм их наличие – неоспоримое свидетельство его существования. Недостаток любого одного из них делает его невозможным.

6. Недолгий фашистский век

Весьма существенной закономерностью можно считать (вопреки многочисленным крайне пессимистическим на этот счет предсказаниям множества всевозможных политологов и футурологов) факт краткости существования фашизма, по достижению им полной зрелости. Большевики оказались наибольшими долгожителями – 35 лет, от захвата власти до похорон бога. Германские партайгеноссе протянули всего 12 лет, от интронизации до самоубийства божественного фюрера. Китайский обладатель «небесного мандата» Мао продержался 26 лет. Саддам Хусейн повторил этот результат, повторив затем и финал Муссолини. Аятолла Хомейни в один год с Хусейном положил краеугольный камень фашистского режима в Иране, воссоздав опыт превращения ислама в чисто карательную форму религии, опираясь при этом на богатую традицию крайнего шиизма, который в течении множества веков сохраняет свою исмаилитскую враждебность к чисто светской власти, к богатству и культу наслаждений, свойственных суннитской знати, и свою приверженность к фидаинским методам террора против своих врагов, принятым теперь на вооружение арабами – шахидами. Но что особенно примечательно, это сохранение именно шиитами основ идеологии персидских маздакитов, выступивших под знаменем восстановления «богоданного» всеобщего равенства и истребления знати за сто лет до начала проповеди Мухаммеда. Именно в этом этническом районе стихийные возмущения, доведенных до отчаяния нищетой и угнетением народных масс, с наибольшей частотой, последовательностью и страстностью воспламенялись главным лозунгом революционного мифа – истребить сатанинскую власть знати и богачей ради божьей справедливости на земле. Однако никогда, как бы ни яростна была ненависть восставших и ни опустошительны последствия, власть захваченная ими не могла продержаться более двух-трех десятков лет. Исключениями были лишь карматы, создавшие в Бахрейне республику всеобщего равенства (правда, с использованием рабского труда негров (покупаемых в

Йомене) и небывалой религиозной терпимости, которая просуществовала, постепенно превращаясь в феодальный эмират около ста пятидесяти лет; и низариты, владевшие дюжиной крепостей с конца XI до середины XIII века, когда были разгромлены монголами, но бывшие недоступными ни для Абассидских халифов, ни для сельджукских султанов, ни для крестоносцев, наводя на всех их ужас своим постоянным террором. Так или иначе, но период в 20–30 лет на всем протяжении истории остается средней продолжительностью всякой попытки совершить мировой переворот и, уничтожив физически существующее в мире неравенство, установить посредством революционного насилия равенство и справедливость. Причем во всех случаях без исключения причиной этого, еще до того как революция будет подавлена силами мира сего, внутри самих повстанческих сил успевают возникнуть разногласия и начаться разделение на радикалов, отчаянно верящих в первоначально провозглашенные цели, и начавших сомневаться в их реальности по мере того как таяла надежда на помощь с неба, и потому готовых искать путь к компромиссу. Попытка захвата власти над миром – триумфальный прыжок в бездну, поглощающую земного бога фашистской державы и ее собственную самую зрелую и могущественную форму. Что не исключает, однако, продолжения ее существования в постепенно дегенерирующей форме или эмиграции ее наиболее ценных кадров в дружественные страны с фашизоидными режимами.

Наглядней всего общие черты этих процессов и их неизбежную краткость можно наблюдать в истории Китая, не знавшего с IV века до н.э. до середины нынешнего тотальных перемен в религиозных верованиях. Официальной государственной религией, лишь изредка подвергавшейся преследованиям со стороны властей, уже более двух тысяч лет является конфуцианство. Но по сути это не столько религия, сколько философски систематизированный нравственный кодекс, лишь слегка задрапированный в религиозные облачения. На нем основываются все правила поведения для всех сословий и на все случаи жизни. Собственно же религия в Китае одна – это даосизм. Это лишенное какой-либо структурной целостности напластование древнейших народных верований, сложившееся на коренном пласту веры в родовых предков. Оно включает веру в высшее божество – Небо и божество Земли, веру в неисчислимое множество разного рода духов и демонов, веру в шаманскую методичку связи с ними, веру в гаданья, предсказания и магию, веру в возможность достижения бессмертия, и в центре всего этого веру в Священное Писание – «Дао дэ цзинь», данное мудрецом Лао-цзы, ставшим в конце-концов богом, Гением Лао.

Из множества различных и часто противоречивых представлений о начале всех начал и о самой главной силе во вселенной было извлечено понятие Дао – совершенно единой и простой изначальной сущности, в своем непроявленном состоянии скрывающей в себе, в абсолютном покое все, что предопределено им к бытию, а в проявленном – порождающее Небо, Землю, Человека и десять тысяч вещей, то есть вселенную и все, что наполняет ее. В 81 главе описано Дао, как следовать ему, чтобы стать совершенным и достигнуть бессмертия, а также, что происходит с отвергающими учение.

Через двести лет после ухода Лао-цзы в Ханьской империи появился «Канон Великого Благоденствия» – сочиненные в даосской среде рекомендации императору, как ему править страной, чтобы получить продление небесного мандата на власть в Поднебесной. На основании практических извлечений из «Дао дэ цзинь» императору

объяснялось, что главным условием для восстановления благоденствия (оно же равновесие и равенство) в пошатнувшемся государстве ему необходимо прежде всего восстановить равенство в обществе, принизив знатных и богатых и разогнув спины простых людей, придавленных непомерными налогами и поборами бесчисленных чиновников. Надо обратить весь народ к жизни посредством надеяния. «Народ, не получив ни от кого приказа, сам меж собою уравнивается.»

Но императоры не обнаруживали желаний следовать путем Дао, и империя все более клонилась к упадку. В середине II века нашей эры один из даосов, Чжан Лин получил новое откровение от Лао-цзы о том, как устроить все-таки Великое Благоденствие на земле. Став, благодаря этому Джан Даолином и «Небесным наставником», он основал школу «Пути Небесных наставников», без которых никакого Тай пин (Великого Благоденствия) установить невозможно. Даосские общины были объединены в жестко централизованную организацию, руководимую с Неба Тремя Наставниками (сам Чжан Даолин, его сын и внук). Цель организации была святая – достижение посредством жизни, строго подчиненной множеству заповедей, общего спасения и обретения бессмертия, как это было некогда в далекой древности с праведными предками, следовавшими неуклонно путем Дао. Так, собственно говоря, возникла даосская церковь.

Однако сразу по возникновению какой-либо церкви, возникают и ереси. Учение о Великом Благоденствии как о Великом Равенстве (слово «пин» означает и то, и другое) распространившись по всему крестьянскому Китаю, естественно породило много различных интерпретаций. И акцент при этом делался, естественно, не на бессмертии, а на земном содержании утопии. Социальное равенство при поддержке свыше крестьяне надеялись получить здесь и сейчас, для чего, призвав на помощь Небесных наставников, поднимали восстание против своих угнетателей. Самым крупным из них, приведшим в конечном счете к крушению империи Хань было восстание «Желтых повязок», начавшееся в 184 году н.э. под водительством Чжан Цзюэ, главы секты «Тайпин Дао» (Великого Равенства Дао). Руководствуясь даосской точкой зрения на роль мудреца, который в добрые времена является советником императора, а в годину бедствия берет власть в свои руки, становясь харизматическим царем, Чжан Цзюэ нарек себя «великим мудрецом и добрым наставником» как это подобает в такой ситуации, и провозгласил начало эры «Хуан тянь тайпин» – Желтого Неба Великого Равенства и династии Тайпин под покровительством Желтой стихии – Земли и Желтого Владыки – Хуан Ди, родоначальника китайцев и первого императора. В 185 году обожествленному Лао-цзы, ставшим высшим даосским богом, воплощением самого Дао, был построен храм. В «Книге о превращениях Лао-цзы», появившейся в этом же году, повествуется о многочисленных приходах его в мир в облике советника мудрых и добрых императоров, начиная с Хуан-Ди. В конце книги Лао, как всамоделишний всемогущий бог, обещает: «люди ныне в унынии, а эпидемии и голод повсеместны, я потрясу правление дома Хань, дабы изменить вашу судьбу». Императорская армия, насчитывающая 400 тысяч человек, действительно потерпела поражение в боях с повстанцами и рассеялась. Тогда, махнув рукой на бессильного императора, крупнейшие феодалы – «Сильные дома» выступили на подавление восстания со своими войсками. В течении года силы Чжан Цзюэ были разгромлены, сам он умер в осаде, а братья его были убиты. Но «желтыми повязками» покрылся весь Китай. Война длилась 20 лет, прежде чем силы повстанцев иссякли, а их победители, убив

императора, вступили в войну друг с другом, развалив в результате империю на куски. Однако идеи и практика «Тайпин Дао»: конечное спасение и торжество верных даоссов под знаменем небесного Спасителя, равенство и братство с беззаветной преданностью вождю, облеченного властью по воле божественного Лао, «Великого мудреца поработанных», постоянные занятия магией и боевыми искусствами – непрестанно передавались век за веком даосским сектам и тайным обществам практически до наших дней.

В начале пятого века под влиянием проникшего через Среднюю Азию в Китай северного буддизма – «Махаяны» в даосизме возникла несколько групп сект, объединенных общим названием «Учение Белого Лотоса». Оно объединило даосское божество Ушен Лаому – Нерожденную Праматерь, образовавшуюся из первоначальной пневмы – Ци и породившую всю вселенную, с грядущим в конце времен буддой Майтрейей, который также как и она открывает для праведных душ рай. Там в представлениях Махаяны из озера белых лотосов они возрождаются к блаженной жизни, что каким-то образом никак не умаляет понятие нирваны. Хозяином этого озера является также и будда Амитабахи, что опять-таки никак не умаляет компетенции будды Майтрейи. Все трое в различных сектах «Белого Лотоса» придают сотерологический характер учению, гарантируя его адептам спасение в конце времен когда все иные обитатели вселенной будут сметены ураганом в бездну. Такие представления всегда увлекают в первую очередь массы обездоленных, которые в Китайской империи во все времена составляли громадное большинство. И это обеспечило главным догмам Учения широкую популярность до скончания времен. Большая часть всех последующих народных восстаний непременно насчитывало в своих рядах адептов спасителя Милэ (Майтрейи по-китайски).

В крупнейшем восстании XIV века, приведшем к изгнанию монголов и установлению династии Мин важнейшую роль сыграло тайное общество «Белого Лотоса». Его член Хань-шун-тун со своим сыном поднял в 1351 году восстание «красных повязок» и возглавил «красную армию», к которой стали быстро присоединяться другие отряды повстанцев. Вскоре возникла еще одна армия, возглавленная тоже членом «Белого Лотоса», бывшим служкой буддийского храма Чжу-Юань-чжаном. Он в 1356 году захватил ключевой центр страны, город Цзинь-лин (нынешний Нанкин), а в 1368-ом, расправившись с конкурентами, стал первым императором новой династии.

В XVII веке, когда безмерные траты императорского двора, колоссальное строительство и совершенная разнузданность хищников-феодалов, усугубленные многолетними стихийными бедствиями, обрекли десятки тысяч крестьян на голодную смерть, произошел, вероятно, самый крупный взрыв народного негодования за всю предыдущую историю страны. Началась настоящая крестьянская война продолжавшаяся более полувека, в которой приняли ревностное участие и секты «Белого Лотоса». Через десять лет после начала военных действий между отрядами повстанцев в разных провинциях и императорскими войсками, в 1635 году в провинции Хэнани, в центре страны встретились 13 предводителей самых крупных повстанческих объединений и договорились о главной цели – свержении Минской династии, о координации действий, об организации войск, о политике распределения между голодающим населением всех запасов феодальных имений и правительственных складов, и принесли в жертву Небу и Ушен Лао быков и лошадей. Весной 1644 года армия самого талантливого крестьянского полководца Ли-Цзы-чэна вошла в Пекин. Последний минский император накануне совершил самоубийство.

Династия прекратила свое существование и первая цель восстания была достигнута. Однако создать в Китае царство братского равенства и справедливости не удалось.

Беда пришла с северо-востока. Там в треугольнике между отрогами Большого и Малого Хингана, на зеленой равнине Суннунь каких-то полвека назад возникло ханство, объединившее племена кочевников-скотоводов, ставших называть себя маньчжурами. При первом своем хане они платили Китаю дань скотом. Но, быстро набрав силы, при втором они завоевали разделившуюся на полсотни улусов Монголию и провозгласили свое ханство Светлой (Цин) империей, после чего захватили у Китая весь Ляоян и присоединили к своей империи Корею. К этим новым грозным соседям обратились за помощью после падения своей империи китайские военачальники, и помощь была оказана. Через год Ли-Цзы-чжэн пал в битве с маньчжурами, и хотя сопротивление крестьянских армий продолжалось еще 40 лет, Китай уже стал страной, захваченной империей Цин.

Однако несмотря на крайнюю жестокость власти оккупантов и пошедшей к ней в услужение знати и чиновничества, ненависть к варварам-захватчикам и предателям, служащим им, в течении более, чем двух столетий до свержения их в начале XX века, непрерывно питала беспощадную тайную войну народа под лозунгом: «Свергнем Цин и восстановим Мин!». Множество тайных религиозных обществ, группировавшихся прежде всего вокруг старого вождя-«Белого Лотоса», организовавшего народ на свержение монгольской власти, и на свержение «утратившей мандат Неба» Мин, держали в постоянном страхе и маньчжурских солдат и китайских колаборантов своими внезапными террористическими нападениями по всем центральным, юго-западным и северо-восточным провинциям. В 70-годах, когда стали слабеть силы крестьянских отрядов и маньчжуры перешли уже рубеж Ян-цзы и вторглись в южные провинции, в одном горном буддийском монастыре было основано новое общество для непримиримой и беспощадной борьбы с Цинями. Оно назвало себя «Саньхехой» (Обществом Тριάда). Превратив монастырь, стоявший на крутом склоне одной из вершин хребта Цзюлиньшань в крепость, они начали систематический террор против органов власти сотрудничавшей с ними знатью и богачей, рассылая небольшие группы своих бойцов по всей округе и за пределы ее. И даже после того как маньчжуры выследили местонахождение центра этих групп, они долгое время не могли овладеть им. Лишь спустя столетие, когда император приказал уничтожить монастырь любой ценой, эта твердыня Тριάда была сокрушена. Триады распространились по всем портовым городам, где находить укрытия и перемещаться вдоль всего побережья, оставаясь неуловимыми для маньчжурских карательных отрядов было наиболее удобно. Молниеносные налеты неразличимых в толпе тайных убийц, немедленно растворяющихся среди населения приобрели постоянный характер в течении всей эпохи империи Цин. В середине XVIII века возникло еще одно крупное религиозное террористическое общество «Гэлаохой» (Старших братьев), распространившее свои группы по всему центру страны. К XIX веку Китай был охвачен такой сетью тайных религиозных обществ, осуществляющих практику политического террора, какой никогда не знала ни одна другая страна в мире. Их всех объединяла вера в буддийско-даосские интерпретации революционного мифа с верховным догматом «Великого Равенства» и в главное средство борьбы с преступной властью – беспощадный террор. Так во время великого восстания «тайпинов», 1850 – 1864 г.г., в центре страны было создано на территории шести провинций крупное

государство «Тайпин Тяньго» (Небесное государство Великого Равенства) со столицей в Нанкине.

Равенство действительно было достигнуто, руководимое военной администрацией и, благодаря разумной экономической политики, население Тяньго было вскоре обеспечено продовольствием и одеждой. Женщинам были предоставлены равные права с мужчинами. Была запрещена проституция и торговля опиумом. Был намечен план широких реформ в промышленности, строительстве железных дорог, в организации финансов и развитии образования. Но на это не хватило времени. При всем при том за 16 лет непрерывных войн были разрушены все, кроме трех, провинции Китая и погибло 20 миллионов человек. Помощь с неба опять-таки не пришла, и Небесное Государство, хотя и с большим трудом, было уничтожено правительственными войсками с эффективной поддержкой французских, английских и американских флотов. Покинувшие Нанкин войска тайпинов еще четыре года сражались с цинскими армиями и их западными соратниками в этой войне, но конечное поражение было предрешено. Уцелевшие тайпины опять рассеялись по сектам и дело истребления врагов вернулось в русло тайной войны. Бойцы «Триад», лишившись своих баз в портах, занятых гарнизонами европейцев, подались на юг и в странах Юго-Восточной Азии создали новую сеть своих лож, привлекая в секты туземцев.

На первый взгляд может показаться, что происшедшая под духовным водительством Сунь Ят Сена революция гоминдана, свергшая истлевшую манджурскую монархию, имела чисто светский, демократический характер. На самом деле над шумными маршами революционных масс, поднявшихся на нее, прислушавшись, нетрудно было различить шелест крыльев «Тай пин Дао». Он различим даже в реве маоцзедуновских хунвэйбинов, как различим запах конфуцианских воскурений в обрядовой магии Мао. Фашизм не может отрешиться от магической поддержке мифа. Но трезвый прагматизм Дэн Сяо Пина несет смертельную для него опасность.

7. Обаяние «Прямого действия»

На запад от меридианов Инда и Урала для «Великого Спокойствия Дао» земли нет. Здесь в душах волнующихся масс реет призрак «Великого Равенства» с жезлом «Прямого действия» в деснице. Нарастание и распространение террористических методов борьбы против деспотизма власти стало очевидным в Европе на заре «Нового времени». Поразившая воображение чудовищная вспышка якобинского террора во Франции стала кровавым прологом эпохи социальных революций.

Название «Новое время» бессодержательно, поскольку никак не определяет эту новую страницу человеческой истории. А бросающимся в глаза ее содержанием явились именно революции, ломающие самодержавные монархии и заменяющие их конституционными формами власти. «Гёзы», восставшие в Нидерландах, первыми протрубили ее рассвет. Последовавшая английская революция получила свое продолжение в следующем веке в Америке и тут же произошел взрыв во Франции, поразившей народы чудовищной вспышкой якобинского террора. После этого революционные вспышки в Европе стали почти регулярными. Упорное и жестокое сопротивление Священного Союза, созданного по инициативе самого дремучего российского самодержавия, вызвало на свет идею террора в Европе. В Италии,

возвращенной этим союзом под деспотическую власть Австрии (хотя она и перестала по воле Наполеона быть Священной Империей и светским плечом Ватикана), одна за другой появлялись венты карбонариев, убивавших австрийских наместников и жандармов и мечтающих об освобождении Родины. Несмотря на жесточайший антитеррор, установленный Меттернихом в оккупированной стране, движение карбонариев продолжало борьбу до дня освобождения, наступившего вслед за разгромом австрийцев при Сольферино армией Наполеона III. В России в среде гвардейских офицеров возникла идея ликвидировать царскую семью и установить в стране республику, нереализованная из-за явного отсутствия в России тех лет почвы для республиканских учреждений и из-за скверной организации дела. Но знаменательно, что тайно подготовленные убийства, бывшие обычно призыванием фанатичных одиночек или просто преступников, становятся в эпоху революций призыванием людей, воодушевленных благородными целями, целями освобождения своей страны от оккупантов или народа от бесчеловечного угнетения.

Здесь дело явно в изменившихся в обществе представлениях. Пока власть находилась под защитой церковного благословения, а церковь – под благословением Божиим и народ в принципе верил в это, никакой массовый террор был невозможен. Но эпоха революций была таковой именно потому, что она наступила вслед за утратой народами веры в действительность Божьего благословения церкви. Все распространенней становилось убеждение в стоворе церкви и монархий для сохранения их власти над людьми, и в тяжких прегрешениях церкви перед Богом. И самое главное менялось само представление о Боге, который никак не обнаруживает своего отношения к преступлениям творящимся на земле и прежде всего по воле земных властей и верной им церкви.

После того как несколько спал буйный хмель Возрождения, вознесший греховное человеческое существо из «этой долины слез» на пьедестал «второго бога» и второго творца, призванного магией искусства спасти мир, после головокружительных утопий от Альберти и Рабле до Мора, Бэкона и Кампанеллы, после псевдохристианской магии Фичино и египетской Джордано Бруно, новорожденная европейская интеллигенция немного поостыла и сочла вполне приемлемым декартовского Бога начала координат, Спинозианского Бога Природы и Бога небесной механики Ньютона. Это был спокойный и удобный для обуреваемого жаждой деятельности человечества Бог. Сотворив в незапамятные времена вселенную и дав ей «первый толчок» он почил в блаженном отдохновении навсегда, предоставив обитателям земли самим решать возникающие перед ними проблемы, снабдив их для этого разумом и свободой. Не имея ни лица, ни имени, ни гнева, ни пристрастия, ни вообще каких-либо мыслей и чувств, он предоставил людям полную свободу считать, что то ли он есть, а то ли его нет, не подавая никаких осязаемых признаков своего существования.

В силу таких представлений и обстоятельств люди, наделенные благочестием и уважением к традициям, сочли за благо считать, что он как бы есть, а свободные от «предрассудков» – что его как бы нет. Особой нужды в его существовании не ощущали ни те, ни другие. Зато все они прониклись возвышенной верой в человеческий разум и соответственно в то, что человек – кузнец собственного счастья, включая в это безразмерное понятие и этику, и самосовершенствование, и построение светлого будущего, и храма всеобщего мира и согласия. На этот счет точка зрения не имела существенных различий. Разногласия возникли по вопросу о путях

достижения этого счастья. И на этой почве быстро выросли непримиримые противоречия, давшие вполне достаточные поводы для продолжения революций и войн.

Споры о том, ведет ли путь террора к желанным светлым целям или нет, велись довольно часто, бурно и безрезультатно. Достичь однозначного решения этого вопроса, также как и вообще вопроса об отношениях между целью и средством, мешал плюрастический подход к делу, санкционированный заповедями «разумной этики». В немалой степени дополнительные сложности возникли и в связи с происшедшими изменениями в представлениях о «старом месье», избравшем для себя новый образ вместо утратившего популярность начальника зла во всей вселенной. Инквизиция прекратила расследование его козней, потому что вынуждена была прекратить свое существование. Но исчезнув из поля зрения сыщиков, он неожиданно возник в произведениях художественной литературы. Тут он сначала честно играл свою привычную людям роль – завлекал и губил души гордецов, сластолюбцев и всяких склонных немножко погрешить недотеп. Но вскоре в его образе наметились некоторые, как это не парадоксально звучит, положительные сдвиги. Он начал откровенно тяготиться своим призванием постоянно творить только зло. Оно «наскучило ему». У него появились прямо-таки кощунственные при его статусе поползновения к любви и вместо обычного низкого злорадства в его чертах стала заметна романтическая грусть. Теперь это был уже не ужасный дух тьмы, а «печальный демон», ставший похожим «на вечер ясный. ни день, ни ночь – ни тьма, ни свет». Такие изменения естественно изменили и отношение к нему. Он стал интересен, его загадочная двойственность стала привлекать к нему внимание читающей публики. Чудесный скипетр диалектики заблистал в его деснице, и в конце-концов наиболее образованная часть общества пришла к заключению, что он – явление «вечной силы, всегда желавшей зла, творившей лишь добро». И в России, когда она твердо вступила на стезю крайнего отрицания, ради великого утверждения, он творил немало зла, исключительно ради добра, и даже, по свидетельству симпатизировавшего ему большого мастера литературы, исполнял поручения Господа по дарованию вечного покоя отдельным избранным. Во всяком случае увлечение диалектическим методом познания вызвало на свет новые силы для увеличения запутанности понятий добра и зла.

Учение о единстве и борьбе противоположностей, именуемое вкратце диалектикой (бывшей для древних греков умением выяснять истину в процессе диалога в форме вопросов и ответов) оказалось для людей, у которых в качестве твердых критериев осталась только безграничная вера в возможности человеческого разума, в прогресс и в голую силу, сильнейшим средством для смешения всех понятий и представлений. Сколько-нибудь строгие различия (с чего собственно начиналась диалектика) и четкие дефиниции канули в прошлое или приютились в области точных наук. В области же морали все пошло вразнос, чтобы в конце-концов утонуть в омуте оккультных «наук», в дзен-буддизме и в психоанализе. Самое скверное в этом смешении было то, что если на Востоке полярность понятий типа «янь – инь», возникнув в седой древности, сохраняет и поныне все ту же четкость различий, на рационалистическом Западе смешение достигло уровня разнузданного гнозиса рубежа эр, и границы между понятиями расползлись, превратившись в туманности. Всевозможные употребления понятия «свобода» предоставляли неограниченные возможности для придания благородства террору, коль скоро он выступал как средство

борьбы за свободу поработанного народа или сословия. А именно под такими знаменами он только и выступал в век итальянских карбонариев, ирландских фениев, русских народовольцев и китайских тайпинов. В век бурно распространяющегося в Европе либерализма и его мятежного отпрыска-социализма и столь же быстрой секуляризации религиозных ценностей, выраженные одними и теми же словами, но разные по происхождению понятия оказываются способными меняться местами. Понятие освобождения от угнетения, вполне земное «здесь и сейчас» смешивается с понятием божественной свободы, которая приходит в душу человека с познанием Истины, а дальше все по логике революционного мифа. Что ж удивительного, что террористы почитаются многими как герои, а окончив свои дни на плахе, как святые мученики?

Трудно поверить невзначай, как много значит для нас смысл основных понятий нашего языка. Стоит лишь измениться какому-либо из них, как в нашей жизни наступают перемены, куда более значительные, чем от смены правительств. Когда же меняется самое главное понятие, наступает пора перемен всех основных понятий, критериев и ценностей. Как только рвущийся к неограниченной свободе разум низверг вслед за понятием «Святой церкви» понятие «Живого Бога», поменяв его на масонское понятие о «Высшем Существо», сокрытым где-то в звездных туманностях и не внемлющем детскому лепету человеческих молитв, немедленно все метафизические понятия, жившие на верхнем этаже человеческого сознания, стали перебираться на нижний, каждое в обитель своего естественного двойника. Поскольку связь с небом прекратилась, слово «благодать» стало выражать полное телесное довольство и спокойствие, «любовь» – сексуальное влечение, «вера» – относительное доверие людей друг к другу, а также веру в прогресс, в науку, в хиромантию и в астрологию. Кстати последняя, став устами древней судьбы, полностью восторжествовала над Провидением Божьим, низведенным на уровень загадочной Мировой воли, принявшей на себя ответственность за исход крупнейших сражений, правительственных заговоров и династических браков. Наконец и Иисус Христос, Богочеловек, Спаситель и Учитель рода людского, был низведен на роль одного из бродячих учителей иудейских, отличившихся своею мудростью и высокой нравственностью. Так проходит слава неба в приземленном сознании людском.

Что же касается роста и распространения террора, то, наряду со старой верой в праведность истребления врагов Божьих, несколько ослабевшей в силу метафизической своей природы, революционная эпоха вдохнула новую веру, ставшую ее знаменем. Это вера в насилие как ультимо рация – последний довод революционеров. Если «герои 93-го», эти карающие ангелы Комитета общественного спасения во главе с «Недокупным» еще ссылались на имя народа, отправляя под нож гильотины без следствия и суда десятки тысяч «подозрительных», то их попутчик, якобинский генерал Бонопарт, став императором, не ссылался ни на что. Ему не нужны были утратившие свою силу священные права. Его правом была сама сила, нагишом без каких-либо драпировок. Свои взгляды по этому вопросу он изложил городу и миру не в знаменитом кодексе, а в короткой фразе «Большие батальоны всегда правы». Идеологов он на дух не выносил. Круша направо и налево троны европейских монархов, превращая их державы в своих сателлитов в течении полутора десятка лет, он пропитал земли Европы кровью более, чем кто-либо до него. Потом судьба, единственное во что он верил, смахнула и его с арены истории. Но

культ силы, который он воздвиг на ней, остался блистать над миром, соблазняя великое множество самозванных избранников судьбы бросить свой жребий в пенящиеся кровью волны истории, истории насилия.

С эпохой революций в Европе стали возникать прибежища, куда могли укрыться оппозиционеры и мятежники из наиболее деспотических государств. И естественно, что первыми такими прибежищами стали страна первой победившей революции – Нидерланды и родина либерализма Англия. В XIX веке гостеприимство для политических беженцев стали оказывать также Швейцария и после окончательного свержения Бурбонов Франция. В Лондоне и Париже образовались землячества итальянцев, ирландцев, поляков, венгров, немцев и русских – яростных противников трех чудовищ Священного Союза – России, Австрии и Пруссии, землячеств отнюдь не ограничивающихся помощью вновь прибывающим землякам, но ставших базами для непрестанной революционной агитации в покинутых отечествах, и подготовкой нелегальных поездок туда опытных конспираторов. В этом международном сообществе революционеров были представлены сторонники и умеренных и радикальных форм борьбы, конституционалисты и анархисты, организаторы восстаний и террористы. Последние впервые были признаны как революционеры и даже герои в кругах радикалов. Хотя слово «Бог» выпало из лексикона этих молодцов, свято место не осталось пусто. Понятия Свобода, Отечество и Народ заняли его в революционной мифе и борьба за них не потеряла нисколько от своего священного статуса. Террор даже еще в большей степени стал делом доблести и героизма, привлекающим на попрание тайных убийств молодых романтиков революции. Пальба по коронованным особам и их министрам и жандармским генералам началась не только в России и Италии, но даже в законопослушной викторианской Англии. Неудивительно, что самый громкий и роковой выстрел произвел 16-летний гимназист, убивший в Сараево эрцгерцога Австрийской империи и его супругу. Этим была поставлена точка под ханжескими надеждами, высказанными всвязи с открытием в 1850 году первой Всемирной промышленной выставки в лондонском Гайд-парке, которой надлежало стать подлинным праздником Труда и Прогресса и дать «полное представление о современном развитии человечества и отправную точку для последующих усилий всех наций».

Тремя годами позже три наиболее великих из этих всех сцепились в Крыму за право опеки над слабеющей Турецкой империей. Проиграло отставшее от прогресса Российское царство, но не до конца. Конец был отложен на следующий век, пока конкуренция не перехлынула через скромный бордюрчик договоренности о всеобщем мире и согласии, достигнутой на ни к чему не обязывавшей Гаагской конференции. Волна поднялась особенно высоко благодаря включению в грызню неожиданно и явно не ко времени воскресшей Германской империи, уже успевшей отгрызть жирные куски от соседей и ощутив прилив хищной энергии, приготовившейся к большой драке, чтобы ни с кем не делаясь, заполучить Турцию с Балканами и Ближним Востоком и одним махом изменить расстановку сил на планете.

Все получилось однако не так, как грезились полусумасшедшему кайзеру и его воинственным подданным. Просчитался и понадеявшийся на его силы султан, и австрийский император. А больше всех – его недалекий родственник и неожиданный противник – русский царь. Судьбы войн решаются не верховными правителями и даже не полководцами, а состоянием воюющих народов как на фронтах, так и в тылах. И если пытаться определить главный земной фактор, влияющий

на судьбы народов в каждую отдельную эпоху, то искать его надо там, где сливаются воедино стремления народа, общества и государства. Немецкая армия была превосходно подготовлена к войне не слишком продолжительной, а народ по большей части был одержим верой в безусловное превосходство своей победоносной Империи над всеми врагами, то есть был един со своим кайзером. Эта вера и стала причиной его поражения. Опираясь на нее правительство Вильгельма II вело себя вызывающе, полагая, что страх перед германской мощью оставит Англию одинокой перед ее превосходящими силами. В такой ситуации война представлялась триумфальным блицкригом на Ближнем востоке и изоляцией противника на его острове. Но вскоре планы пришлось переделывать. Страх перед германскими угрозами не парализовал Францию, а заставил примириться с Англией и заключить «Сердечное согласие». Не успел Генштаб скорректировать план возможной войны на континенте с учетом этого союза, как английский король сумел и Россию втянуть в него. Генштаб счел новую ситуацию стратегически невыгодной для начала войны, но вера «железного» кайзера и народа в победу была несокрушима. В результате трехлетней войны на два фронта силы Германии были истощены, и даже удавшаяся провокация с выводом из войны России не смогла ей помочь, так как через три недели после отречения русского царя в войну с Германией вступили США. Через год после захвата власти в России большевиками Германская империя испустила дух.

Российская империя была подготовлена к войне хуже всех, не считая Турции. Если Англия, Франция и Германия после окончания Наполеоновских войн непрерывно обновляли и совершенствовали военную технику своих вооруженных сил, то Россия, в немалой степени благодаря спесивой глупости своего царя, почитала себя могущественнейшей державой мира и с невежественным презрением относилась ко всем выдумкам Запада. Без малейших колебаний вступила она в Крымскую войну, как наследница побед Екатерининской эпохи и постыдное поражение на собственной земле стало для нее общенациональной катастрофой. Царь выпил крысиного яда, оставив сыну невыносимое для своего самолюбия дело подписания позорного мира. Но для великорусского духа, которым было пропитано общество и темная масса народа, нежданно грянувший гром потряс весь мир их представлений. Виноватым во всем стал, конечно, один царь. Всего лишь за несколько лет до того к нему, услышав «свыше глас», с пророческим словом обращался Федор Тютчев: «Четвертый век уж на исходе, – Свершится он – и грянет час!.. И своды древние Софии, в возобновленной Византии Вновь осенят Христов алтарь. Пади пред ним, о царь России...И встань как всеславянский царь!» Когда же час грянул, но не так, как ожидал поэт, он разразился уничтожающей эпиграммой – эпитафией, хотя и верной по содержанию, но не провокатору лжеророку ее надо было писать: « Не Богу Ты служил и не России, Служил лишь суете своей, И все дела твои, и добрые и злые, – Все было ложь в тебе, все призраки пустые: Ты был не царь, а лицедей!» Настоящая беда была не в том, что призраки пустые царили в ультрапатриотическом сознании самого поэта, игравшего по меткому замечанию графа Ивана Гагарина в петербургских салонах «роль какого-то православного графа де Местра». Роковой бедой русского народа стало то, что эти призраки не покидают его сознания с той далекой поры, как бежавшая из захваченного турками Константинополя царевна привезла московскому князю в приданное византийскую спесь, и он тут же превратился в Царя всея Руси, а

Москва – в Третий Рим. Эта великая «русская идея», дружно взойдя на хорошо унавоженной почве московского княжества на века стала истинным проклятием России, как идея «Священной Римской Империи германского народа» для Германии.

Народы, у которых в период формирования национального этноса начинает превыше всего цениться власть силы, которые именно в вооруженном насилии видят главное свое превосходство над соседями и в языческом пантеоне которых верховенство достается в результате борьбы богам воителям, владыкам грозы и бури – эти народы и веру свою меняют на христианскую только в результате жестокого насилия – принимают крещение огнем и мечом. Но в глубине народной души остается старая вера, и тогда Христос превращается только в оболочку для древнего Вотана или Перуна, и именем Христовым совершаются преступления – кровопролитные войны и карательные экспедиции, а убийцы и палачи именуются миротворцами и христоролюбивым воинством. Когда же подобные «христиане» терпят в войне поражение, то виновной непременно оказывается недостаточно сильная власть, и приходит пора воскрешения революционного мифа.

Но не только военная катастрофа в Крыму повернула судьбу Российской империи к будущей государственной катастрофе. Поражение заставило власть наконец заняться реформами, и тут выяснилось, что она катастрофически не понимает своего народа, не понимает, что и как нужно реформировать. Первым и главным вопросом считался вопрос об освобождении народа, то есть крестьянства от крепостной зависимости от дворянства. Личная крепостная зависимость была ужасна. Первой заботой матушки-государыни, плохо говорившей по-русски, но хорошо ознакомившейся с русским способом менять неугодных дворянству государей, было всячески задобрить это дворянство, дать понять ему, что она именно их государыня. Для этого был издан указ «Об вольностях дворянских», согласно которому дворянин освобождался от обязательной службы государству. Другой указ предоставлял дворянам практически неограниченную власть над их крепостными вплоть до отправки их за проступки в Сибирь на каторгу. Крепостным же категорически запрещалось жаловаться на своих господ. Так всемилостивейшая императрица окончательно расколола страну на деспотов господ и «подлый народ» рабов, поощрив дикий произвол со стороны первых и глухую ненависть со стороны вторых. С пугачевщиной ее войска справятся и воздадут мятежникам за пролитую дворянскую кровь десятикратно, но страх перед закабаленным народом с той поры не покинет сословие господ. А в народе с каждым поколением будет расти число «мужичков из робких», с таким мастерством запечатленными Репином на знаменитом портрете.

В 1861 году царь и его советники, найдя наконец способ решить дело так, чтобы волки были сыты, а овцы целы, освободили крестьян, но ни господа, ни рабы в большинстве своем не порадовались тому. Господа, оставшись без рабов, перестали чувствовать себя настоящими господами. Деревня, лежащая против имения, переставала быть бессловесно покорной. И полицейско-вотчинный надзор за бывшими крепостными, порученный бывшим их господам не давал им достаточной уверенности в безусловной, как прежде, прочности своей власти. Даже дворян теперь из холопов превратилась в лакеев. Мужики, оставшись с нищими наделами земли, полученными по договору, которого они и прочитать не могли, стали терять почву под ногами. И многие, продав свой клочок земли тем, кто побогаче, стали уходить в города, где их ждала жизнь на дне.

Несчастный народ, предков которых князья рюриковичи в вековой междуусобице перегоняли со скотом как добычу из удела в удел, потом два века, грабимые монголами, после них закабаляемые своими государями, отдававшими их вместе с землями своим людям за верную службу, наконец навечно отданными как пахотный скот благородному сословию бездельников, вообще освобожденному от службы, – это и был собственно русский народ, для которого по словам насквозь лживой царицы немки Господь Бог создал ее его матушкой. Хотя сама она под именем русского народа имела ввиду только русское дворянство, более чем наполовину состоящее из ее земляков немцев, потомков татар и множества прочих «разных шведов». Но есть основание считать, что к ее преступному воцарению на русской земле приложил руку князь сего мира. Дарование дворянам права быть бездельниками и лишение крепостного народа последнего права – жаловаться открыло пропасть, куда век спустя провалится дворянское царство.

Бездельники не имели желания и способности понимать свой народ и нужды государства, занимая все важные посты в государственной администрации, они лишь способствовали разрушению всех связей в государстве, превращая все население страны в бесправных подданных бюрократического аппарата. Именно эту модель, только лишь в несравнимо более жестоком исполнении получают народы империи при власти большевистского фашизма. Даже когда немногие из их среды осознают неотвратимую необходимость радикальных реформ и убедят в этом царя, темное большинство, видя в этих реформах лишь угрозу власти своего произвола, саботируя их всеми силами, лишают силы трусливые полумеры изменить роковой ход событий. Народ, оказавшийся неспособным в обстоятельствах своей истории сохранить и укрепить зачатки своих прав, которыми обладал в Великом Новгороде и в Киеве, утративший за века рабства какое-либо представление о свободе и о человеческом достоинстве, народ, возненавидевший своих бар и свой подневольный труд, хотел только в досталь земли, чтобы не помирать с голоду, и воли, чтобы залить свою душу вином и забыть о своей тяжелой доле в хмельном веселье, чтоб полежать порою на печи без забот, как барин, или побродить с бредешком в речке. Этого ему реформа не дала. Дала лишь волю пропить свой «ваучер» и стать «бомжом».

Таким образом, лишив помещиков рабов, а крестьян земли, реформа лишила значительную часть тех, и других средств существования. Множество бездарных землевладельцев, чтобы продлить беззаботную паразитическую жизнь, стали продавать свои леса, пашни и луга предприимчивым и оборотистым дельцам из податного сословья. А ставшие владельцами ничтожных клочков земли, прокормиться на которых невозможно, новые вольные землепашцы, работавшие дотолы лишь из-под палки, также продавали свои жалкие десятины и шли в батраки или в городской люмпен-пролетариат.

Отнюдь не случайно «Земля и воля» появляется в России вместе с «великой» реформой 1861 года. А через три года раздаётся первый выстрел в царя Освободителя. Двадцатитрехлетний студент Дмитрий Каракозов впервые в русской истории поднял руку на царя, сочтя себя вправе избавить родину от «деспота». Он не сожалел даже, что руку его отвел оказавшийся рядом человек из народа. Главное было сделано – страна узнала, что в царя можно стрелять. И он не ошибся, началась охота, в результате которой после многих неудачных покушений царь был – таки убит. Никому от этого легче не стало, только разом были прекращены все либеральные реформы и «Победоносцев над Россией простер совиные крыла». Однако широкая

волна репрессий «против жидов и студентов» не смогла остановить начавшейся подпольной борьбы. Исполнительный комитет «Народной Воли» продолжал террор, и следующий царь, удирая от террористов на поезде из двух вагонов с двумя паровозами, попал в катастрофу, из которой выбрался с поврежденными почками, что и свело его через шесть лет в могилу, не дав дожить до пятидесяти лет.

Трудно было понять лучшим умам охранного отделения, в чем причины этих неожиданно хлынувших из подполья волн бесстрашного протеста и непримиримой ненависти. Трудно было, да и сейчас нелегко, поверить, что юный отпрыск из зажиточной дворянской семьи, приехав из провинции в Москву, чтобы учиться в университете, сразу же проникается революционной идеологией. Матерый враг – Герцен пишет из Лондона восторженное письмо Царю Освободителю, а 19-летний Петр Заичневский отправляется призывать крестьян к черному переделу земли и к неповиновению властям, и к 20 годам оказавшись в тюрьме, пишет от имени «Молодой России» воззвание к интеллигенции и офицерам армии, призывая к восстанию против самодержавия. Он не верит в народные массы, потому что они слишком инертны и «всегда покоряются свершившемуся факту», но верует, что лучшие образованные люди могут объединившись свергнуть царя и правительство и тогда освобожденный народ с радостью присоединится к ним. Конечно, возраст, – «мятежная пора», но ведь многим корнетам и подпоручикам, восставшим в декабре 25-го было не больше. Однако тогда достаточно было повесить пятерых и отправить пару сотен в Сибирь, чтобы все затихло. Теперь же, хотя и повешено, и расстреляно и сослано в каторгу много больше, никаких признаков прекращения подрывной деятельности тайных организаций не наблюдалось. Такова уж специфическая особенность мышления у тружеников органов госбезопасности – они всегда сосредоточены на злобе дня и не доверяют историческим обобщениям, а потому и не могли заметить, занятые слежкой и охотой за революционерами, что империя, которой они служили, вступила сразу за проигранной Крымской войной в свою последнюю стадию, стадию крушения. То, что произошло с Федором Тютчевым, произошло со всей Россией. Во всем виноват оказался царь. Фанатическая вера при разочаровании превращается в фанатический нигилизм. Самоанализ и раскаяние не свойственны народным массам, но им свойственно превращать своего верховного правителя в идола власти, которому присущи все таланты и достоинства, когда он блистает в роли помазанника Божия, и все пороки, когда обнаруживается, что на самом деле нет у него никакой силы свыше. Живыми своих земных богов, оказавшихся обыкновенными людьми, фанатики отпускать не любят. Образ великой империи белых царей померк в сознании русского народа после того как самый хвастливый царь его потерпел постыдное поражение на собственной земле. Она еще просуществовала по инерции шесть десятков лет, но в состоянии скрытого смертельного недуга. Без веры своих подданных великие империи жить не могут. Еще возликовали было души православных патриотов, когда христолюбивое российское воинство разгромило в Болгарии турецкую армию и подошло вплотную к пригородам Стамбула. Но войти и установить наконец православный крест на Святой Софии не посмели, потому что в Мраморное море, как 25-ю годами ранее на рейд Севастополя, вошел английский флот. А четыре года спустя потерпели позорное поражение на Берлинском мирном конгрессе, когда оробевшие русские дипломаты отдали большую часть того, что было завоевано. Так была предана гордая слава предков. И пусть еще удалось прихватить плохо лежавший большой

кусок Дальнего Востока и три средневековых ханства Средней Азии, но былой веры это вернуть уже не могло. Тем более, что подойдя к горам Афганистана русские войска вынуждены были опять отступить отброшенные метким ружейным огнем и яростными конными атаками горцев, за которыми вдалеке опять маячили проклятые англичане. Все эти крайне болезненные для самосознания Великой России события оставляли заметные для внимательного взгляда следы, по громадному зданию государства бежали трещины. В конце-концов дело кончилось сущим наказанием Божьим, поражение в войне с Японией, что привело к первой неудавшейся русской революции, а голод, разруха и громадные потери на фронтах Мировой войны, довели до второй, похоронившей империю Романовых.

Потрясения сознания обществ и народов в результате военных поражений, в принципе, естественны и повсеместны, и чем больше амбиции у побежденных, тем тяжелее последствия. Во Франции монархическая форма власти была ликвидирована окончательно после разгрома армии Наполеона III армией Германии в 1870 году. Император, узурпировавший власть в 1852 году, сумел приобрести популярность после совместной с англичанами победы над Россией в Крыму, а после победы при Сольферино над австрийцами его слава достигла апогея. Но стоило ему капитулировать перед немцами и от нее не осталось и следа. Покрытый позором бежал он в Англию, найдя скромный приют у королевы Виктории, а Франция стала республикой на этот раз уже навсегда. Кумир всех сословий Второго Рейха Вильгельм II после капитуляции 1918 года был вынужден тайно бежать из страны и спрятаться на принадлежащем Нидерландам островке в Северном море, поскольку ненависть, охватившая немцев к его персоне не оставляла ему шансов на жизнь в родной стране. История богата примерами подобного рода, свидетельствующими, что если и не всегда в таких ситуациях происходят революции, свергающие власть, обманувшую агрессивные амбиции народа и общества, то глубокое разочарование в ней, чреватое грядущими катаклизмами наступает всегда.

Однако ликование парижан вокруг гильотины после казни Робеспьера (ничем по сути не отличавшееся от ликования после казни короля), и итальянцев вокруг виселицы с подвешенным за ноги трупом Муссолини, равно как и арабов вокруг сброшенной с пьедестала статуи Хусейна отнюдь не свидетельствует о приверженности их к демократическим идеалам. Власть черни, названная Полибием охлократией, или беспределом, как называют ее в России, – это злокачественное перерождение демократии, и если в душе народа не достает нравственного иммунитета против него, оно неизбежно проявится при соответствующих условиях. Таковыми является духовный кризис, охватывающий в годину тяжких бедствий общество и народ, обнаруживающий, что у них нет ни подлинной веры в Бога, ни сознания естественного закона.

8. Перемена вывесок в Третьем Риме

Именно это и произошло в России в 1917 году. Прологом к этой трагедии была революция 1905-го, вызванная катастрофическим поражением в войне с Японией и связанным с ней тяжелым экономическим кризисом. Однако тогда революция была событием, происшедшем по преимуществу в двух главных городах империи и

действующими силами ее были рабочие и радикально настроенные левые круги общества. Основное население страны – крестьяне бунтовали во многих, но далеко не во всех губерниях. Армия при этом оставалась верна присяге. Поэтому восстания в городах были подавлены в считанные недели, а местные крестьянские бунты поочередно в течении двух лет. Столыпинские «галстуки» усмирили крестьян, а столыпинские реформы вывели, казалось бы, государство из экономического кризиса. Но его конец был уже предрешен.

Царь батюшка, явивший верному народу свое лицо равнодушного палача, дав соизволение расстрелять мирную процессию рабочих, пришедших просить его о заступничестве, потерял, даже не заметив этого, полученный по наследству ореол Великого Государя русской земли. Во время подоспевший ко двору одержимый бесом, хитрый и развратный мужик стал для августейшей четы лицом обожающего их народа и пророком благоволящего к ним Господа Бога. Столыпин, высланный было «пророка» из столицы как мошенника, был в скором времени убит «патриотом» с тайного благословения охранки. И властвование над страной вдохновляемого Распутиным монарха неуклонно вело империю к гибели, чему всячески содействовала демократическая печать, неустанно понося в карикатурах и в сплетнях царя недоумка. Ума ему в самом деле не хватало в течении всего царствования, но роковой глупостью победителя Третьего Рима стало его вступление в войну с Германией в союзе с Англией и Францией. Он как и его надутый спесью прадед, совершенно не представлял себе состояния своей империи, не понимал положения и состояния народа, из которого состояла его армия, позор поражения в предыдущей войне ничему его не научил и был уже выкинут в темный чулан его легкомысленной тщеславной душонки. Он понимал только лишь, что как единственный на земле самодержавный и помазанный на это Богом царь является главным и законным претендентом на византийское наследство от Константинополя до Иерусалима. А его наглый шуринок Вилли – самый опасный конкурент из посягающих на это наследство, в чем убедил Николая муж его тетки английский король. И свято веруя в свое великое призвание, пихнул свое уже трещавшее по швам царство в пропасть гибельной войны.

Крах наступил через два с половиной года, когда 20 миллионов землепашцев (более допустимого при тотальной мобилизации максимума для 150 миллионной России) было уже угнано со своих полей в окопы более чем тысячекилометрового фронта, а с ними для нужд фронта и все сколько-нибудь годное для этого конское поголовье; когда житницы опустели, а железные дороги, не справляющиеся с обеспечением фронтов, тем более не могли справиться со своевременным подвозом в города скудных запасов продовольствия; когда обнаружилось, что нет решительно никаких запасов насущно необходимых населению товаров, а если бы и были, то нет средств их доставки; когда сведения о проигранных сражениях и очередных отступлениях русских войск погружали страну в невроз безнадежности, отчаяния и злобы; когда, наконец, кружащиеся над головами людей слухи об измене, о царице-немке, выдающей через своего агента – военного министра все государственные тайны и военные планы своему братцу, взвинчивали эмоциональных патриотов до истерического состояния, тогда пришел конец.

В последние дни голодной зимы 1917 года, после того как резко ухудшилось снабжение столицы мукой и хлеб стал исчезать из продажи уже в утренние часы, начались многочисленные демонстрации рабочих с требованием хлеба. 23 февраля объявили забастовку и вышли на

демонстрации 78 тысяч рабочих, на следующий день 158 тысяч, а 25 февраля уже 200 тысяч, половина всех рабочих Петрограда. 26-го командующий войсками округа генерал Хабалов, получивший от царя приказ «восстановить порядок в столице» распорядился открывать огонь по демонстрантам. Последний приказ последнего царя поставил точку в истории Российской империи. На следующее утро солдаты одного батальона Волынского полка убили поручика, приказавшего им стрелять в народ, и, покинув казарму, отправились в другие полки поднимать их на восстание в защиту народа. Десять тысяч солдат, до полудня успели захватить Петропавловскую крепость и арсенал, раздать рабочим оружие, освободить заключенных из крепости и из тюрем, разгромить охранное отделение и сжечь здание окружного суда – так началась революция. К концу дня город уже был во власти 70 тысяч восставших солдат и такого же числа вооруженных рабочих. Министры царского правительства, растерянные и напуганные, бездействовали. Лишь военный министр в посланной после полудня телеграмме уверял царя «...твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие.» А в Таврическом дворце члены Думы, отвергнувшие царское повеление прекратить работу до установления порядка, организовали Временный комитет, принявший на себя функции правительства. Вслед за ними рабочие, солдаты и представители революционных партий, присоединившиеся к ним в ходе восстания, в другом зале выбрали Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов как параллельный орган верховной власти, с одной стороны как бы признающий это правительство, с другой стороны заявляющий о полной своей самостоятельности. Таким образом в одночасье (точнее в течении дня) российское царство перевернулось вверх ногами и никто этого не успел толком понять. Ни одна из сторон возникшего вдруг двоевластия не имела сколько-нибудь ясного представления, что и как произошло, а также, что творится в громадном государстве и что происходит на фронтах и в царской ставке.

Царь, видимо, понимал меньше всех и, решив, что дело просто в том, что распустились в его отсутствие солдаты в столице, приказал отправить туда для расправы с бунтовщиками карательный корпус. Корпус отправили, но встреченный на подходах к городу многочисленными делегациями питерских солдат и рабочих, направленных Петросоветом, корпус внял их доводам и отказался исполнять предназначенную ему роль. Командующий корпусом генерал Иванов, добравшись до Царского Села, застрелился.

Так кто же все-таки совершил революцию? Забастовки и демонстрации рабочих первые три дня имели стихийный характер и несмотря на то, что демонстранты специально останавливали трамвайное движение и разгромили несколько пустых булочных, от обычных уже форм протеста они отличались только небывалой и нарастающей массовостью. Приказав подавлять их военной силой, царь спровоцировал бунт в войсках, и когда на четвертый день началась стрельба по безоружному народу, нервы солдат не выдержали. Одна рота Павловского полка отказалась стрелять по колонне работниц чулочной мануфактуры. Вид исхудалых женщин, требующих хлеба для своих голодающих детей, вызвав острое чувство сострадания у солдат, дети и жены которых также голодали в деревнях, стал искрой, воспламенившей солдатскую революцию. И когда на женщин была брошена конная полиция, павловцы открыли по ней огонь. А на следующее утро возмущение вспыхнуло и охватило от казармы к

казарме все полки гарнизона.

1 марта Петросовет, опасаясь «вооруженной контрреволюции», издал свой приказ N1 по гарнизону Петроградского военного округа «всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения», приказ обязывающий всем воинским частям выбрать комитеты «из нижних чинов» и по одному представителю в Петросовет; в политических действиях подчиняться только Петросовету и своим комитетам, а приказы Думы выполнять только если они не противоречат им; все виды оружия должны находиться под контролем комитетов «и ни в коем случае не выдаваться офицерам». Учреждая этим приказом солдатскую анархию, у которой лишь единственный вождь – Петросовет, это учреждение, преисполненное безграничной самоуверенности, с одной стороны, и крайнего страха, с другой, положило начало полному развалу армии, которая для нее со своим офицерским корпусом и генералитетом оставалась царской и вызывала поэтому непреодолимый страх, невзирая на то что ее полки «завоевали России ее политическую свободу», как это было признано в приказе N2, в котором «новые правители» города и мира вынуждены были сделать незначительные уступки Временному правительству.

Что же касается революционных политических партий, то несколько их представителей собрались встревоженные 26 февраля на частной квартире, чтобы выяснить, кто стоит за начавшимся движением и что делать. Выяснилось, что не стоит никто, и было решено, что народ надо поддержать и выступить с протестом против имевших место расстрелов безоружных людей. Присутствовавшие на этом собрании три большевика с высокомерием истинных пролетариев заявили, что это революция буржуазная и они не хотят с ней иметь ничего общего. Однако к вечеру следующего дня, убедившись, что революция в городе победила, поспешили в Таврический дворец, чтобы занять несколько скромных мест в новорожденном Исполкоме Петросовета.

Пройдут годы и когда в достигшем зрелости фашистском государстве приступят к сочинению его истории, появятся замечательные документы, неопровержимо свидетельствующие, что с самого первого дня забастовки большевистский ЦК вдохновлял, организовывал и руководил действиями рабочих, а затем и солдат, вооружал их лозунгами, распространял воззвания и уверенно привел их к победе революции и к свержению царского режима. Геббельсу было у кого учиться правде.

А революция продолжала углубляться в массы и этому процессу теперь всячески содействовали две высшие власти, лихорадочно спешащие придать ей необратимый характер. Страх перед сидящим в Могилеве, в своей Ставке царем, в распоряжении которого оставалась громадная армия, заставлял их, не вступая друг с другом в затяжные споры, сообща прилагать все силы к скорейшему выводу этой армии из подчинения царю и его генералитету. Однако Временный Комитет Думы, объявивший себя через пару дней Временным Правительством России, плохо представлял себе состояние армии и соответственно результат приказа о самоуправлении армии через солдатские комитеты. Дисциплина в армии рухнула, как от разрыва бомбы. Дезертирство разом выросло многократно. Неподчинение офицерам и убийство их выстрелами в спину во время атак стало приобретать массовый характер. Плохо вооруженные, голодные, деморализованные солдаты, поняв, что теперь не им надо бояться офицеров, а наоборот, быстро превращались из армии в митингующие толпы. Отступление происходило на всех, кроме Кавказского, фронтах. И хотя царь после провала

попытки «прекратить беспорядки» отправкой в столицу карательного корпуса и батальона георгиевских кавалеров, понял наконец, что у него нет больше возможностей оставаться «хозяином русской земли» и, вняв рекомендациям масонского альянса: своего начальника генштаба, командующих фронтами и делегатов Временного правительства, подписал отречение, для рухнувшей монархии это ничего уже изменить не могло. Лишь освободило от страха новые власти. Но для крестьянской страны это было подлинным светопреобразованием. В массе народа, на 80% состоящего из крестьянства, в подавляющем большинстве безграмотного и суеверного, вера в Бога была неотделима от веры в царя. Царь, помазанник Божий, оставался, как и во тьме веков, высшей силой и властью, грозной и страшной. Бог же, туманный образ которого ведом был только как икона, был для первобытно земного сознания народа скорее неким придатком царя, нимбом над царской головой, нежели его владыкой. Свержение царя стало подлинной революцией в темном мироощущении народа, великой бурей, унесшей вместе с царем и царского Бога. Все запреты утратили силу и вседозволенность затопила дремучую душу народа. В кратчайший срок страна была уже охвачена разгулом революционных масс. В деревнях дезертиры командовали грабежом помещичьих имений, после разграбления сжигаемых дотла. Делили захваченные земли и скот. В городах царила анархия революционных комитетов всевозможных партий, банды солдат с красными бантами и без бантов громили квартиры зажиточных граждан, унося деньги и ценные вещи и оставляя трупы. Попытки остановить этот бандитский произвол силами народной милиции, наспех формируемой из гражданского населения и других околачивающихся в городах, чтобы избежать отправки на фронт солдат, успеха не имели. 1917 год открыл России ее простонародное лицо, явленное солдатско-крестьянской революцией. Оно оказалось искажено злобой и яростью мщения, грабежа и насилия.

За этой общей физиономией, начертанной беспощадной кистью времени, когда смерть кровавым смерчем скрутила господствовавшие в мире народы и давила, уродуя и губя их души и тела, можно все же было разглядеть некоторые отличия в лицах человеческих. И в хаосе, в котором потонул «третий Рим», его бывшим подданным будущее, виделось по-разному из-за различия точек зрения, хотя и одинаково стихийных.

В лучшей, но, к сожалению, отнюдь не большей части народа, сохранившей какую-то веру в Бога и в нравственные основы жизни, господствовало сознание того, что разрушение всего уклада жизни и разгул преступного произвола добром кончиться не может и, если народ обезумел, это лишь начало и наказания за грехи не избежать.

В большей части народа, привыкшей жить не по вере и разуму, а просто «как все», царила растерянность, смутные надежды боролись со смутными страхами и единственным определенным было лихорадочное стремление запастись всем, чем можно, на черный день. Что же касается тех народных масс, которые были охвачены радостным возбуждением от предвкушения плодов революции, то среди них хорошо заметны были четыре разноликие группы.

Самая большая-крестьянская, ожидавшая всего того, что обещано было еще в пугачевских манифестах: главной вековечной мечты – в достать своей собственной земли, на которой можно хозяйствовать по всей своей воле, ну и конечно лошадей и скота из господских усадеб, чтобы поделить по справедливости, и лугов и лесных угодий. Словом, чтобы стать мужику маленьким барином-землепашцем. Ничего

из этих мечтаний не состоялось. При новой власти сразу же воцарился голод и беспощадный грабёж «продразверстки», а после короткой передышки – колхозное рабство, горше царского, и истребление крестьянства вконец.

Для тех из городского и сельского простонародья, кто был пооборотистей, забрезжили перспективы выкарабкаться из низов к лучшей жизни и, быв ничем стать, если и не всем, то уж во всяком случае тем, кто ходит в чистом платье на службу, где имеет свой стол и стул. Эти мечты оказались реальной, и для тех, кто сумел вступить, куда надо и колебаться вместе с генеральной линией, сбылись в полной мере на лоне гигантской социалистической бюрократии.

Печальней других оказалась участь мечтателей о торжестве революционного мифа и светлом завтра всемирной коммунистической республике рабочих и крестьян. Абсолютное большинство их было расстреляно или погибло в концлагерях.

Самой же значительной для дела большевистского переворота силой стали прирожденные каратели, число которых велико в каждом воспитуемом в духе милитаризма народе. Разношерстные стаи, в которые они сбиваются во время войн и революций по родственному запаху, как одичавшие собаки, становятся теми «здоровыми народными силами с правильной революционной ориентацией» из которых крайние радикалы вербуют кадры для своих штурмовых отрядов. Среди них и славные рубаки, для которых всегда желанная награда после яростного боя ворваться в подожженный город, чтобы грабить и резать как свиней жирных обывателей и жидов и топтать их разряженных баб, вспарывая им потом животы. Особо ценимы всегда те, кто хладнокровен и неутомим в расстрелах и искусны в выколачивании нужных сведений. Но сверхценны охотники за маскирующимися и прячущимися врагами, отслеживающие и безошибочно опознающих их при проверках и обысках. Настоящий фашист должен быть прежде всего опричником, то есть нутром своим ощущать свое отличие по крови и духу от особей всего человеческого стада, к которому у него не должно быть никаких сантиментов, как у мясника к скоту на бойне. А тех, кто подлежит обязательному уничтожению как особо опасные враги фашизма, он должен безошибочно узнавать по запаху ненавистной инаковости. Эта способность имеет своим источником иррациональную ненависть, ненависть к изначальному человеческому духу, духу разума и милосердия. Она срабатывает мгновенно просто на выражение лица. Предрасположенность к такой ненависти можно получить в наследств, но сама она приходит только как дар. Им награждается лишь тот, кто успел заслужить его угодными врагу человеческому делами. И награжденные дьяволом молодцы – элита всякой опричной службы, оплот всякой кромешной власти. Элиты много не бывает, но в многомиллионной массе крестьян в серых шинелях – в «серой сотне» носительнице стихийного духа, разгулявшейся по лицу русской земли», вкрапления этой «черной, молчаливой сотни» были как матерые псы-убийцы среди стаи голодных трущобных собак. Почуяв «запах врага» они первые без лая кидались на него, увлекая мгновенно охватываемую лютой яростью стаю.

Бунт частей столичного гарнизона превратил манифестацию рабочих в охвативший город мятеж, с энтузиазмом поддержанный всей городской чернью и выпущенной на волю из тюрем уголовщиной. Петросовет прилагал все усилия, чтобы к революции присоединились солдаты всей царской армии и она превратилась в подчиняющуюся ему советскую армию, для чего посылал на все фронты своих комиссаров и

агитаторов, которые, преодолевая робость перед взбудораженными солдатскими толпами, расхваливали их храбрость и сознательность и призывали к самоуправлению. Временное правительство, страшась неуправляемости революционных масс с оружием в руках, предпринимало попытки убедить их сохранять дисциплину и защищать отечество, но по популярности в чистую проигрывало агитаторам Петросовета. Даже стремительно превращающийся на революционном небосклоне в звезду первой величины присяжный поверенный Керенский, на удалом коне проскакавший за полгода путь от министра юстиции до военного министра и далее до главнокомандующего и главы правительства, не мог своими пылками заклинаниями укрепить единство и порядок, и убедить солдат не жалеть своего живота ради победы над заклятыми врагами России.

Воспользовавшиеся начавшейся революцией политические деятели по преимуществу масонского толка сумели наспех сформировать некое подобие правительства и довольно ловко спихнуть царя, неловко сидевшего на давно уже скрипевшем троне, но что такое революция они не понимали. Им казалось, что именно они, уже добрый десяток лет не перестававшие говорить о революции на все лады и заведшие в темном православном царстве светлые масонские ложи, чтобы удобней было говорить о том, о чем нельзя было говорить в Думе, что они-то и есть главные революционеры, свергшие коронованного тирана и даровавшие народу демократические свободы: говорить, собираться для разговоров и публиковать свои речи. И теперь, когда дело сделано, надо навести порядок в обществе, утихомирить народ, довести до победного конца войну и начать обустривать свою великую Россию.

Однако как раз на пороге этой замечательной программы и ждала их неудача: никакими силами не удавалось успокоить ушедший в разгул народ. К тому же его все время провоцировали, настраивая против правительства негодяи, собравшиеся в Петросовете. Среди них и депутатов Думы почти не было, а те, кто были тоже далеко от уголовников и террористов не ушли, но корчили из себя народную власть и серьезно мешали правительству работать. «Негодяи, собравшиеся в Петросовете» думали приблизительно также. Они тоже считали себя единственными законными вождями революционной демократии, совершившей революцию, тоже считали, что революция уже сделана и необходимо устанавливать порядок, тоже ждали скорой победы и тоже полагали, что в правительстве сидят пройдохи, обманывающие народ и предающие его интересы.

Ни те, ни другие не сознавали, что для революции они все люди чужие и случайные, люди из мира, который она переворачивает, и ей безразлично, кто в нем ездил на дрожках и кто в колясках – все они обречены оказаться под глыбами перелопаченной жизни. Не понимали, что их попытки ввести события в русла каких-то законов, направить волны, гонимые бурей в какие-то шлюзы, не просто бесполезны, они бессмысленны. У подлинной революции нет законов, она сама мчащаяся, как табун диких лошадей, суть торжествующее беззаконие. Как же было им понять, что они приняли за совершившуюся революцию то, что было только первым ее валом, обрушившимся на прогнившее государство, утратившее веру и нравственные ценности общество и на темный несчастный народ, потерявший всякую надежду хоть на какое-то облегчение от беспросветной нищеты и непрестанной гибели своих сыновей на неведомо для чего затеянной войне, которой не видно конца. Обе сами себя избравшие власти, опасаясь не затихающего революционного бурления в рабочих и солдатских массах, и

одновременно опасаясь друг-друга, искали каждая на свой лад способа утихомирить народ, и обе более (Правительство) или менее (Совет) безуспешно. Нараставший в течение марта сдвиг рабоче-солдатской массы влево грозил закончиться новым рывком революции с роковыми последствиями для осторожно пятающегося Правительства и еще более осторожно притормаживающего это движение Совета. Чувствуя себя прижатым к стенке, Правительство предприняло попытку исправить положение созданием спасительной трещины между городским пролетариатом и армией. Была начата широкая газетная кампания в правой прессе о подготавливаемом германским Генштабом крупного наступления и катастрофической нехватки боеприпасов на фронте из-за непрекращающихся забастовок рабочих. О том, что тыл погряз в политических дрязгах, и что солдаты поэтому голодают, полураздеты, не имеют даже махорки, а самое главное остаются безоружными перед лицом до зубов вооруженного врага. Что Отечество находится в смертельной опасности из-за предательства рабочих. Такая агитация оказалась небезуспешной. С фронта поехали на оружейные и пороховые заводы солдатские комиссии для проверки положения дел. Начался слабый крен вправо.

Он значительно усилился всвязи с приездом в начале апреля из-за границы другого присяжного поверенного, которому германский Генштаб пообещал комфортабельную доставку в Россию и очень значительную сумму денег, если он завершит революцию захватом власти и выведет Россию из войны. У поверенного Ульянова-Ленина принципов не было, точнее был только один: его партия должна возглавить пролетарскую революцию в России и установить в ней диктатуру пролетариата. Какими средствами - безразлично. Любое средство хорошо, если оно «революционно целесообразно». Деньги на революцию можно добывать путем грабежа банков, можно брать их и у врагов своего отечества - революция превыше всего. Недаром хорошо знавший его в течение двенадцати лет революционер сказал, что «он самый великий оппортунист во всем мире». Несмотря на то что его проезд через Германию в запломбированном немецкой полицией вагоне неоспоримо свидетельствовал об очевидной для германских властей выгоде помощи этому пассажиру со всей его компанией, Петросовет счел своим революционным долгом взять на себя дальнейшую помощь «известному революционеру» и потребовал от Временного правительства не чинить ему препятствий со въездом. Его партия со своей стороны напрягла все свои силы, чтобы встреча его выглядела триумфом и произвела на население впечатление приезда великого политического деятеля, возглавившего их замечательную партию. Несколько ошарашенный этой совершенно неожиданной для него и небывалой в его жизни приветственной манифестацией он семенил за высоким Шляпниковым, прокладывая дорогу в плотной толпе, под гром «Марсельезы» и рев толпы, лихорадочно соображая, как ему нужно держаться на этой торжественной сцене. В «царской комнате» вокзала его ожидал сам председатель Петросовета Чхеидзе. «Товарищ Ленин, - сказал он, поднявшись из кресла, - от имени Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов мы приветствуем вас в России... Но мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита нашей революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели.» Со свойственной ему корректностью Ленин не обратил никакого внимания не только на «прелестное «но», но на самого

Чхеидзе. Он стоял с отсутствующим видом, осматриваясь по сторонам и , когда Чхеидзе умолк, вообще отвернулся от делегации Исполнительного Комитета Совета и громко, как бы обращаясь ко всей встречающей его массе, сказал: «Дорогие товарищи! солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии. Грабительская империалистическая война есть начало войны гражданской во всей Европе... Недалек час, когда по призыву нашего товарища Карла Либкнехта, народы обратят свое оружие против своих эксплуататоров – капиталистов... Заря всемирной социалистической революции уже занялась... В Германии все кипит... Не нынче-завтра, каждый день может разразиться крах всего европейского империализма. Русская революция, совершенная вами, положила начало и открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

Затем, вновь ведомый Шляпниковым, Ленин вышел на парадное крыльцо и сел в закрытый автомобиль. Но стоявшая на площади толпа пропустить его не пожелала. Пришлось вылезти и , забравшись на крышу автомобиля, вновь кричать о грабителях капиталистах и о всемирной революции. Только когда картавый голос его стал хрипнуть и слабеть, ему позволили сойти с «трибуны». Усаженный теперь в броневик, предшествуемый мощным прожектором на грузовике и сопровождаемый оркестром, военными частями и рабочими отрядами со знаменами, он был отвезен в штаб-квартиру большевиков – особняк Кшесинской. По дороге ему, невзирая на состояние голосовых связок, пришлось на каждом большом перекрестке забираться на броневик и служить свою «литию» новым толпам жаждущих увидеть своими глазами и услышать своими ушами заграничного чудо-революционера. Но и по приезду во дворец любовницы свергнутого царя, вокруг которого толпилась масса, ожидающих его явления, без слова к народу обойтись было невозможно. И с балкона дворца опять раздавались исполненные революционным негодованием и энтузиазмом слова «...грабители-капиталисты !.. Защита отечества – это значит защита одних капиталистов против других... превратить империалистическую войну в гражданскую... и т.д. Но в солдатской массе эти призывы не вызвали ответного энтузиазма. «– Вот такого бы за это на штыки поднять! – раздалось из группы солдат, – А? Что говорит ! Вот за то ему немец-то... Эх, надо бы ему..!». Понятно, что «надо бы ему» не предполагало готовности сделать то, что «надо». Но было совершенно очевидно, что Ленин вылез со своей ультрарадикальной программой как бы «из окна вагона, не успев ничего понять в существе проблем русской революции». Даже в рядах руководителей его партии, давно привыкших без него к своему весьма скромному положению, неожиданный призыв прямо к социалистической революции, отменяя в сторону и Временное правительство и признающий его Петросовет, был встречен большинством из них сомнением и несогласием. На следующий день он был приглашен на заседание Совета, обсуждавшего в тот день проблему объединения всех разномастных социалистов в единую социалистическую партию. Как лидер одной из фракций эсдеков он был введен в Исполком Совета и получил слово для изложения мнения большевиков об объединении. Его речь произвела совершенно скандальное впечатление на большинство присутствовавших. Не затрудняя себя какими-либо привязками к теме заседания, он в своем атакующем стиле обрушил на головы слушателей заготовленную и проверенную вчера во дворце Кшесинской на своих соратниках программу перерастания революции буржуазной в революцию

социалистическую. Состояла она из категорических утверждений, не обремененных доказательствами, и лозунгов, обращенных лишь только к пылающим революционным гневом и энтузиазмом сердцам. Начал он сразу с конца – со «всемирной социалистической революции», которая по его мнению, вот-вот готова разразиться в результате мировой войны. Империалистическая война не может не перейти в гражданскую. А ее может закончить только всемирная социалистическая революция.» За этим выводом его железной логики последовал не менее категорический приговор. «Современный социализм – это враг международного пролетариата. Самое имя социал-демократии запятнано предательством. С ним нельзя иметь ничего общего, его надо отбросить как символ измены рабочему классу... и назваться «коммунистической партией».

Перейдя от дел международных к российским, он «решительно отбросил целиком весь Совет во враждебный лагерь. «Революционно-оборонческий Совет... может быть только орудием буржуазии... его надо завоевать и сделать пролетарским. Нам не надо ни парламентарной республики, ни буржуазной демократии и вообще никакого правительства, кроме Советов рабочих, солдатских и батрацких (никогда не существовавших) депутатов!

Учредительного Собрания Ленин в этой программе не упоминал. Он давно уже объявил его либеральной затеей. Каким образом эти Советы, состоящие из представителей отсталого (как чаще всего в своих статьях называл его Ленин) крестьянства, солдат – тех же крестьян, и малограмотных рабочих построят социализм, он не говорил. Разумеется, для него это были чисто риторические фигуры. Руководить строительством он должен был сам. Как? – Как подскажет в нужный момент «революционная целесообразность», его единственный источник истины, облаченный в формулу: «Марксизм – не догма, а руководство к действию». Для включения широких рабоче-крестьянских масс в начальную стадию социалистической революции им были сформулированы два руководящих указания: «Грабьте награбленное!» и «Творите социализм снизу, как сами знаете!». Но можно без боязни крупно ошибиться сказать, что первое явление «марксизма-ленинизма» народу произошло в речах самого последовательного продолжателя дела Маркса в день приезда на родину и на следующий день в Петросовете. И напрасно сидевший в двух шагах от ораторской трибуны, бледный от гнева и презрения Богданов перебивал Ленина выкриками: – Ведь это бред, это бред сумасшедшего!» и аплодировавшей ему кучке большевиков – Вы позорите себя! Марксисты!». Его ортодоксальный марксизм, как и весь исторический материализм и политэкономическое учение Маркса были лишь фиговым листком для украшения «Коммунистического манифеста», бившего в набатный колокол полусумасшедшего Марата, а верным и исторически законным преемником которых был Ленин со своей классической проповедью фашистского захвата власти и установления «диктатуры пролетариата»

Поняв по реакции зала, что ожидавшийся, видимо, им триумф не состоялся, «Ленин не воспользовался заключительным словом докладчика и куда-то исчез. Он всегда превосходно излагал только заранее разработанные темы... но избегал «рукопашной» и редко отвечал на сделанные в упор возражения». В поддержку его «доклада» выступила одна недавняя меньшевичка, но пламенная поборница социалистической революции и свободной любви Коллонтай. Но эта поддержка ничего, кроме издевательств, смеха и шуток не вызвала. Но, как выяснилось через немногим более полугода, смех этот и

шутки были не от большого ума. Фашистское вдохновение Ленина оказалось гораздо более созвучным темной стихии революции, только еще разгоравшейся в недрах «святой Руси», чем упования «революционной демократии» и демократии буржуазной на расцвет в «Великой России» гражданского общества.

Но пока суть да дело, ему пришлось с крайней скромностью попросить у Исполкома Совета заступничества перед Временным Правительством, всвязи с немедленно начавшейся новой газетной кампанией под лозунгом: «Ленина – назад в Германию!». Заступничество ему было обещано как вождю одной из входящей в Совет партии и он быстренько исчез из поля видения «революционной демократии», скрывшись в большевистских зарослях на рабочих окраинах.

Он занялся прежде всего установлением взаимоотношений с «генералами» своей маленькой партии. Самым влиятельным среди них был Каменев, самым инициативным и толковым организатором – молодой Свердлов, восхитивший Ленина своей энергией и преданностью делу. Он единственный из руководства знал людей и обстановку во всех большевистских ячейках в столице, хотя совсем недавно приехал из ссылки, и он с безусловным сочувствием относился к радикализму ленинской программы. Каменев, наоборот, был наиболее образованным и гуманитарно, и марксистски среди «умеренных» большевиков с самого возникновения этой фракции в русской социал-демократии. Мнение Ленина, что буржуазно-демократический период русской революции уже пройден и надо сосредоточить все силы на переход (точнее переворот) к социализму, он считал ошибкой, порождаемой только нетерпением и нежеланием поэтому видеть, что условий для такого перехода пока нет. Большинство населения – крестьянство необразованно и граждански безынициативно. Свою привычку к рабству способно нарушать только вспышками анархического бунта. Рабочий класс малочисленен и политически слаб. Фантазии о готовности всей Европы вспыхнуть революционным пламенем и поддержать русский почин совершенно беспочвенны и порождены только лишь привычкой принимать желаемое за действительное. Игнорировать австро-германскую агрессию и поворачиваться к ней спиной, чтобы перейти к гражданской войне внутри России – вообще безумие. О победе революционной демократии над буржуазным правительством своевременно будет ставить вопрос только после окончания войны. Тогда социалистические партии смогут стать большинством в Учредительном Собрании и произвести необходимую политическую реформу в государстве. Пока же нужно, хотя бы из экономических соображений, пользоваться капиталистической хозяйственной системой, без которой страна обречена на полную разруху и поражение в войне. Надо готовить и организовывать силы, которых у большевиков пока нет, и это главная задача сегодняшнего дня. Такова была точка зрения Каменева, поддерживаемая не только «генералами», но и большинством в партии. По возвращению из ссылки (одновременно со Свердловым, Сталиным и многими другими большевиками) Каменев ужаснулся состоянием дел в партии, особенно в области агитации и пропаганды. Центральный орган – «Правда» по своему оппортунизму была ниже всякой критики. Каменев взял ее в свои руки и быстро придал ей достойное и авторитетное лицо. Разумеется его взгляды получили в ней достаточно места и интерпретацию доступную для понимания масс.

Бороться с ними в открытой полемике было трудно, но Ленин был не только нахрапист, но и ловок. Он, как бы не придавая значения

разногласиям с Каменевым, засучив рукава, стал с ним вместе готовить и организовывать силы, привлекаемые в партию посредством агитации и пропаганды. Немедленно по получению первых денежных средств из-за рубежа начался рост тиражей большевистских газет. «Солдатская правда» в столице, «Окопная правда» на фронте, «Социал-демократ» в Москве, «Голос правды» в Кронштадте, «Голос социал-демократа» – в Киеве быстро приобрели не только большую политическую остроту своего содержания, но и значительно расширившийся круг читателей. Вскоре самая немногочисленная из революционных партий стала издавать в крупных центрах России свои газеты, наравне с самыми крупными партиями. А число большевиков начало расти со сказочной быстротой. В феврале их было в городе чуть более полутора тысячи, к середине апреля – почти 16 тысяч, а к началу июля – более тридцати. Каждая большевистская газета перепечатывала передовые статьи «Правды», а в остальном ориентировалась на те массы, среди которых распространялась. Особое внимание Ленин лично уделял питерской «Солдатской правде» и кронштадтскому «Голосу правды». Это были газеты «Военки» – быстро и нелегально созданной в столице организации «прямого действия», задача которой была ковать кадры штурмовых отрядов – находящийся покуда в ножнах меч революции. Предназначались эти газеты для гарнизона столицы, для матросов Балтфлота и для солдат самого близкого к Петербургу Северного фронта. Сам Ленин в течение первых недель своего пребывания в России, после абшида на второй день в Петросовете, избегал появления и выступлений среди широкой публики, сосредоточившись всецело на работе внутри партии, направленной на перетягивание на свою сторону большинства ее руководителей. Не хотел он и привлекать к своей персоне внимания правительственных кругов, пока не уляжется шум вокруг его подозрительного проезда через территорию врага и не образуется вокруг него надежное кольцо охраны. Но, тем не менее, он уже через несколько дней после неудачного дебюта в Совете «опубликовал свои замечательные тезисы в «Правде», не изменив в них ни йоты. И даже «Правда» отмежевалась от них, подчеркнув, что это частная точка зрения Ленина.» Однако вскоре ему удалось разорвать кольцо изоляции в собственной партии. Секрет его быстрого и безусловного успеха был прост: он был в своих главных, захватнических стремлениях более всех других «генералов» близок тем массам, чья ненависть к «сытым» и жажда мести и грабежа нуждалась в вожде. «Разудалая «левизна» Ленина, бесшабашный радикализм его, примитивная демагогия, не сдерживаемая ни наукой, ни здравым смыслом, обеспечивала ему успех среди самых широких пролетарско-мужицких масс, не знавших иной выучки кроме царской нанайки. Но также и наименее грамотные элементы самой партии, позиция партийной массы оказывала решающее действие и на вполне сознательные большевистские элементы, на большевистский генералитет. После завоевания Лениным партийного офицерства, для которого остаться верными принципам социал-демократии и марксистским принципам, но без Ленина, без партии и без масс было абсолютно неприемлемо. Для генералов остаться марксистами значило совершенную изоляцию, положение изгоев, внутренних врагов, предателей, каковыми именами шельмовал Ленин любую попытку в этом направлении.»

И никакое магическое влияние сверхчеловеческой личности места здесь не имело. При попытках Ленина свернуть в 1918 году вправо он натолкнулся на резкую оппозицию среди самых своих ближних, но

остающихся радикально левыми, соратников. К этому следует добавить, что «недоговоренность первых тезисов Ленина и сознательное умолчание были существенными факторами завоевания им партии. Он не ставил точек над «и» и вставшие под его знамена совершенно не представляли себе, куда приведет их эта лихая программа. Даже лозунг «Вся власть Советам!» никоим образом не приоткрывал ту тоталитарную модель государства, которая мерещилась в радужных мечтах Ленину. «Истинный заговорщик, устраивавший заговоры и против своей собственной послушной партии, Ленин на любом повороте демагогически менял» смысл своих политических лозунгов и терминов. Так например «Поверив ленинскому требованию «защищать Учредительное Собрание от буржуазии», Ларин, возглавлявший большевистскую фракцию в нем,» попытался воспрепятствовать разгону Учредительного Собрания, так что Ленин еле успел обуздать этих простецов». Или что говорить о «послеоктябрьском лепете Зиновьева о «комбинированном государственном строе» из Учредительного Собрания и из Советов – ярком доказательстве того насколько Ленин доверял свои планы самым ближайшим своим товарищам»?

Как только ему удалось перетянуть на свою сторону половину ЦК, он уже на 14 число назначил открытие первой Петроградской конференции большевиков, где вынес на обсуждение свои тезисы о недоверии результатам буржуазно-демократической революции и начало подготовки социалистической. Но он опять дал маху, не сумев оценить, какая погода на дворе.

«14–16 апреля все газеты облетела резолюция искони революционнейших матросов балтийского флотского экипажа, бывших на вокзале 3 апреля в качестве почетного караула : «Узнав, что господин Ленин вернулся к нам в Россию с соизволения его величества императора германского и короля прусского, мы выражаем свое глубокое сожаление по поводу нашего участия в его торжественном въезде в Петербург. Если бы мы знали... каким путем он попал к нам, то вместо восторженных криков «Ура!» раздались бы наши негодующие возгласы : «Долой, назад в ту страну, через которую ты к нам приехал!»... Лозунг : «Долой Ленина – назад в Германию!» стал достоянием самых широких масс около середины апреля. Репутация большевистского вождя как врага России и революции была быстро упрочена... Около дома Ксешинской стали собираться по вечерам огромные толпы людей. Они устраивали враждебные манифестации, агитировали, угрожали... По городу стали ходить толпы, бурно требующие ареста Ленина...» Арестовать Ленина!, а затем: «Долой большевиков!» слышалось на каждом перекрестке... 17 апреля состоялась грандиозная манифестация инвалидов... Огромное число раненых из столичных лазаретов, в повязках, безногих, безруких двигалось по Невскому к Таврическому дворцу. На знаменах: «Война до конца!», «Наши раны требуют победы!» Это было действительно страшное зрелище. С надписями и возгласами: «Долой Ленина!» они пришли к Таврическому дворцу требовать ареста и высылки будущего диктатора.»

Позорное изгнание из России и из истории казалось бы нависло неминуемой карой над незадачливой головой претендента на роль вождя и учителя всего мирового пролетариата. Но поспешность – бич большинства политиков, стремящихся в хаосе революций не упустить свой выигранный шанс, часто приводит к неожиданным рокировкам. Спасение пришло не из Таврического дворца, уже не имевшего возможности защитить своего скандального подопечного, а с

противоположной стороны – из Мариинского. Историк Милюков тоже не сумел правильно оценить прочность успеха, достигнутого разоблачительной кампанией и поторопился укрепить свое реноме в глазах могущественных союзников.

19 апреля из газет жителям столицы и провинций стало известно, что 18 апреля министром иностранных дел Милюковым была отправлена союзникам нота, в которой он заверял их в неколебимой верности России своим союзническим обязательствам вести войну с Германией до победного конца. Получив посланную ему из МИДа копию 19 апреля, ЦИК Петросовета немедленно погрузился в ее изучение и обсуждение вопроса, как на нее реагировать. Утром 20-го, когда ЦИК продолжал обсуждение, «пришло известие о том, что с Выборгской стороны движется к Невскому огромная толпа рабочих, частью вооруженных», с ними много солдат. Они идут с лозунгами: «Долой Временное Правительство!», «Долой Милюкова!» В рабочих районах, на заводах и в казармах митинги, всвязи с опубликованием в газетах ноты Милюкова. На Невском собираются толпы и устраиваются летучие митинги в поддержку Милюкова и Временного правительства. Чхеидзе помчался навстречу манифестации рабочих и остановил ее на Марсовом поле. После горячей полемики ему удалось успокоить толпу и убедить, что Исполком Совета в это самое время решает вопрос о форме организованного протеста, а разрозненные действия могут только повредить делу. Столкновение с манифестующими на Невском было предотвращено. Но вскоре поднялся Финляндский полк, за ним Московский. Со знаменами и плакатами: «Долой захватную политику!» и «В отставку Милюкова и Гучкова!» полки окружили Мариинский дворец. Туда немедленно был послан Скобелев. Ему удалось убедить солдат отказаться от ареста правительства. Когда командующий округом генерал Корнилов с кавалерией и пушками явился к Мариинскому дворцу, солдаты уже рассеялись до его появления.

Идею «осады» дворца и ареста правительства подбросил солдат по фамилии Линде, большевик, бывший член Исполкома Петросовета. Но как партия большевики в этом движении масс, вызванным нечаянной провокацией Милюкова, участия не принимали, чтобы не привлекать к себе внимания, пока в сутолоке событий не запорошится пылью немецкий след, ведущий к их вождю и их лозунги с немецким акцентом о «мире без аннексий и контрибуций». навлекшие на них гнев народа.

И в самом деле, вспышка ярости, разоженной милюковской нотой, оказалась много сильнее, чем перед тем предательством большевиков. Всколыхнулась страна. Из Москвы, Киева, Нижнего Новгорода, Самары в столицу летели призывы к аресту Милюкову и даже к свержению правительства. А в столице утром 21 апреля толпы солдат и рабочих встретились на Невском с толпами сторонников Милюкова и это быстро привело к беспорядочной перестрелке, не обошлось без убитых и раненых. Мариинский дворец был в растерянности. Но Исполком Совета немедленно обратился к населению города и страны с воззванием «Ко всем гражданам». «Во имя спасения революции от грозящей ей смуты» он призвал всех к соблюдению порядка и дисциплины. Солдатам в нем было сказано: «Только Исполкому Совета принадлежит право располагать вами», ни военный министр, ни главком, ни большевики не могут без утверждения этой меры Советом вывести из казарм никакой воинской части. Воззвание подействовало как глас с неба. Немедленно все разгоряченные головы разошлись по домам и казармам. Это стало высшей точкой авторитета Петросовета за весь срок его существования 23 апреля его

«Известия» сообщили стране: «Не нужно более никаких вооруженных демонстраций. Армия с нами... миллионы штыков в нашем распоряжении.» Совет доказал свое право на власть, данную ему народом, немедленно подчинившись его приказу.

24 апреля генерал Корнилов подал Совету министров свое прошение об отставке, в связи с заявлением Исполкома Петросовета о том, что его приказы становятся действительными только после утверждения их в Исполкоме. Правительство и Совет бросились его уговаривать остаться, но после того как 30 апреля 3-я рота Финляндского полка отказалась выйти на смотр, происходивший на Марсовом поле, без приказа Исполкома Совета, он ушел, не вступая в дальнейшие дискуссии с правительством.

Но вопрос о том, как может исполнять свое назначение армия при установившемся в ней двоевластии: демократии солдатских полковых комитетов, опекаемых Петросоветом, и военном командовании, требовал своего решения и незамедлительно, до начала большого наступления в начале лета, с которым связывали надежду на победоносное окончание войны. Военный министр Гучков издал два приказа: первый – о категорическом запрете братаний с немецкими солдатами по инициативе солдатских комитетов, и второй – о приравнивании подрывной агитации за немедленный и безоговорочный мир к вражеским действиям, подлежащим военным судам. Ни тот, ни другой не оказали ни малейшего действия. Их никто и не подумал исполнять. 30 апреля Гучков подал в отставку. В письме на имя предсовмина князя Львова он объяснил причину: «Ввиду тех условий, в которые поставлена правительственная власть в стране... условия, которые я не в силах изменить и которые грозят роковыми последствиями и обороне, и свободе, и самому бытию России – я по совести не могу дальше нести обязанности военного и морского министра и разделять ответственность за тот тяжелый грех, который творится в отношении родины.» На совещании членов Государственной Думы 4 мая он добавил: «Я ушел от власти потому, что ее просто не было. Болезнь заключается в странном разделении между властью и ответственностью: на одних – полнота власти, но без тени ответственности, а на видимых носителях власти – полнота ответственности, но без тени власти...»

26 апреля правительство обратилось к российским гражданам с сообщением о предстоящей реконструкции власти. Идея коалиции правого правительства и левого Совета казалась спасением. После затяжки, связанной с нежеланием Петросовета брать на себя какую-либо долю бремени ответственности, к 4 мая коалиционное правительство было все же сформировано. Место министра иностранных дел, после того как Милюков, чувствуя на себе долг быть спасителем России, долго сопротивлялся и отказывался перейти в кресло министра просвещения, пока его не «ушли», занял Терещенко, оставив ради этого минфин. Военным и морским министром назначили Керенского, освободившего минюст. Еще четыре министерства: юстиции – Переверзев, труда – Скобелев, продовольствия – Пошехонов и почт – Церетели были заняты членами Исполкома Совета. А 5 апреля в Таврическом дворце торжественно встречали приехавшего из Америки Троцкого. Отдав должное в своей речи величии совершенной революции и ее международному значению, бывший первый председатель Петросовета (в 1905 году) «мягко указал на практическую бесплодность и принципиальную ошибочность ныне совершенного шага. Он назвал коалицию буржуазным пленением Совета. Но большой значимости этой ошибки не придавал, полагая, что от нее революция

не погибнет.»

А дела, к которым приступило новое правительство, были хуже некуда. Хлеба не было, к концу апреля паек сократился до полфунта на день. Но и к 20 мая продовольственный съезд не смог ничего решить для улучшения положения. Крестьяне не желая мириться с необходимостью ждать Учредительного собрания для решения вопроса о земле, захватывали помещичьи земли, часто грабя при этом и сжигая именья. Солдаты, считали увольнение из армии 170 генералов недостаточным, то и дело по решению своих комитетов демонстрировали неповиновение тем приказам, которые им не нравились. Местные советы брали управление на местах в свои руки, не видя от чиновников министерства внутренних дел никакого прока.

Усилия правительства как-нибудь справиться с разрухой и наладить снабжение фронта, не говоря уже о тыле, были тщетны. Во всех партиях шли бесконечные обсуждения безнадежного положения. В июне на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов председатель Петросовета Чхеидзе сказал, что в настоящее время в стране нет такой партии, которая была бы готова взять на себя ответственность за положение дел в стране. Тогда из глубины зала раздался резкий картавый крик Ленина: «Есть такая партия!». Это было «Иду на вы!». Вождь решил, что время для решительных действий настало. В узком кругу руководителей штурмовых отрядов партии – «Военки» он обсуждал возможности вооруженного захвата власти из рук беспомощного и непопулярного Временного правительства и нерешительных болтунов Исполкома Совета. Было намечено провести сначала в качестве репетиции смотр революционных сил, готовых пойти за партией. ЦК партии назначил с этой целью на 10 июня массовую демонстрацию против начала нового наступления на фронте, куда было уже отправлена тысяча солдат из Петроградского гарнизона, и за передачу всей власти Советам. Был принят «план действий, исходивший от Ленина : Ударным пунктом является Мариинский дворец, резиденция Временного Правительства. Туда должны были направляться рабочие отряды и верные большевикам полки. Особо назначенные лица должны были вызвать из дворца членов кабинета и предложить им вопросы. Особо назначенные группы должны были во время министерских речей выражать народное недовольство и поднимать настроение масс. При надлежащей температуре настроения, Временное правительство должно было быть тут же арестовано. В зависимости от того, какова окажется реакция города, ЦК большевиков, под тем или иным названием, должен был объявить себя властью. Если в процессе манифестации настроение будет для всего этого достаточно благоприятным, и сопротивление Львова-Церетели будет невелико, то оно должно быть подавлено силой большевистских полков и орудий.» На происходящем в это время съезде Советов сообщение об этой ни с кем не согласованной большевиками манифестации вызвало тревогу и возмущение. Уже хорошо зная тактику большевиков натравливать массы на правительство и провоцировать на беспорядки, Петросовет потребовал отменить назначенную демонстрацию и принять участие в мирной, невооруженной демонстрации, которая будет происходить по призыву Совета 18 июня. 11 июня перед Исполнительным Комитетом Петросовета и перед членами президиума Всероссийского Съезда Советов выступил Церетели:– То, что произошло, является не чем иным, как заговором, заговором для низвержения правительства и захвата власти большевиками, которые знают, что другим путем эта власть им никогда не достанется. У тех революционеров, которые не умеют

достойно держать в своих руках оружие, нужно это оружие отнять. Большевиков надо обезоружить... Заговоров мы не допустим.» Вступать в открытый конфликт с властью, которой они сами требовали передать всю власть, ленинская партия не могла и была должна подчиниться. Но были приложены все силы, чтобы демонстрация прошла под большевистскими лозунгами: «Долой войну!», «Вся власть Советам!» и «Долой десять министров-капиталистов!». Последний лозунг содержал в себе намек Петросовету, что остальных пятерых министров из числа его бывших членов большевики признают. Четырехсоттысячная демонстрация, прошедшая под этими лозунгами 18 июня, убедила большевиков в силе их влияния на массы, вызвала растерянность в Советах и опасения в правительстве. Созвав своих самых решительных и твердых соратников из Военки и ЦК, Ленин доработал план свержения правительства и захвата власти в Петросовете. Согласно этому плану, используя очередное ухудшение продовольственного положения в городе и намеченное начало наступления на Северном фронте, следовало в начале июля начать в столице массовую демонстрацию рабочих и солдат под теми же лозунгами, что и 18 июня, но на этот раз демонстрацию вооруженную, и внутри многотысячной массы скрыть главную ударную силу – солдат пулеметного полка, полностью примкнувшего к большевистской «Военке», и колонны кронштадских матросов, рвавшихся в бой за власть Советов. Предполагалось, что, достигнув центра города, демонстрация сначала направится к Мариинскому дворцу, где, ворвавшись внутрь, «штурмовики» арестуют Временное правительство, а затем сделают то же самое с ЦИК Советов в Таврическом дворце и объявят массам, что вся власть теперь принадлежит Советам, которые на самом деле будут представлены только большевиками. После чего останется захватить вокзалы, мосты, арсенал, телеграф и можно начинать править Россией. Верховное руководство путчем было возложено на командира «Военки» Подвойского. Сам «вождь», сославшись на крайнее переутомление и на необходимость доработать программу партии к открытию в конце июля съезда партии, уехал в Финляндию на дачу к Бонч-Бруевичу.

Однако в деле организации мятежей часто возникают совершенно неожиданные обстоятельства и тщательно продуманные планы летят коту под хвост. Утром 3 июля Подвойский направил солдат пулеметного полка на все заводы и во все полки гарнизона с призывом все как один идти на бой за власть Советов. Рабочие довольно дружно откликнулись, но среди солдат гарнизона успех был лишь частичный. Дойдя до дворцов, демонстранты стали шумно требовать, чтобы вся власть была передана Советам, но «штурмовики» вместо того чтобы ворваться внутрь и захватить власть, стали захватывать легковые и грузовые автомобили и, украсив их красными флагами, стали разъезжать по городу, крича «Вся власть Советам» и стреляя из ружей и пулеметов. Захватили также Петропавловскую крепость и арсенал, пытались, но неудачно, арестовать военного министра. В Советах же попытка так называемой «рабочей» секции выступить против ЦИК Советов как бы от имени всего Петросовета с требованием забрать всю власть у Временного правительства, не получила поддержки, которую ожидала от «братишек». «Военка» не решилась ставить Петросовет на попа при неясной позиции гарнизона. Новый командующий военным округом приказал войскам навести порядок на улицах. Но гарнизон и в этом случае предпочел остаться в казармах, сохраняя нейтралитет.

На следующий день в Питер прибыл вызванный со своего курорта

Ленин. Его никто не встречал и до особняка Кшесинской он добрался на извозчике. Выслушав сообщение о событиях минувшего дня, он помрачнел, план «стихийного захвата власти революционными массами» явно провалился. Хочешь – не хочешь, а всю ответственность за происходящее необходимо было брать на себя. Командиры «Военки» ждали его указаний. «Бить вас всех надо!» – процедил он сквозь зубы. Вскоре перед особняком и вдоль проспекта скопилось море «братишек» с ружьями, патронташами и связками гранат у пояса. Узнав, что приехал Ленин, они пришли, чтоб наконец услышать от Самого команду на штурм. Но не услышали. Ему пришлось выйти к ним на балкон и, воздав должное их верности революции, мужеству и организованности, заверить собравшихся в своей горячей убежденности, что в конце-концов власть все-таки перейдет к Советам, и, готовясь к этому, надо сохранять бдительность и выдержку. Такой громкий шаг на месте ошарашил многие горячие головы в бескозырьках и, не зная, что им делать, они вновь пустились разъезжать по городу с ружьями, пулеметами, знаменами и плакатами. Кое-где завязывалась перестрелка из окон и по окнам. На нескольких площадях в центре таякали пулеметы, всего оказалось до четырехсот погибших, но положение оставалось в течение дня неопределенным. Ленин в глубине души не расставался с надеждой, что «стихийное» развитие событий вовлечет в конце-концов колеблющиеся воинские части и дело кончится захватом власти. Он терпеливо ждал, куда повернет кривая, готовый в случае удачи немедленно «влезть на броневик» и оседлать события. Однако готов он был и столь же быстро юркнуть в норку (как в 1905-ом), если дело не выгорит и категорически отказывался «бросить жребий» и от имени ЦК дать «Военке» приказ брать власть. Что происходит на улицах города он узнавал только из отрывочных слухов, долетавших до него. и сильно нервничал.

Много очевидней были впечатления Максима Горького, находившегося на Невском, в гуще событий: « На всю жизнь останутся в памяти отвратительные картины безумия, охватившего Петроград днем 4-го июля. Вот, ошетинясь винтовками и пулеметами, мчитя, точно бешеная свинья, грузовой автомобиль, тесно набитый разношерстными представителями «революционной армии», среди них стоит встрепанный юноша и орет истерически:– Социальная революция, товарищи! Какие-то люди, не успевшие потерять разум, безоружные, но спокойные, останавливают гремящее чудовище и разоружают его, выдергивая щетину винтовок. Обезоруженные солдаты и матросы смешиваются с толпой, исчезают в ней... И ясно, что этот устрашающий выезд «социальной революции» затеян кем-то наспех, необдуманно и что – глупость имя силы, которая вытолкнула на улицу вооруженных до зубов людей. Вдруг где-то щелкает выстрел, и сотни людей судорожно разлетаются во все стороны, гонимые страхом, как сухие листья вихрем, валятся на землю, сбивая с ног друг друга, визжат и кричат :– Буржуи стреляют! Стреляли, конечно не «буржуи», стрелял не страх перед революцией, а страх за революцию. Слишком много у нас этого страха. Он чувствовался всюду – и в руках солдат, лежавших на рогатках пулеметов, и в дрожащих руках рабочих, державших заряженные винтовки и револьверы, со взведенными предохранителями, и в напряженном взгляде вытаращенных глаз. Было ясно, что эти люди не верят в свою силу да едва ли и понимают, зачем они вышли на улицу с оружием. Особенно характерна была картина паники на углу Невского и Литейного часа в четыре вечера. Роты две каких-то солдат и несколько сотен публики

смирненно стояли около ресторана Палкина и дальше, к Знаменской площади, и вдруг, точно силою какого-то злого, иронического чародея, все эти вооруженные и безоружные люди превратились в ошеломленное стадо баранов. Я не мог уловить, что именно вызвало панику и заставило солдат стрелять в пятый дом от угла Литейного по Невскому – они начали палить по окнам и колоннам дома не целясь, с лихорадочной торопливостью людей, которые боятся, что вот сейчас у них отнимут ружья. Стреляло человек десять, не более, а остальные, побросав винтовки и знамена на мостовую, начали вместе с публикой ломиться во все двери и окна, выбивая стекло, ломая двери, образуя на тротуаре кучи мяса, обезумевшего от страха. По мостовой, среди разбросанных винтовок, бегала девочка-подросток и кричала: – Да это свои стреляют, свои же! Я поставил ее за столб трамвая, она возмущенно сказала: – Кричите, что свои... Но все уже исчезли, убежав на Литейный, Владимирский, забившись в проломанные ими щели, а на мостовой валяются винтовки, шляпы, фуражки и грязные торцы покрыты красными полотнищами знамен.

Вот это и есть тот самый «свободный» русский народ, который за час перед тем, как испугаться самого себя, «отрекался от старого мира» и отрясал «его прах» с ног своих? Это солдаты революционной армии разбежались от своих же пуль, побросав винтовки и прижимаясь к тротуару?

Этот народ должен много потрудиться для того, чтобы приобрести сознание своей личности, своего человеческого достоинства, этот народ должен быть прокален и очищен от рабства, вскормленного в нем...»

Горькому, конечно же, было неизвестно тогда, что сила, которая вывела на улицы вооруженный народ была не так глупа, как подла. Ленинский план сводился к циничной комбинации провокаций и обманов. Конечной целью которой было захват диктаторской власти в России и распространение ее на весь мир. Вторая часть была глупостью, продиктованной фанатической верой Ленина в марксистские бредни о неизбежности скорого наступления мировой пролетарской революции. Но первая часть была порождена всецело революционной беспринципностью первого фашистского вождя.

План этот в самом общем виде возник, собственно, в голове знакомого Ленину с 1905 года попутчика революции в России, ставшего крупным финансистом в отнюдь непрозрачной сфере германотурецких военно-экономических связей, Александра Гельфанда, он же Парвус. Этот меньшевик существенно помог Троцкому проникнуться идеей перманентной революции, а Ленину, утратившему после 1905 года веру, что «нынешнее поколение революционеров доживет до социальной революции в России», и тоскливо прозябавшему в Цюрихе, получить неожиданно от германского Генерального Штаба «командировку» в Россию и очень крупные «подъемные» на устройство там такой революционной власти, которая выведет Россию из войны с Германией.

Не исключено, что Парвус вполне искренне хотел таким образом помочь Германии, где ему удалось достичь несравненно лучшего положения, чем в России, и Ленина он, по-видимому, оценил правильно. По воспоминаниям одного из активнейших членов ИК Петросовета «около полудня в разных концах города началась стрельба. Она начиналась со случайных выстрелов, следовала паника, винтовки начинали сами стрелять куда попало. Везде были раненые и убитые. Начались небольшие, частичные погромы. Часам к четырем

число раненых и убитых уже исчислялось, по слухам, сотнями. Здесь и там валялись трупы убитых лошадей... Советско-правительственные власти высылали верные отряды юнкеров, семеновцев, казаков. Они дефилировали и встречались с неприятелем. При встрече колонн, ни участники, ни свидетели не различали, где чья сторона. Пули в огромном большинстве доставались, конечно, прохожим. Все это совсем не походило на манифестацию против министров-капиталистов, но и на восстание за власть Советов не походило тоже. Но вдруг над Петербургом разразился проливной дождь. Минута-две-три, и «боевые колонны» не выдержали, солдаты-повстанцы разбегались, как под огнем, и переполнили все подъезды, навесы, подворотни. Настроение было сбито, ряды расстроены. Дождь расплыл восставшую армию...массы не находили своих вождей, а вожди – подначальных. Командиры говорили, что восстановить армию уже не удалось, и последние шансы на какие-нибудь планомерные операции после ливня совершенно исчезли.

Было около пяти часов. В комнатах Исполн. Комитета кто-то впопыхах сообщил, что ко дворцу подошли кронштатдцы. Под предводительством Раскольников и Рошалья, они заполнили весь сквер и большой кусок Шпалерной. Настроение их самое боевое и злобное. Они требуют к себе министров-социалистов и рвутся всей массой внутрь дворца. Президиум выслал к ним Чернова. Чернов произнес небольшую речь о кризисе власти. Речь прерывалась возгласами в большевистском духе. А по окончании ее какой-то инициативный человек из толпы потребовал, чтобы министры-социалисты сейчас же объявили землю народным достоянием и т.п. Поднялся неистовый шум. Толпа, потрясая оружием, стала напирать. Чернова объявили арестованным в качестве заложника. Группа рабочих, ворвавшись в зал, произвела там панику криками: –Товарищ Чернов арестован толпой. Его сейчас расстреляют! Спасайте скорее! Выходите все на улицу! .Я бросился к выходу, и тут же увидел Раскольника, пробиравшегося к залу. Я взял его за руку и потащил обратно, на ходу объясняя, в чем дело. Нас догнал Троцкий. Троцкого знал и ему, казалось бы, верил весь Кронштадт. Но Троцкий начал речь, а толпа не унималась. Если бы поблизости сейчас грянул провокационный выстрел, могло бы произойти грандиозное побоище, и всех нас, включая, пожалуй, и Троцкого, могли бы разорвать в клочки. Едва-едва Троцкий заставил слушать себя ближайшие ряды...Не зная, что делать, кронштатдцы отпустили Чернова. Троцкий взял его за руку и спешно увел внутрь дворца. Я же, оставаясь на месте происшествия, вступил в спор с Раскольниковым. –Уведите же немедленно свою армию. Ведь вы видите, легко может произойти самая бессмысленная свалка...Какая же политическая цель их пребывания здесь и всего этого движения? Раскольников смотрел на меня злыми глазами и отвечал неясными односложными словами... Я понимал достаточно хорошо, что такое- стихийное движение, но я не знал, что большевики уже по меньшей мере целый месяц находятся в полной готовности взять в свои руки всю государственную власть «при благоприятных условиях» ...Раскольников имел соответствующие директивы...но прямых приказов Раскольников и Рошаль не получили...стоять на месте и ничего не делать многотысячной толпе приведенной «защищать революцию», было тоже невозможно. Настроение могло легко обратиться против самих кронштадтских генералов... В этот момент на передок автомобиля взобрался Рошаль...Он прославлял кронштадтцев за выполнение их революционного долга, а затем приглашал отправиться на отдых в указываемые им пункты, где армия

получит кров и пищу. Но доблестные кронштадтцы должны быть наготове. В каждый момент они могут понадобиться революции снова, и их призовут опять.»

День клонился к вечеру. К семи часам, после ухода кронштадцев им на смену явилась столь же многочисленная масса вооруженных рабочих путиловского завода. В зал заседания Исполкома «врывается толпа рабочих человек в 40... Один из рабочих, классический санкюлот, в кепке и короткой синей блузе без пояса, с винтовкой в руке вскакивает на ораторскую трибуну. Он дрожит от волнения и гнева и резко выкрикивает, потрясая винтовкой, бессвязные слова: – Товарищи! Долго ли терпеть нам, рабочим, предательство? Вы собрались тут, рассуждаете, заключаете сделки с буржуазией и помещиками... занимаетесь предательством рабочего класса. Так знайте, рабочий класс не потерпит! Нас тут, путиловцев, 30 000 человек, все до одного!.. Мы добьемся своей воли! Никаких чтобы буржуев! Вся власть Советам! Винтовки у нас крепко в руке! Керенские ваши и Церетели нас не надуют... Чхеидзе, перед носом которого плясала винтовка,.. спокойно наклонившись со своего возвышения, протягивал и всовывал в дрожащую руку рабочего вчерашнее воззвание. Вот, товарищ, возьмите, пожалуйста, прошу вас, и прочтите. Тут сказано, что вам делать и вашим товарищам-путиловцам... В возвании было сказано, что все вышедшие на улицы должны отправляться по домам, иначе они будут предателями революции...»

«Вечером в цирке «Модерн» собрались рабочие с Петроградской и Выборгской сторон, ожидая выступления вождей большевизма. Но никто не явился... Мы отправились к Таврическому дворцу... В комнате, занимаемой фракцией большевиков, у стола, опершись головой на руку, сидел Ленин... Один из военных спросил, что нам нужно. Я ответил, что мы – представители Союза Трудового Равенства и высказал удивление, что фракция большевиков оставляет в данный момент рабочих и солдат без своего руководства, и те мечутся, не зная, что предпринять. Следует или дать сигнал к настоящему вооруженному восстанию и к захвату власти не Советами, которые этого не хотят, а революционным пролетариатом, т.е. большевиками, или решительно призвать к прекращению демонстрации и полному успокоению.» ...

«На последней странице «Правды» от 5 июля было помещено скромное объявление: «Цель демонстрации достигнута. Лозунги передового отряда рабочего класса... показаны внушительно и достойно... Мы постановили поэтому закончить демонстрацию». Движение круто пошло на убыль, а 6-го в Петрограде все стихло.»

За таинственной тишиной на большевистской колокольне 4 июля, когда все штурмовые отряды во главе с Раскольниковым, Лацисом, Невским, Подвойским и другими «полевыми командирами» пылали революционной яростью и сторали от нетерпения, ожидая набата, скрывалась, однако, фундаментальная причина. Излюбленной тактикой фашистских вождей всегда была провокация. Подготавливая крупное преступление, они непременно начинали с провокационного дебюта, цель которого была придать тщательно подготовленной акции убедительную видимость спонтанного взрыва народного гнева. Первый в истории фашист классического типа – Ульянов «Ленин», как и его главный продолжатель, отличался замечательным равновесием между его разросшимся до крайности инстинктом самоутверждения и столь же могучим инстинктом самосохранения. Приложив максимум старания, чтобы пробольшевиченные массы рвались в бой «за власть

Советов», власть, которая сразу же им устроит расчудесную жизнь, он, назначив «мирную» демонстрацию всех сил большевизма против капиталистической власти Временного правительства и проинструктировав вожаков «Военки», как «не помешать» в нужный момент революционной энергии масс, уехал на недельку «отдохнуть» на дачу в Финляндию, «чтобы там заодно подготовить программу для приближающегося съезда партии». При этом он, само собой, был готов в любой момент, как только придет сигнал, что дело выгорело и Совет находится в руках «народа», а правительство свергнуто, немедленно бросить свои труды и поспешить в столицу, чтобы вовремя успеть «принять» власть из рук соратников и, естественно, народа.

Однако нужный момент, на который так рассчитывал главный вдохновитель путча, как-то не случился в первый день вооруженной до зубов четырехсоттысячной демонстрации. Между членами ЦК возникли разногласия «по текущему моменту», и доверенные товарищи поехали к нему, уже усвоив большевистский порядок вещей: решающее слово исходит только из уст вождя. Пришлось ехать туда, откуда ему хотелось бы быть в эту пору подальше. Но тактики своей он не переменял. Обругал соратников, похвалил собравшихся у особняка Кшесинской «братишек» и, не сказав им ни да, ни нет, уехал в Таврический, продемонстрировать свою непричастность к «заговору». Там он и просидел молча до конца дня в комнате, отведенной для фракции большевиков, ожидая. Но не дождался. Как на зло, на улицах и площадях палили, причем зря, а, струдившись у подъездов дворцов, только рычали, как голодные псы, и ни одному дурню не пришло в голову, пальнуть, чтоб отвести душу. Вот тут-то и сдетонировало бы так, что в клочья порвали бы и министров, и депутатов... Так они и ждали: массы – сигнала на штурм, а вождь – стихийного взрыва масс.

Вечером стало известно, что ЦИК Совета и правительство вызвали с фронта войска для наведения порядка в столице, и, что еще хуже, военная контрразведка пригласила вечером 4 июля из полков гарнизона в генеральный штаб представителей, чтобы ознакомить их с материалами, неоспоримо свидетельствующими, что пламенный вождь большевиков является агентом германской разведки и регулярно получает от нее крупные суммы денег на ведение подрывной деятельности против российского государства для того чтобы посредством развала армии заставить его выйти из войны с Германией. Эти материалы произвели на солдат впечатление настолько сильное, что было решено передать эти сведения в прессу для широкой публикации, и на следующий день жители столицы узнали о «второй великой Азефовщине», о том, что вождь большевиков Ленин – немецкий шпион и провокатор. Разоблачитель первого Азефа Владимир Бурцев заявил в открытом письме, перепечатанного многими газетами: «Среди большевиков всегда играли и теперь продолжают играть огромную роль и провокаторы и немецкие агенты... За эти дни Ленин с товарищами обошлись нам не меньше огромной чумы или холеры» Газета эсеров «Воля народа» писала: «Большевики открыто идут против воли революционной демократии. Революционная демократия обладает достаточной силой, чтобы заставить всех подчиниться своей воле. Она должна это сделать... промедление смерти подобно». Однако к немедленным действиям готовы были только газеты. В России и в лучшие времена запрягали подолгу, а уж после наступления долгожданной свободы, многократно усилившей неопределенность в стране, где определенность ни в кои веки не

уважали как обычай чужой и русской душе бесполезный, торопливость обнаруживали только самые нетерпеливые : яростные ревнители самодержавия и большевики – молодцы на рыло очень разные , но по духу очень схожей породы.

Установившиеся с февраля в стране три власти: Правительство, Советы и генералитет продолжали еще сами в себе делиться на части. В Правительстве, возглавляемом князем Львовым, человеком, не имевшим ни воли к власти, ни способностей управлять и посаженным быть главой правительства и министром внутренних дел против своего желания в силу лишь своего нравственного авторитета (ценности для политика сомнительной) три фракции: кадеты, социалисты и дельцы, занятые грызней между собой, уступали, не желая того, дорогу нахрапистому и тщеславному проходимцу Керенскому, которому потворствовал и сидящий на козлах, но не желающий брать в руки вожжи Председатель. В Советах лидеры Церетели и Чхеидзе, сплотившие вокруг себя группу центристов , «звездную палату», полагали всю свою силу на сдерживание избыточной политической активности всех крайних от патриотов и сторонников твердой руки до умеренных большевиков, чтобы не дать сбиться кораблю революционной демократии с курса на Учредительное Собрание, которое решит все. В генералитете также между строгим Корниловым и либеральным Брусиловым расположилось большинство опасующихся как убежденных монархистов так и тех кто встал на сторону народа, и предпочитающих поэтому выжидать. На фоне этой выжидательной политики главных сил общества мелькала истерически активная фигурка верховного правителя России Керенского, получившим по уходу князя Львова возделенный пост Председателя правительства и упивавшегося своим истинным призванием – революционной декламацией. Словоблудие было главной формой деятельности большинства вождей революционной демократии, свидетельствующей, что они твердо стоят на защите революционных завоеваний и их устами глаголет воля народа.

А ситуация в государстве была критическая. Именно эти июльские дни, после лопнувшего путча большевиков и катастрофы на фронте, которой окончилось громогласно разрекламированное наступление, наступило драматическое затишье, когда решалась дальнейшая судьба революции. Лето стояло жаркое. По всей российской равнине вспыхивали пожары в помещичьих имениях и курились дымом в уже сожженных. Народ наконец свободно проявлял свою волю. «То словоблудие, которое текло непрерывно из Петрограда и там отравляло и опьяняло мысль и совесть верхов революционной демократии, на широкой арене народной жизни обращалось в прямое действие» (А.И.Деникин). После распада почти в одночасье административного аппарата царской власти никаких практически связей между правительством и страной не осталось. Наезжающие из столицы в губернские города правительственные комиссары заставляли там комитеты и советы, различавшиеся только тем, что в первых было больше членов различных революционных партий : эсеров, эсдеков, кадетов и т.д. и меньше солдат-дезертиров в шапках с красными бантами, а во-вторых – как раз наоборот. Впрочем, власти и средств управления губерниями у них было самые пустяки. Власть была у народа, то есть у крестьянства (которого в населении российской державы было 80%), а совсем точно – у тех из них шести миллионов, которые отвоевав год или два, сразу как скинули царя и приказ № 1 Петросовета дал им власть в армии, хлынули с фронта по домам, а многие и по городам, чтобы влиться в ряды революционной

демократии. Именно они организовывали в деревнях земляков, не нюхавших еще пороху и не соображавших еще, что теперь к чему, на главное дело народной революции – резать подчистую бар и делить по справедливости между собой их добро и земли. Именно они в городах вступали в ряды народной милиции, чтобы производить обыски в богатых домах, реквизируя «для нужд революции» все «незаконно нажитое», что можно было унести, и без лишних слов сажая на штык тех, кто пытался протестовать, не соображая еще, что ихнее времячко отошло. Именно к ним и обращались самые правильные революционеры – «большевики» с призывом к беспощадной борьбе с эксплуататорами. А самый большой из них, уже ставший ведомым народу по прозвищу Ленин, так прямо и сказал: Грабьте награбленное! Вот такого бы и надо поставить царем, чтобы было настоящее по справедливости народное царство.

Однако пока мужички продолжали углублять революцию, выполняя его прямое указание, будущему народному царю, обладавшему острым политическим чутьем, надо было срочно уносить ноги. Уже 6 июля, прятаясь в квартире одной верной большевички Ленин без колебаний принял решение бежать, не теряя ни минуты и как можно дальше из революционной столицы. На ее сообщение о том, что об этом думают его соратники: «Вопрос о явке товарища Ленина в суд нельзя рассматривать в плоскости личной безопасности... а с точки зрения интересов и достоинства партии. Нам приходится иметь дело с массами, и мы видим, какой козырь в руках буржуазии, когда идет речь об уклонении от суда наших товарищей... Из процесса Ленина мы должны сделать дело Дрейфуса» (Володарский) – не произвело на него ожидаемого впечатления. Ему совсем не хотелось, чтоб из него сделали нового Дрейфуса. «Вас, товарищ Сулимова, – сказал он ей, объясняя свою принципиальную позицию, – возможно арестуют, а меня могут и «подвесить». И, сменив за два дня две квартиры, он поздним вечером 9 июля бежал, взяв в спутники Зиновьева, в деревню за тридцать верст от Петрограда, а через месяц, узнав о начале Московского совещания, еще дальше, в Финляндию.

Первая волна арестов «немецких шпионов и предателей Родины» еще до того как власти успели издать какие-либо распоряжения на этот счет, прокатилась по столице уже 5-го июля. Утром отряд юнкеров нагрянул в редакцию «Правды», буквально через несколько минут после ухода оттуда Ленина. Они разгромили типографию, уничтожили свежие газеты и арестовали сотрудников. После этого разгромлено было пробольшевистское издательство «Труд». На улицах происходили аресты заподозренных в большевизме солдатами и офицерами гарнизона, и юнкерами без каких-либо на то санкций. На следующий день прокурор города издал постановление об аресте Ленина, войска гарнизона заняли особняк Кшесинской, арестовав при этом задержавшихся из-за вывозки архива большевиков, и Петропавловскую крепость – последние остававшиеся в руках мятежников опорные пункты в центре города. К вечеру кабинет министров издал приказ: «Всех участвовавших в организации и руководстве вооруженным выступлением против государственной власти установленной народом, а также всех призывавших и подстрекавших к нему арестовать и привлечь к судебной ответственности как виновных в измене родине и в предательстве революции.» Репрессии приняли более организованный характер и в них приняли деятельное участие подтянутые для этой цели с фронта воинские части. Большая часть офицеров и солдат-активистов «Военки» (военной организации большевиков в войсках гарнизона) – около полутора сотни человек,

были схвачены и посажены в одну из районных тюрем, столько же кронштадцев – в другую, партийное руководство – в «Кресты». Всего, очевидно, было арестовано не более полутысячи человек, потому что сведений о персональном составе партии у контрразведки и милиции было не густо. Большинство из арестованных просидело за решеткой все четыре месяца до октябрьского переворота, в условиях, однако гораздо более либеральных, нежели до революции. Петросовет, дабы подчеркнуть свою полную непричастность к большевистскому путчу, принял 9 июля жесткую резолюцию с осуждением мятежников, но уклонился от собственного участия в репрессиях. «Пусть Правительство, – говорилось в его прокламации, – суровой рукой подавляет все вспышки анархии и все покушения на завоевания революции. И пусть проведет в жизнь все те меры, которые необходимы для революции».

Первые две недели после путча партия большевиков спряталась в подполье, напуганная не столько арестами, не столь уж значительными, как можно было ожидать, а резко изменившейся общей обстановкой в городе. Сообщение о том, что большевики – изменники родины, получающие постоянную плату от Германии за свою подрывную работу, прокатилась по Петрограду, как гром небесный. Возмущение этим гнусным и страшным предательством охватило буквально все слои населения, включая даже членов самой большевистской партии, которая успела было фантастически возрасти от 12000, насчитывавшихся по всей России в ее рядах в канун революции до 220000 к началу путча, потеряла в результате его 188000 вышедших из нее после разоблачения. Следствием было быстро собрано двадцать томов доказательств связи вождей большевиков с германским Генеральным штабом, Имперским банком и послом Германии бароном Мирбахом. Однако начавшееся Корниловское движение и страх охвативший Петросовет, Керенского и всю левую «революционную демократию» перед надвигающейся справа «контрреволюцией» отложил до лучших времен судебный процесс. А после октябрьского переворота по личному приказу Ленина все собранные по этому делу документы были немедленно уничтожены. Но как бы не замылось дело потом, репутация вождя была подмочена так основательно, что печать немецкого агента удалось полностью смыть с его физиономии только после того, как Сталин уничтожил всю «ленинскую гвардию». А в те дни на позицию самого главного его гвардейца выдвинулся за три месяца Яков Свердлов, никогда до апреля с Лениным не встречавшийся, но совершенно покоривший вождя своим глубоким пониманием его теории перерастания буржуазной революции в социалистическую (чего недопонимали многие старые ленинцы), своим умением убеждать рабочие массы короткими точными речами в ее абсолютной истинности, и, что особенно важно, своей феноменальной энергией и способностью быстро сколачивать этих уверовавших в прочные партерные ячейки, безошибочно находя среди них толковых организаторов. Конечно же, своим беспримерно быстрым ростом партия была обязана в первую очередь происшедшей революции, во вторую – немецким деньгам, давшим возможность затопить, обходя всех конкурентов, взбудораженные революцией толпы солдат и рабочих бесчисленными «правдами»: «рабочей», «крестьянской», «трудовой», «фронтовой», «солдатской», «окопной» и т.д., но вне всякой очереди обязана она была своими успехами организационному таланту своего главного строителя и архитектора, демонически целеустремленного Свердлова. Понимая своим точным холодным умом, что в сложившейся ситуации Ленин со своей трусоватостью и колебаниями от

лихорадочной решимости до паники будет только мешать делу, где бы не находился, в тюрьме или на свободе, он горячо поддержал его желание бежать и сам отвез их с Зиновьевым в Разлив, а потом и в Финляндию. И все четыре месяца отсутствия Ленина в столице всю организационную работу в партии, включая и съезд и подготовку восстания, вел Свердлов, умело выделяя секторы для приложения сил и Троцкому, и Дзержинскому, и Подвойскому, и давая выпускать пар в дискуссиях Каменеву, Луначарскому и другим теоретикам.

Несмотря на катастрофический провал путча и ненависть, охватившую население к партии предателей, несмотря на то, что либеральная пресса с ликованием хоронила ее и кадетская «Речь» утверждала 7 июля, что «Большевизм скомпрометировал себя безнадежно... Большевизм умер, так сказать, внезапной смертью...оказался блефом, раздуваемым немецкими деньгами». С той или иной степенью энтузиазма эту точку зрения разделяли и «Единство» социал-демократов, «Петроградская газета», «День» меньшевиков, «Новая газета» Горького, эсеровская «Воля народа» и, само собой, все газеты правого фланга «революционной демократии». Даже главный орган ЦИК Петросовета «Известия» и его же «Голос солдата» клеймили большевиков, как провокаторов и клеветников, которые теперь «по обычаю всех трусов заматают следы и скрывают правду от своих последователей». Несмотря на все это, партия уйдя в подполье и затаившись, от репрессий потеряла сущие пустяки, потому что органы сыска Временного правительства просто не знали в рядах большевиков никого, кроме «вождей» – тех, чьи имена то и дело мелькали в газетах. Повезло большевикам и с тем, что только лишь наспех сформированное новое правительство было еще менее способно к согласованной и эффективной деятельности, чем распавшееся предыдущее, а нарастание катастрофических событий требовало от него быстрых и решительных действий.

Утром 10 июля правительство получило телеграмму своего комиссара Савинкова с Юго-Западного фронта, сообщавшего, что наступление, начатое 18 июня, захлебнулось и в результате немецкого контр наступления фронт прорван, положение катастрофическое, «О власти и повинности нет уже и речи... Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противника... На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов... Пусть вся страна узнает всю правду о совершившихся здесь событиях». Эта новость потрясла все общество сильнее, чем большевистский путч. С «взбесившимися хамами» удалось справиться быстро, как полагали газетные труженики правого толка и их читатели. Все комитеты их партии были разгромлены, сами они загнаны в подполье. Но германская армия, окончательную победу над которой предвкушали в июне, неожиданно нависла, как туча над Россией, которая из-за разложения ее армии советской и большевистской пропагандой, становится беззащитной. Нужны были немедленные и чрезвычайные меры. «Спасите Родину, она находится на краю гибели, ..-вещал в исступлении в Думском комитете Пуришкевич, – Если бы было покончено с тысячью, двумя, пусть пятью тысячами негодяев на фронте и несколькими десятками в тылу, то мы не страдали бы от такого беспрецедентного позора... пусть сгинут зловещие силы, примкнувшие к Временному правительству... Этими силами руководят люди, которые не имеют ничего общего ни с крестьянами, ни с солдатами или рабочими и которые ловят рыбку в мутной воде вместе с провокаторами, поддерживаемыми немецким кайзером.» Принятие чрезвычайных мер оказалось однако прерогативой

только одного человека , допущенного роковой судьбой России до страстно желанной ему роли Бонопарта. Беда была в том, что у него не было ни одного качества, благодаря которым Бонопарт стал на десять лет властителем почти всей Европы. Керенский обладал только одной выдающейся способностью – произносить патетические речи и эксплуатировал ее с нарастающей по мере его карьерного роста энергией. Поэтому место, где должны были приниматься наиболее ответственные решения было полностью оккупировано болтовней. В качестве теперь верховного главнокомандующего государством он быстро ликвидировал правительственный кризис, заполнив вакансии своими избранниками, быстро, воспользовавшись растерянностью и трусостью «звездной палаты» Петросовета, ликвидировал двоевластие, получив от него обязательство в полной поддержке правительства, и немедленно выехал в Могилев, в Ставку верховного главнокомандующего для проведения 16 июля экстренного совещания с генералитетом о мерах восстановления боеспособности армии. На его вопрос, в чем они видят главную причину развала в армии, все высшие генералы однозначно обвинили в гибели армии Совет, Правительство и его самого, подчеркнув, что армия не может существовать без строгого и беспрекословного единоначалия. Верховный главнокомандующий Брусилов резюмировал: «Все бедствия России имеют одну причину – отсутствие у нас армии». Самым острым, обстоятельным и получившим горячую поддержку всего генералитета было выступление главнокомандующего Западным фронтом, сравнительно молодого и усыпанного наградами за мужество и талант, проявленные в этой войне, генерала Деникина. Он требовал ликвидации в армии всех комитетов и комиссаров, отмены Декларации прав военнослужащих, восстановления полновластия генералов и офицеров, военных судов и карательных отрядов для обеспечения дисциплины и полного запрета в армии какой-либо политической деятельности. Подавленный этой единодушной критикой Керенский молчал, не имея что возразить. 18 июля он снял с поста Верховного Брусилова и назначил Корнилова, пользовавшегося широкой популярностью человека «твердой руки». Опасаясь однако, что столь серьезные уступки генералам могут пошатнуть его собственный авторитет, приобретенный только в сферах «революционной демократии», он решил провести в Москве Государственное Совещание, на котором предполагал укрепить свои позиции в политических и деловых кругах, находящихся правее его политического рожна, убедительной декларацией своего центристского курса во имя единения всех общественных сил для спасения Родины. Увы, произвести столь нужного ему впечатления на эту публику ему не удалось. Но на него самого устрашающее впечатление произвела триумфальная встреча Корнилова 13 августа представителями всех правых сил и овации при его появлении в Большом театре, где происходило совещание в сравнении с теми жидкими аплодисментами, которыми был вознагражден он сам после своей двухчасовой речи. «Вся мыслящая Россия» возлагала на генерала свои трепетные надежды и молила Бога помочь ему в его «великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасение России». Последовала неделя переговоров между Корниловым и Керенским о том, как совместными усилиями навести порядок в армии и в столице, в которых Керенский уступил во всех вопросах, касающихся армии, вплоть до восстановления смертной казни на фронте, но был против передачи под власть Корнилова Петроградского военного округа, железных дорог и работающих на нужды армии заводов. Согласившись на переброску под Петроград воинских частей, он оговорил это

передачей командования над ними военному министру. Однако при определенном недоверии обоих лидеров друг к другу достигнутой договоренности оказалось мало. Корнилов не намеривался скинуть Керенского после занятия столицы, он полагал, что важно только «немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать», ну а если понадобится, то «перевешать весь состав рабочих и солдатских депутатов». «Против Временного правительства я не собираюсь выступать. Я надеюсь, что мне в последнюю минуту удастся с ним договориться.» Керенского явно не прельщала перспектива договора «в последнюю минуту», которая, как он подозревал могла стать при неудаче договора и его последней минутой. Беда была в том, что у первого было по выражению генерала Алексеева «львиное сердце, но овечья голова», а у второго шустрая голова соединялась с заячьим сердцем. Страх заставил его начать сомневаться в том, достаточно ли лоялен к нему его заместитель по военному министерству Савинков, которого он отправил в Ставку как своего представителя в переговорах с Корниловым, и он решил подстраховаться.

В эту самую пору подоспел к нему старый приятель из Думы, лишившийся из-за последнего кризиса безмятежного поста обер-прокурора Синода, некий В. Львов с предложением своих бескорыстных услуг в качестве посредника, чтобы способствовать согласию между армией и властью. Не веря в сложившейся обстановке никому, Керенский посчитал, по-видимому, однако, что лишней информации быть не может, и, учтя сообщение Львова, что он явился к нему от имени влиятельнейших кругов общества, но никаких имен не назвал, имеет смысл послать его как бы с секретной миссией, чтобы потом по результатам, сопоставив их с информацией от Савинкова, можно было сделать более надежный вывод о том, что затевается в Ставке. Корнилову Львов сообщил, что Керенского интересует, как видит Корнилов состав «национального правительства», которому надлежит спасти Россию, и Корнилов ответил, что вся власть в столице, которая будет объявлена на военном положении должна будет принадлежать ему, что Керенскому будет предоставлен пост заместителя премьера или министра юстиции, Савинкову пост военного министра, причем им обоим для их безопасности он рекомендует как можно скорее приехать в Ставку а остальное можно будет согласовать на месте. 26 августа Львов вернулся и доложил Керенскому о чрезвычайной опасности сложившегося положения, о том что Корнилов говорил, что захватившие Ригу немцы могут через двое суток быть под Петроградом, что на завтра, в день полугодовщины революции по данным его контрразведки намечен мятеж всех левых банд, и если посланный им конный корпус, посланный им по просьбе Савинкова, не успеет подойти к столице, правительство может стать жертвой взбунтовавшейся черни, руководимой большевистскими преступниками. Львов горячо уговаривал Керенского как можно быстрее покинуть Петроград и уехать в Москву, пока Корнилов наведет здесь порядок. Керенский пришел в крайнее возбуждение, на грани истерики. Кто прав: Савинков, заверивший его, что все главные вопросы в принципе согласованы и Корнилов лоялен к нему, или Львов, открывший ему планы Корнилова отстранить его от верховной власти и установить практически военную диктатуру? Перевесила антипатия к Корнилову и поздним вечером он провел последнюю проверку, связавшись с Корниловым по прямому проводу. Корнилов подтвердил, что просил приехать в Могилев его и Савинкова как можно скорее. «Очень прошу не откладывать Вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить,

что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить вас.» «Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае?– задал свой главный вопрос Керенский. «Во всяком случае.– ответил, так и не поняв, в чем смысл разговора, Корнилов. До свидания, скоро увидимся.– дрогнувшим голосом солгал Керенский. До свидания.– благодушно ответил Корнилов. Судьба России, с точки зрения последующего развития сюжета, равно как и судьба собеседников была решена этим кратким разговором. Корнилов, как и все его единомышленники в генеральских погонах, в вицмундирах и в партикулярных пиджаках, не догадывались, где свила себе гнездо революция. Они были убеждены, что эта зараза возникла, благодаря многолетней подрывной болтовни разной социалистической дряни и вскормлена на немецкие деньги предателями – большевиками среди распушенной столичной черни и не желающих идти на фронт солдат гарнизона, избалованных спокойной жизнью в тылу, когда их братья проливают кровь, защищая отечество. Этим и объяснялось их уверенность в необходимости быстрой и решительной операции по уничтожению этой опухоли в Петрограде и аналогичных мелких очагов в армии. Керенский, склонившийся после большевистского путча также к необходимости карательных действий для подавления большевистского экстремизма, считал при этом, что, будучи облечен Провидением верховной властью и ответственностью за судьбу революции, командовать карательной операцией и определять ее меру должен только он. И покушение Корнилова на эту его прерогативу является фактически прямой контрреволюцией. Спасти революцию мог только он, и на следующее утро, после ночного совещания с членами кабинета, от которых он потребовал предоставления ему, всвязи с открывшейся его провидческому взору страшной опасности, чрезвычайных полномочий, он отправил в Ставку телеграмму, приказывающую Корнилову сдать командование над армией начальнику генштаба Лукомскому и немедленно выехать в Петроград. Ответ пришел от Лукомского, генерал сообщал, что «Остановить начавшееся с вашего же одобрения дело невозможно. Ради спасения России вам необходимо идти с генералом Корниловым... Не считаю возможным принимать должность от него.» Последовало доведенное до сведения всего населения заявление Керенского, что Корнилов потребовал от правительства всей полноты власти над страной, что является попыткой установить контрреволюционную диктатуру, и потому он, Керенский, будучи уполномочен на это правительством, уволил Корнилова с поста главнокомандующего армией и объявляет в Петрограде введение военного положения. Корнилов был ошарашен и взбешен текстом этого заявления, его потрясла наглая ложь, обвинявшая его в намерении захвата власти и установления диктатуры, порожденная страхом Керенского. Он немедленно сообщил по телеграфу всему армейскому командованию и всем корреспондентам газет, находившимся при Ставке, что он оклеветан главой правительства, совершившим тем самым провокацию не только против него, но, учитывая критическую ситуацию, и против всей России. И поэтому он, Корнилов, должен заявить, что «сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей родины.», что ему, сыну казака-крестьянина ничего не надо, кроме сохранения Великой России и он клянется довести ее народ по пути побед над всеми ее врагами до Учредительного собрания, где народ сам и решит, как ему жить дальше.

Всеми главнокомандующими фронтов было безотлагательно сообщено Корнилову об их полной поддержке. Союз офицеров призвал всех офицеров армии и флота к твердой поддержке своего Верховного главнокомандующего и заявил, что Временное правительство во главе России оставаться больше не может. Третьему корпусу было приказано продолжать движение на Петроград, который еще накануне был объявлен приказом командующего корпусом генералом Крымовым находящимся на военном положении. А в газетах уже мелькали панические сообщения, вроде тех, что корниловские части уже разгружаются на Николаевском вокзале. И утром 28 августа ЦИК Советов создал Комитет народной борьбы с контрреволюцией, сразу же приступивший к организации обороны города. Немедленно от имени ЦИК были разосланы всем армейским комитетам, служащим и рабочим Министерств транспорта, почт и телеграфов, всем профсоюзам, общественным и политическим организациям: не выполнять никаких приказаний Ставки, всячески затруднять продвижение войск в сторону столицы и нарушать связь между ними, направлять делегации сознательных солдат навстречу корниловским полкам для объяснения их карательной антинародной роли, навязанной им их командованием. Районные Советы начали формирования вооруженных отрядов «Красной гвардии», которым тут же вместе с частями гарнизона поручались рубежи обороны по указаниям Комитета борьбы с контрреволюцией. Но нужды в этом не потребовалось. Действиями профсоюза железнодорожников, продуманных и организованных отнюдь не хуже, чем полгода назад при разведении корпуса генерала Иванова по разным направлениям и поимки царя в западню, и роя агитаторов рабочих и солдат, доставленных к крымским эшелонам и в два дня полностью разложивших его солдат, движение Корнилова было ликвидировано без единого выстрела, кроме выстрела генерала Крымова в собственное сердце. С революцией генералов, мечтавших о создании парламентарной монархии на английский лад или о республике с властью не менее твердой, чем французская, было покончено, и народной волей в мечту эту был вбит осиновый кол.

Но одновременно пришел конец и надеждам на республику социал-демократов и либеральной буржуазии, лелеяемыми ЦИК Советов и Временным правительством, вдруг с ужасом обнаружившими свою беспомощность перед вновь вставшим на лапы хищным большевистским зверем. Если после июльского путча большинство всех партий революционной демократии требовало немедленного разоружения рабочих и мятежных солдат гарнизона, то в дни мятежа Корнилова Комитет народной борьбы с контрреволюцией без колебаний начал вооружать всех решительных защитников революционного Петрограда. Вчерашние мятежники слева как бы само собой были приняты в ряды защитников от новых мятежников справа. Среди рабочих и солдат, возмущенных месяц назад предательством германских агентов, вновь возродилось доверие к большевикам как к самым решительным защитникам завоеваний революции. Под их давлением, поддержанным Комитетом народной борьбы в начале сентября были освобождены Троцкий и полдюжины активистов «военки». Очень скоро позиции большевиков стали даже прочнее, чем до июля. В то время как над Керенским и над лидерами ЦИКа нависло подозрение в их тайной солидарности с Корниловым до его открытого мятежа. Когда Керенский 1 сентября объявил Директорию из пяти человек и издал постановление о роспуске всех организованных для борьбы с «корниловщиной» ревкомов во главе с Комитетом народной борьбы, все эти комитеты отказали ему в повиновении «ввиду сохраняющейся

опасности контрреволюции». И в то же время на сессии Петроградского Совета 31 августа за резолюцию «О власти», предложенную Каменевым, проголосовало абсолютное большинство, а 25 сентября в составе нового Президиума оказались один меньшевик, два эсера и четыре большевика. Бессменного председателя Президиума меньшевика Чхеидзе сменил Троцкий. И через месяц под его руководством был мастерски осуществлен первый и крупнейший фашистский переворот, ставший никем непревзойденным образцом захвата власти в государстве.

Прежде всего, за несколько дней до переворота был создан Военно-Революционный Комитет Петросовета для непосредственного командования операцией. Для придания видимости его беспартийности в него было отобрано несколько десятков большевиков и левых эсеров, и даже председателем его Троцкий назначил левого эсера. Это были люди надежные, имеющие опыт и вкус к «прямому действию». Во главе их была поставлено Бюро-пятерка, включавшая двух эсеров (с председателем) и трех большевиков – руководителей «Военки». Своим партийным начальникам они не подчинялись и командовал ими только Троцкий. Официально их назначение было защищать Совет от нападений, готовящихся недобитыми «корниловцами» и казаками. По городу были широко распространены слухи, что всвязи с отступлением армии от Риги, Керенский хочет отправить наиболее верные революции полки гарнизона на фронт, а сам со своим правительством бежать в Москву, сдав Питер немцам, чтоб те задушили революцию. В то же время на 25-ое было назначено открытие Второго Съезда Советов.

21 октября ВРК приступает к замене всех правительственных комиссаров в столице, и прежде всего в воинских частях, своими из числа выпущенных из тюрем членов «Военки». В тот же день полки столичного гарнизона признали ВРК своим командованием. Но штаб военного округа в самой категорической форме отверг притязания на какую-либо власть над воинскими частями этой самозванной организации. Реакция Троцкого была молниеносной. Вечером этого же дня во всех воинских частях города была распространена его декларация, которая громогласно заявляла: «21 октября революционный гарнизон Петрограда сплотился вокруг ВРК... Несмотря на это, штаб Петроградского военного округа... не признал ВРК... Этим самым штаб порывает с гарнизоном и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Штаб становится прямым орудием контрреволюционных сил... Охрана революционного порядка...ложится на вас под руководством ВРК. Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные ВРК, не действительны...Революция в опасности. Да здравствует революционный гарнизон!» Эта бумажка, практически лишившая правительство военной власти в столице, была уже началом переворота.

Следующий день Троцкий посвятил обработке гражданской части населения столицы. Все числящиеся в ораторах большевики разъехались по городу для выступлений на митингах. В самом большом из помещений, пригодных для этих целей, в зале Народного Дома выступал он сам. Честный Суханов, присутствовавший на этом празднике большевистской демагогии свидетельствует в своих «Записках о революции»: «Вокруг меня было настроение, близкое к экстазу, казалось, толпа запоет сейчас...какой-нибудь религиозный гимн... Троцкий чеканил слова: «Это ваше голосование пусть будет вашей клятвой всеми силами, любыми средствами поддержать Совет, взявший на себя великое бремя довести до конца победу революции и дать землю, хлеб и мир!» Несметная толпа держала руки(поднятые

для клятвы). Она согласна. Она клянется!».

Еще днем позже, (уже после того как Керенский направил возглавляемому им Петросовету ультиматум: или он немедленно отказывается от своего заявления о подчинения правительственных войск ВРК, или военные власти примут любые необходимые меры для восстановления закона и порядка.) Троцкий, презрительно игнорируя угрозы, главы уже бессильного правительства, отправился в последний отказавшийся перейти под власть ВРК гарнизон, в Петрапавловскую крепость. Он появился там после того, как его соратники уже несколько часов безуспешно пытались уломать солдат гарнизона признать авторитет ВРК. Вдохновенный призыв главного большевистского златоуста был услышан. В 8 часов вечера вопрос о том, чьим приказам должен подчиняться гарнизон, командующего округом или ВРК был поставлен на голосование. Верность присяге сохранила только небольшая группа офицеров и часть роты самокатчиков.

В охваченном возмущенными массами городе первым лицом был уже не Керенский, а Троцкий. 24 октября по его приказу по городу было распространено экстренным выпуском органа Петросовета газетой «Рабочий и солдат» воззвание ВРК ко всему населению города: «Граждане, контрреволюция подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский съезд Советов и сорвать Учредительное собрание. Петроградский Совет... берет на себя охрану революционного порядка... Гарнизон Петрограда не допустит никаких насилий и бесчинств... Граждане! Мы призываем вас к полному спокойствию и самообладанию. Дело порядка и революции – в твердых руках!» Сам Троцкий, выступая перед съехавшейся со всей страны на съезд Советов фракцией большевиков, объяснял им: «Наша задача, обороняясь, но постепенно расширяя сферу влияния, подготовить твердую почву для открывающегося завтра съезда Советов. Завтра... выявится настоящая воля народа.», и искренне заверял их в том, что считал бы недопустимой ошибкой попытку арестовать Временное правительство, но, вот, освобождение захваченной юнкерами типографии «Рабочий путь» было абсолютно правильным действием. «Это оборона, товарищи, это оборона!» – успокаивал он представителей большевистского руководства, встревоженных слухами о готовящемся партийными радикалами восстании против правительства. И обрадованное его откровенной поддержкой их точки зрения собрание наградило его продолжительной овацией. Затем на заседании Петросовета Троцкий настоятельно уверял его членов, что «конфликт восстания сегодня или завтра не входит в наши планы у порога Всероссийского съезда Советов». Далее было опубликовано еще одно сообщение: « Вопреки всякого рода слухам и толкам ВРК заявляет, что он существует отнюдь не для того, чтобы готовить и осуществлять захват власти, а исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона и демократии от контрреволюционных (и погромных) посягательств).»

После того как Военно-революционный Комитет был старательно укутан в белые ризы, Троцкий занялся уже непосредственно организацией путча. Штурмовики ВРК были распределены им небольшими группами по главным стратегически важным для контроля над городом объектам. Во главе каждой группы был поставлен комиссар ВРК. В 5 часов вечера без единого выстрела был занят Центральный Телеграф, охранявшийся солдатами Кексгольмского полка, уже два дня как присягнувшего ВРК. Затем отрядом солдат Измайловского полка был занят важнейший из

вокзалов, Балтийский, на который ожидалось прибытие вызванных Керенским с фронта войск. В то же время был солдатами Павловского полка был занят Троицкий мост и поставлены заставы через все Марсово поле, отрезавшие Зимний дворец с востока. Немногим позднее с Дворцового и Николаевского мостов были выбиты занявшие их было юнкера и весь район правительственных учреждений оказался отрезанным и с запада. В 2 часа ночи уже 25-го октября почти одновременно ротой солдат был захвачен Николаевский (он же Московский) вокзал, отрядом рабочих и матросов – городская электростанция и взводом солдат Главный почтамт. Правительственные учреждения были отключены от электричества. Наконец в 6 часов утра солдаты Семеновского полка беспрепятственно пропустили в охраняемое ими здание Государственного банка отряд матросов, а Кексгольмцы захватили Центральную Телефонную станцию. Последним из намеченных к обязательному захвату объектом был Варшавский вокзал – ворота города, обращенные к Северному фронту – был занят в 8 утра. Таким образом без боев и стрельбы, без вооруженных масс на улицах и площадях, практически совершенно незаметно для населения, жившего своей обычной жизнью, столица оказалась полностью захваченной штурмовыми отрядами ВРК.

Самые смутные представления о реальном положении дел были у членов Временного правительства, сидевших, как в мышеловке в отрезанном от мира Зимнем Дворце. Ни о чем не догадывался, сидя в квартирке на Выборгской стороне, вождь мирового пролетариата и, кипя от возмущения и проклиная товарищей из ЦК за нерешительность и трусость, слал им записки о категорической необходимости немедленно поднимать восстание всех революционных сил Петрограда на свержение Временного правительства. В 6 часов вечера он не выдержал и, перевязав щеку белым платком и нацепив на лысую голову парик, в сопровождении верного оруженосца из финских большевиков отправился в Смольный. Однако и там он не нашел таких товарищей, которые объяснили бы ему, что происходит. Все и всем стало ясно только, когда Троцкий в 2 часа дня открыв чрезвычайное заседание Петросовета, сообщил залу: «От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует!». И хотя формально оно еще существовало, хотя его крикливый глава уже удрал утром в машине американского посольства с заместителем командующего военного округа, чтобы встретить идущие на освобождение столицы войска, министры оставались в креслах при исполнении обязанностей. Однако никаких войск, идущих спасать Временное правительство не оказалось. В штабе Северного фронта в Пскове Керенский нашел командующего фронтом, генерала Черемисова, который уже знал о безнадежном положении правительства в Петрограде и знал, что его собственная власть над войсками превратилась в фикцию. В Пскове уже верховодил свой ВРК, провозглашенный солдатами из Псковского Совета во главе с прапорщиком Крыленко. Черемисов посоветовал главе правительства как можно скорее уносить ноги из Пскова, где он был не в состоянии обеспечить ему безопасность. Помочь потерявшему было всякую надежду Керенскому вызвался только командующий 3-го корпуса генерал Краснов, возглавивший его после самоубийства Крымова. Но собрать для похода на столицу ему удалось лишь тысячу казаков с одним бронепоездом и легкой артиллерией в придачу. Даже с этими, более чем скромными силами он сумел 30 октября на Пулковских высотах основательно потрепать десятитысячную ораву красногвардейского сброда из матросов, солдат и рабочих. Они

потеряли 400 человек, казаки троих. Однако боеприпасы в этом бою были израсходованы почти полностью, из города на помощь «Красной гвардии» шли новые полки и Краснов был вынужден принять предложенные ему переговоры с самим Троцким. В результате казакам было предоставлено право спокойно отправиться походным порядком на свой родной Дон, а Керенскому Краснов сказал: «Я считаю себя не вправе судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь.» И тот, переодевшись матросом, бежал. Бежал, чтобы потом еще долгие десятки лет слоняться по эмигрантским закоулкам, перебиваясь воспомоществованиями от братьев масонов.

Бежали из Быховской тюрьмы и пятеро генералов «корниловцев» на Дон, чтобы, собрав там корпус патриотов офицеров, создать армию для освобождения родины от большевистской нечисти. Не бежал только оставшийся в одиночестве в Ставке последний главнокомандующий Российской армии генерал Духонин, отказавшийся покинуть свой пост. Он был заколот штыками и выброшен под окна своего бывшего штаба черносотенными красногвардейцами прапорщика Крыленко, назначенного новым главнокомандующим. Эта бандитская расправа стала разительным символом рождения нового фашистского режима, в котором многовековое российское беззаконие получило наконец свое свободное от всякого декора воплощение.

Такие же «революционеры» ввалились во главе с сопредседателем ВРК Антоновым – Овсеенко в 2 часа ночи уже 26 октября в зал Зимнего дворца, покинутого почти всеми его защитниками, и утащили в Петропавловскую крепость ожидавших своей участи членов Временного правительства. Пришлось сдерживать «революционную инициативу масс», из толпы которых раздавались крики: «Какого чорта, товарищи! Приколоть их тут и вся недолга!» Когда их волокли через мост, уличные «революционеры» тоже требовали отрубить им головы и бросить в Неву. Замечательно, что эти чувства вполне разделялись вождем «Революции» Лениным, который весь день 25 октября метался по кабинету в Смольном, гневно требуя ответа у всех попадавшемся ему на глаза соратников, почему до сих пор не взят Зимний. Как вспоминал Подвойский: «Владимир Ильич ругался... Кричал... Он готов был нас расстрелять». Острое политическое чутье вождя, отлично сознававшего краткость момента, когда можно было украсть никем не защищаемую власть, заставляло его так яростно стремиться к скорейшей ликвидации Временного правительства, существование которого делало большевистский путч политическим преступлением. Наконец дело было сделано. После множества проволочек из-за нерешительности разных командиров брать инициативу на себя, из-за опозданий с подходом подкреплений, после нескольких нерешительных попыток ворваться в окруженный дворец, срывавшихся из-за ружейного огня юнкеров и казаков, к ночи покинутые своими защитниками дворцовые двери отворились.

Перед главнокомандующим совершенного контрреволюционного переворота, Львом Троцким и главным вдохновителем этого преступления Владимиром Лениным распахнулись лучезарные перспективы построения первого в мире фашистского государства. Первым всегда особенно трудно, но в этом случае несомненно имело место плодотворное сотрудничество с inferнальными силами. Да и сам подбор руководящих кадров, выдвинувшихся на передний край более, чем красноречив: Ленин, Троцкий, Свердлов, Дзержинский, Зиновьев, Сталин – этот чрезвычайный криминалитет сумел, невзирая на беспощадную грызню между собой, сообща заложить основы самого кровавого государства человеческой истории и выделить, дать

вылезти из кучи собственных трупов наиподлейшему и величайшему продолжателю их общего дела. История свидетельствует, что власть над громадной страной была захвачена небольшой группой политических преступников, возглавлявших партию, о которой за восемь месяцев до этого было известно по преимуществу только полиции. Причем захвачена она была с удивительной легкостью и быстротой.

Самое любопытное, что подлинная причина этого парадокса до сих пор остается невыясненной с достаточной определенностью, несмотря на горы исторических трудов, посвященных этой теме. И если в самой России это связано с тем, что почти до самого конца века была доступна и, более того, насильственно индоктринировалась всему населению абсолютно лживая история КПСС и советского государства, то в открытой печати и доступных всем желающим архивах Европы и США достоверных материалов было казалось бы предостаточно для того, чтобы уяснить суть причины, она так и не была убедительно выявлена и объяснена. И это напрямую связано с нераскрытостью существа фашизма, как, впрочем, и либерализм.

9. Корни и ветви

Борьба противоположностей, связанных исходным и конечным единством, которую древние греки в эпоху создания философии назовут диалектикой, началась когда первобытное человечество в лице наших прауродителей вступило в нашу земную юдоль и началась история.

Из кратких слов Священного писания можно представить, как его воля, соблазненная возможностью освободиться от зависимости, связующей его с Богом, отвергла Его волю, запретившую человеку срывать плод познания Добра и Зла. Сотворенный по образу и подобию своего Творца, чтобы в развитии своем достигнуть полноты своего богочеловеческого призвания, восстав, чтобы по своей воле стать, таким «как боги», человек разделился сам в себе. «Дух, – по словам Августина, – возмутился против Бога, а плоть возмутилась против духа». И весь мир, обладать, возделывать и хранить который было ему заповедано, вышел из его повиновения, ибо «проклята земля за тебя».

Этот духовный переворот, преобразивший и мир и человека, заменил гармоническое единство всего сотворенного, связанного взаимным притяжением, временным единством динамического равновесия между силами притяжения и отталкивания, предполагающим конечный распад. Смерть вошла в мир вместе с князем мира сего, спровоцировавшего бунт человека против его Создателя и Отца. Время пошло и началась человеческая история.

Начало ознаменовалось распадом душ человеческой пары, мужчины и женщины, соединенных дотоле первородным чувством любви. Инстинкт самоутверждения, господствующий над рассорившимся сообществом инстинктов, пробудил в них стремление к превосходству и к преобладанию друг над другом. Существенная разница между женским и мужским образами мышленья, соединимыми только редким даром любви, стала эффективнейшим оружием в неугасимой войне полов.

Детство свое человечество провело, также как проводит его

отдельный человек, на женской половине. Творческим социальным импульсом, вытолкнувшим женщину на вершину первобытного социума, несомненно стало время. Земное время, определяющее срока всех процессов в природе, и небесное, определяемое по движению небесных светил. Естественно, что земное полностью зависело от небесного и годовые циклы, воспринимавшиеся как зависящие от вращения солнца вокруг земли, определяли все общие и главные перемены, происходящие в природе, и месячные лунные циклы, хорошо замечаемые в приливах и отливах вод, в спариванье животных и, особенно, в жизни женщин. На мужчин луна никакого заметного влияния не оказывала. И поскольку увеличение народа в племени увеличивало его силу и жизнеспособность, женщины, через которых он происходил, пользовались особым уважением единоплеменников. Те же, которые рождали больше других здоровых и сильных детей, почитались как избранницы Матери-земли, наделившей их чудесной силой.

Ориентировочно, по археологическим данным матриархат возник на рубеже позднего палеолита и раннего неолита, но отнюдь не одновременно, в бассейнах тех великих рек, где спустя 8-6 тысяч лет возникнут первые цивилизации. До предполагаемого времени установления «материнского права» археология располагает только следами стойбищ охотничьих племен, кочевавших по лесам в поисках добычи. Наскальные изображения зверей и женщин они оставили в некоторых пещерах. Остались и каменные «венеры» – фигурки обнаженных женщин с резко выделенными половыми признаками, но не найдено в этих слоях ни одной мужской фигуры. С большой вероятностью можно утверждать, что это культовые изображения матерей, и что они имеют отношение к культу предков – самому раннему и наиболее общему для всего населения земли культу, после того как образ Единого Создателя и Господа исчез за облачным покровом земли из человеческого сознания.

Мистическое чутье и строй мыслей у женщин непосредственной и сильней, нежели у мужчин, которые менее эмоциональны и более рассудочны. Женская интуиция острее чувствует и мир окружающей природы, и мир окружающих людей. Женщина-Мать осваивает их и соединяет в своем сознании. Они становятся для нее «ее землей» и «ее семьей», пока их размеры не перерастут ее способности воспринимать их как осязаемую реальность. Причем в этой ощущаемой реальности главная ее часть была невидима. Это был мир духов, наполняющих все сущее и над землей, и на земле, и под землей. Они были сопричастны всему, что видимо человеку, и невидимой силе, пронизывающей все, что существует. Духи предков были единственными «своими» в этой невидимой и трудно представимой части реальности. Это была важнейшая и могущественнейшая часть их семьи. Поддержание с ними связи было главным, самым необходимым делом племени, поскольку прежде всего их покровительство, защита и помощь во всех делах обеспечивало племени выживание и благополучие. И самое главное, что только благодаря им живые женщины племени зачинали и рождали новых людей. Мужчины, как полагали в те времена, имели к этому делу самое малозначимое отношение. Такие представления сохраняются и в наши времена у некоторых полудиких племен, относящихся с непреходящим недоверием к людям цивилизованного мира, даже и принимая иногда от них какие-либо полезные вещи. И по той причине, что на земле люди знали из своих родителей только матерей, то им и предоставлялось неоспоримое право общения с ушедшими с поверхности земли праматерями.

Не приходится сомневаться, что развитие религиозных

представлений до пятого тысячелетия до нашей эры происходило, как и представлений социальных, под доминирующим влиянием женского видения жизни. В центре этих представлений был грандиозный образ Великой Матери Земли и ее соправительницы на небе богини Луны. Их окружала свита ближних богинь, между которыми распределялись различные важные уделы женского житья-бытья. В остальном пространстве на земле, над землей и под землей женские божества менее значительного ранга были рассыпаны щедро и разнообразно. Строгого единообразия не было и не могло быть, естественно, нигде вплоть до верховной венценосной пары, но принципиальная иерархия в соответствии с общими основами женской психики должна была быть соблюдена. Менее многочисленным и оттесненным от центральных позиций мужским божествам приходилось выстраиваться в пару с женскими во многих случаях лишь в качестве консортов. Даже, казалось бы, такое самое мужское из всех мужских дел как война и та находилась иногда (как, к примеру, в архаическом Египте) в руках богини. А в архаической Греции Мать Земля – «широкогрудая» Гея была первоначально и творцом, и родительницей («не зная ложа») первых богов, из которых уже могла выбрать себе супругов. Однако следует отдать должное порядкам, освященным именем Великой Матери, они были до поры-до времени, намного более человечными и демократичными, нежели, стали к закату матриархата, и уж просто несравнимыми с тем, что началось в возмужавшем патриархате.

К концу палеолита материнский инстинкт восстал против беспорядочных половых соитий, при которых ни матери, ни дети не знали своих отцов, а дети к тому же забывали и своих матерей, потому что с трех-четырёх лет уже бегали в общем детском стаде племени, кормясь объедками от взрослых и более трети их не дорастали до подросткового возраста. Половой произвол был в то же время и причиной большого числа неполноценного потомства, рождаемого от связи с ближайшими родственниками. Именно материнское чувство, вне всякого сомнения, поддержанное племенными старейшинами, начало борьбу внутри племен против бесчеловечного отношения к детям и против инцестов. В результате был установлен групповой брак, запрещающий половые контакты между членами одного рода. В те времена продолжительность жизни в среднем ограничивалась тридцатью годами и не превышала пятидесяти лет, так что большинство матерей могло видеть всех своих праправнуков. Этим наличным количеством и определялось матролинейное понятие рода. Оно редко достигало числа сотни человек. Во главе состоящего из нескольких семей рода стояла самая опытная и многомужняя мать, «домоправительница», и хранительница огня, кормилица и распорядительница всех хозяйственных работ в общине, ей помогали матери семей. Но в качестве предводительницы племени у женщины, скорее всего, не было власти, подобной власти племенных вождей при патриархате. И будучи верховным авторитетом в отправлении культов и в делах семейных и хозяйственных, главная мать племени наиболее важные вопросы решала на совете со старейшинами и с матерями родов. На рубеже неолита стойбища стали превращаться в селения, что потребовало развития примитивной, но все же строительной техники. С переходом от собирания дикорастущих злаков к началу обработки земли и выращиванию наиболее питательных из них, появились мотыги и каменные серпы. Приручение мелких копытных: коз, овец и свиней, что стало надежной альтернативой охотничьей добычи, не всегда постоянной, потребовало животноводческих навыков и пастушечьих собак. Развитие гончарного, первоначально чисто

ручного ремесла, и пошив одежды и мешков из шкур с помощью костяного шила, и иглы, а со временем и начало прядения и ткачества – все это было создано женским умом и руками. Мужчины первенствовали только в изготовлении оружия: копей и дротиков с каменными наконечниками, луков со стрелами, боевых и хозяйственных топоров. Постепенно и строительные работы переходили в мужские руки.

Исключительную роль сыграла женская интуиция в создании искусства врачевания. Чутьем острым, как у животных, находя растения и плоды, обладающие целебной силой, и умом исследователя, пробуя различные их сочетания и методы приготовления, эти целительницы далеких тысячелетий заложили основы современной медицины, для светочей которой уже недоступны открытия их неолитических предшественниц, поскольку начисто утрачено среди благоуханий больших городов первобытное чутье. Интуиция пробудила в женщинах массу замечательных способностей, благодаря которым они стали создательницами первых календарей (из десяти лунных месяцев – времени вынашивания плода во чреве), предсказательницами не только погоды, но и отдельных значительных событий в жизни племени и создательницами магических представлений о жизни и окружающем мире. Найденный в 1929 году при раскопках близ деревни Мальты на Ангаре календарь был датирован 22-ым тысячелетием до нашей маленькой эры. Он был искусно вырезан из мамонтовой кости и представлял из себя изящное женское ожерелье, на котором были высверлены 366 отверстий с особо выделенными месяцами, вынашивания женщиной ребенка. Эта находка и ряд других, несколько более поздних должны бы были потрясти воображение культурной части человеческого общества, представлявшего себе своих далеких предков с подачи крайне самоуверенных и очень близких – властителей умов XIX века – жалкими дикарями, только-только отделившимися от стад обезьян. Ведь надо признать, что и сегодня в ореоле славы научно-технического прогресса подавляющее большинство человечества просто неспособно сделать необходимые наблюдения и расчеты, сделанные женщинами в поселении на Ангаре 24 тысячи лет тому назад.

В языческих религиях последующих времен повсеместно сохранился магический культ плодородия земли, женщин и скота. Великое множество богов и богинь, добрых и злых духов разного пола и ранга возникло в результате нахождения в первую очередь женским чутьем наделенных таинственной сверхчеловеческой силой источников, деревьев в скалах, пещер, ущелий и горных вершин, животных, пресмыкающихся, птиц и насекомых. Женский ум придумывал магические приемы вступления в контакт с этими носителями чудесной силы, чтобы получать ее для всех важнейших дел, придумывал и как приготавливать из некоторых редких трав и древесной листвы особое священное питье, наделяющее человека этой силой и вещами виденьями. Но главным творением мистического таланта женщины стал культ Матери-Земли. Как порождающая из себя нового человека, женщина не могла, конечно, не заметить сходства между собой и землей, ежегодно порождающей новые растения от травинки до дубов. Начало жизни этих растений зарождалось невидимо в подземных недрах, чтобы появиться потом на поверхности ярким зеленым ростком. Так и женское лоно, принявшее в себя мужское семя, становилось спустя десять лунных месяцев вратами жизни для выходящего на свет ребенка. Тот, кто стал для него отцом, не мог этого знать. Он этого не видел, не ощущал роста живого существа внутри себя и не чувствовал боли, когда оно рождалось. Он мог даже

не помнить женщины, которая зачала от него. Впрочем, как и она могла не помнить его. И таким образом чудо появления нового человека творилось только одной его матерью. Заметить связь между падением семя в землю и последующим всходом на этом месте ростка тоже могла только женщина, собиравшая постоянно урожаи с дикорастущих растений. Поэтому она обоготворила и землю и себя. «Мать-сыра Земля» и «Богиня Мать» стали двумя ипостасями Единой Матери всего или Матери Мира, какой она станет впоследствии в тайных культах обожествленного женского начала.

Культы Богини Матери и Матери Земли, вероятно, возникли сразу в двуединстве, освящая и деторождение и земледелие. Они придали обычаю весной и осенью в среднее полнолуние, когда в течение недели или двух праздновалось сексуальное соитие женщин и мужчин, ритуальный характер. Чтобы магическая сила этих актов, совершаемых на подготовленных полях, усиливала плодородие земли, а земля-плодородие женщин, приносились жертвоприношения обеим Матерям, сопровождаемые ритуальными танцами и пением. Так на праздниках плодородия зарождалось искусство и распутство.

Смешение добра и зла в душах женщин и мужчин, надо полагать, одинаково. Но формы его проявления различны и каждая сторона, когда она обвиняет другую, прежде всего обличает те порочные проявления, которые более характерны для противной стороны. Человеку естественно сознавать, какое его природное свойство придает ему наибольшую силу и инстинкт самоутверждения склоняет его к использованию именно этой силы для достижения жизненного успеха. В самом названии своего пола сильным мужчины уже утверждают, что сила, проявляемая ими в единоборстве в состязании или на ратном поле – их главное средство побеждать. Издревле добрым молодцом называли не тех, кто добр душой, а тех, кто были добры плотью – велики ростом и крупны мышцами. Таким полагалось, само собой, и душу иметь соответствующую. Худые и малорослые ни уважением, ни доверием не пользовались. Добрый молодец мог быть и добрым защитником и добрым пахарем, но мог, побеждая, овладевать всем достоянием побежденного или женщиной, если не отдается по доброй воле. Победителя не судят. Вторым предметом мужской гордости, причем даже более распространенным, нежели первый, поскольку не установим простым виденьем, является хваленый мужской ум. Найти представителя мужского пола, недовольного своим умом, вещь отнюдь не легкая. И если сила очень часто соблазняет ее обладателя к насилию и делает его поклонником грозных и победоносных богов, то ум, в незаурядности которого, имеющий его убежден, может не только превратить его в создателя какого-нибудь дурацкого учения, но даже в очередного фауста, которыми так богат наш мир.

Что же касается женских доблестей и талантов, то они безусловно сыграли первостепенную роль в социальном развитии первобытного общества. Как дающая и защищающая жизнь мать женщина навсегда оставила в истории начатки правовых обычаев, запрещающих убивать единоплеменников, насилловать женщин, воровать, впоследствии вошедших в религиозные кодексы всех мировых религий; заложила глубокие традиции внутриродового коллективизма, на долгие тысячелетия сохранившегося в сознании народов как воспоминания о «золотом веке»; усилила внутриплеменную общность, укрепив родственные связи учреждением «парного брака», приблизившего отцов к детям и создавшим начальные формы семьи. Наконец, женщины препятствовали тому, чтобы конфликты, возникавшие между родами и

племенами перерастали в вооруженные столкновения. По археологическим данным для времен матриархата характерно полное отсутствие массовых захоронений, сопутствующих войнам.

Но все эти установления «материнского права» оказались недостаточными, чтобы сохранить женскую власть там, где она установилась и просуществовала, судя по археологическим данным в течении нескольких тысячелетий, когда демографический и экономический факторы решительно изменили ситуацию в человеческом обществе. Переход от постоянно полуголодного существования к обеспеченному достаточным питанием после развития земледелия и скотоводства стал причиной возникновения некоторого «богатства» в руках распределителей благ и усиления сексуальной активности людей. Первое стало искушением для женщин хозяек, всегда склонных поощрять тех, кто им ближе, и тем самым положило начало эрозии коллективизма. Второе стало общим искушением для всех, кроме старых и малых, и повело не только к нарушению инстинктивного, как и у животных, запрета, регулировавшего половые контакты естественной необходимостью, воспроизводства потомства, но со временем к почти полному отмену его. Последствия этих непреодолимых для масс искушений были губительны для сложившегося под лидерством женщин общества. Развитие социальной конфронтации в силу нарастающего различия в материальном благополучии в комментариях не нуждается. Но разрушение общества первобытной «сексуальной революцией», аналогичное тому, что происходит в мире сейчас, тема, которой манкировать не следует. Когда есть начинают не потому, что это нужно, а потому что хочется, то есть желание чаще и дольше испытывать наслаждение вкусом вытесняет естественный аппетит, сигнализирующий о необходимости восстановления сил, это наоборот приводит к упадку сил развитию болезней и сокращению жизни. Совершенно также, как обжорство, но с еще более худшими последствиями происходят процессы разрушения в организмах и в обществе, когда страсть к совокуплению начисто вытесняет мысль о рождении детей. Бешенная похоть самцов обладать каждой понравившейся женщиной и бешенство матки, жаждущей превратить жизнь в сплошной оргазм, истощают жизненные силы организма и разрушают болезнями не только тела, как при обжорстве, но и наполняют мир инфекционными заболеваниями. А в случае соблазнения распутником здоровой женщины, на свет появляются неполноценные люди с физическими, умственными и моральными нарушениями. Потеря способности зачинать и рожать детей, увы, самый лучший результат жизни активных сексуальных революционеров. Непрерывное сокращение рождаемости в наиболее богатых и свободных от «предрассудков» обществах сегодня – лишь начало расплаты по счетам. А в далеком прошлом деградация общества матриархата, надо полагать, значительно интенсифицировалась после превращения «магии плодородия» в «сексуальную магию», поскольку магические таланты женщин достигли тогда полного расцвета и привлечение к делу всех природных и духовных (нечистого толка) сил. Женщина всегда сознавала, что главная ее сила воздействия на мужчину это «зов пола». Поэтому главной заботой женщины о привлечении мужчин всегда состояла в том, чтобы всячески усиливать свою внешнюю привлекательность, неотразимость своей красоты. Арсенал средств, используемых для этой цели с древнейших времен и поныне, способствовал, как свидетельствует археология не только возникновению первых рыночных операций доисторических времен, но и сегодня, вероятно, на мировом рынке занимает одно из первых, если

не самое первое, мест среди групп самых доходных товаров. Но ничуть не меньшее значение имеет для женщин забота, как очаровать мужчину, как обрести могущество, необходимое, чтобы привязать его к себе, подчинить его «интересам семьи», сделать невозможным его уход. Ведь «главная сила», увы, недолговечна, и время и привычка неумолимо ослабляют ее и средства привлечения уже почти бесполезны. Популярный и остроумный рецепт «кормить надо скотину» тоже действует лишь избирательно, в зависимости от того, как велики гастрономические или сексуальные мотивы в поведении «скотины». И вот тогда сила очарования становится главенствующей. Начиная от примитивных заговоров и приворотных зелий до магических техник секса и привлечения на помощь хтонических сил – все идет в дело, ни перед чем не останавливается страшась утраты своего единственного и любимого жены или «дотла выжженные таинственным пламенем любви» подруги.

1. Женская магия породила в эпоху позднего матриархата колоссальное количество мистических практик и культов на всем протяжении от Пиринеев до Китая. Свидетельством тому многочисленные тайные женские общества, мистерии, оргии и празднества, прочно сохранявшие и частично сохранившие до сих пор воспоминания о привилегиях и свободах женщин, которыми они некогда пользовались постоянно. Не менее убедителен пантеон женских божеств, проживший много тысячелетий и при патриархате, но возникший задолго до него, в неведомые времена. Что может быть убедительней, чем «широкогрудая Гея», праматерь всех без исключения богов с тех незапамятных времен, о которых у греков не осталось и проблеска в сознании уже ко дням Гомера? Откуда пришли в их олимпийскую религию Мойры, многогрудая Артемида (прежде, чем стать девственной красоткой) и страшная Геката? И как долго господствовала над всем, включая и своего супруга, чудовищная Тиамат шумеров, прежде чем вавилонский добрый молодец Мардук разрубил ее на куски и употребил в качестве строительного материала для своего мира? Потрясающие воображение мифологические картины были созданы прелогическим умом и этот ум был женским. И в религиях, несомненно созданными им, конь концепций не валялся. Смешанные с практикой схождения в подземный мир вдохновенных шаманок, с кровопролитиями, органически связанными с сексуальной истерией, с наркотическими галлюцинациями под действием священных возлияний – эти религии подземных духов и богов имели, всего вероятней, назначение укрепить слабеющую власть женщин страхом и должны были кончиться крахом, ибо, предав дело физического развития жизни, начали духовно служить смерти. Придавая половой распущенности религиозную ценность служения Богине, женщины в течение сотен и сотен поколений стремившиеся к созданию и укреплению семейных уз, стали разрушительницами семейной жизни и тем самым разрушительницами созданных их прародительницами форм общества.

Что же касается организации жизни социума, то женский ум способен удерживать в поле зрения и уделять внимание значительно большему числу людей, нежели мужской, но в пределах, когда это число не превосходит размеров коллектива, сознающего кровное родство своих членов. Основой понятия свойства для женщины является семья. Но за пределами родства – все чужие. Поэтому, когда разросшееся племя начинали делиться (как делятся, повинувшись инстинкту большие стада копытных) на группу племен, связанных культом общих прародителей и общностью языка, они образовывали

союз племен, служивший делу общей защиты своих земель и для нападения на чужеземцев, когда это представлялось выгодным. Предводителем такого союза становился вождь военно-охотничьей дружины наиболее сильного племени, на территории которого находились и могилы общих прародителей. Здесь женские таланты были ни к чему и требовался опыт и ум военного вождя, ибо вторым фактором перемен было богатство: большие стада скота и хранилища зерна – предмет соблазна для племен, не знавших матриархата и земледелия, а живших охотой и грабежом, или кочевников, степи которых оказались пораженными засухами. Для языка этих последних слово, буквально означавшее «жажду похищения коров» стало впоследствии концептом «война».

Так «богатство» и «война» вошли в человеческий мир, навсегда связанные друг с другом узами кровавого родства. И не стоит удивляться, что спустя тысячелетия противостояния «злата и булата», в наше время «либерализм» и «Фашизм» оказались родственниками, выросшими на одном диалектическом корне. Конечно, на первый взгляд чего же общего у без пяти минут обожествленных прав человека и политкорректности сегодняшнего либерального мира и узкоплеменного мирка «своих» седой древности? Чем близки «Верховное существо» или «Архитектон» масонов великой «Ма» неолитян? Как можно соединить жажду похищения коров с мечтой о разрушения до основания старого мира и построения нового? Или жажду полного уничтожения евреев с грабежом зернохранилищ? Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что это совсем не трудно. В первом случае это возведение в высшую, божественную ценность жизни своего благополучия, неограниченного удовлетворения своих потребительских инстинктов и могущественной охраны этой сладкой жизни от любых опасностей. Все это камуфлируется под всеобщее согласие, всеобщее изобилие и всеобщий мир. Во втором случае цели декларируются те же самые, но средства их достижения – это священная война до полного уничтожения всех врагов, успевших стрести эти ценности под себя. И поэтому мировой (в пределах видимого) переворот, грабеж награбленного и ликвидация нечестивых – это высшая справедливость. Не представляет труда увидеть, что оба исторических феномена произрастают из единого корня – патологически разросшегося инстинкта самоутверждения. И как положено противоположностям периодически меняются местами. Диалектика освящает историческую традицию предательств. Социальный прогресс неотделим от этой традиции, и, пока существует мир, нетленны слова поэта: «и во сне позабыть не могли ты о том, что движенье направо начинается с левой ноги».

Допустимо предполагать, что в доисторические времена, когда большие пространства разделяли небольшие популяции людей, разошедшихся под влиянием центробежных стремлений из центра антропогенеза в неведомые дали, столкновения между ними были крайне редки. Проблемы выживания – добывания средств существования и спасение от опасностей, исходящих от мира природы – заставляли ценить жизнь каждого соплеменника и доступные блага и оберегать племя от конфликтов, способных ослабить его единство и силы. Естественным образом это обусловило установление образа жизни, принципиально соответствующего сформулированным многими тысячелетиями позже требованиям либерализма. Но это никоим образом ни исключало возникновения и развития в дремучих дебрях северной Евразии, где главным способом добывания средств существования была охота и рыбная ловля, а главными тотемами медведь, волк и рысь,

образа жизни, во многом соответствующего средневековым «правдам» союзов германских племен. Скорее всего среди этих племен права женщин всегда были ограниченными пределами жилища в лучшем случае, и лишь отдельные из них, благодаря особому покровительству богини Фрейи могли пользоваться авторитетом во всем племени как целительницы и предсказательницы. Но власть несомненно была в руках самых сильных, хитрых и жестоких поклонников бога кровавых битв и магии Одина (об именах духов, предшествовавших богам Старшей Эдды, можно только гадать).

Продолжительность процесса перехода от матриархата к патриархату была естественно различна в различных племенных союзах, и характер этих переходов варьировался от постепенного перераспределения функций до нападения и захвата мирного племени с беспощадным истреблением всех его защитников и превращением оставшихся в живых в бесправных невольников.

Если о времени установления материнского права можно с крайне относительной точностью судить только по слоям, в которых были обнаружены культовые фигурки женщин, то начало патриархата с несколько большей точностью можно датировать, благодаря раскопкам древнейших городов. Город — результат мужского распределения по значимости родов деятельности и соответственно населения. Строгая иерархия сословий оказалась поразительно единообразной во всех возникавших в разных концах земли цивилизациях. Духовная власть жречества, политическая — военных и экономическая — мастеров ремесел и торговцев. Важнейший при матриархате род деятельности — земледелие и скотоводство, оказался низшим при новом порядке, и естественным образом оказавшимся за пределы городских стен. Какое-то время, в начальном периоде цивилизаций земледельцы еще жили в городах и только работали на окружающих полях и пастбищах, как в селениях при старом порядке. Но с развитием цивилизации они изгонялись в свои поля, на мызы. Главный город возникающего государства состоял из святилища, высшего для всех племен союза, из жилища вождя или царька с хранилищами запасов и казармой для охраны, далее располагались жилища дружины вождя и между ними и стенами города — дома купцов и ремесленников с их мастерскими и складами. У главных ворот города оставалась свободной площадь для торговли. На комбинации храма, дворца с казармой и рынка выросли все древние столицы и их очертания можно легко разглядеть на планах Рима, Парижа, Лондона и т.д. и при раскопках фундаментов давно превратившихся в руины столиц. И комбинация четырех сословий (трех гнездящихся в главных центрах, и четвертого, рассеянного по возделываемой земле) благополучно просуществовала самое малое шесть тысяч лет до той поры, когда в минувшем веке третье сословие в развитых странах не вышло на второе место.

Краткий промежуток, когда фашистские государственные образования, затопив мир кровью, пытались установить свой «новый порядок» в мире, оказался последней чертой, отделившей эру классических форм патриархальной власти от возрождения на новом витке такой (вероятно конечной) стадии либерализма, которую уже невозможно считать вполне формой патриархата. Хотя вкус к насилию был сохранен вполне, оно применялось теперь только для защиты прав человека, мира и распространения демократии на земле, совершенно аналогично тому, как в целях мира и распространения христианства организовывались крестовые походы. То есть произошла замена знамен.

Нетрудно заметить, хотя бы на примере трех самых крупных

революций Нового времени, что принцип движения слева направо неуклонно соблюдается с той поры, как духовный пращур либерализма – протестантизм утвердился в душах христиан северной Европы.

Великая Английская революция начинается с проповедей пуритан, движение которых возникло полувеком ранее как следствие распространения в народе дешевой Библии, переведенной в Женеве английскими реформаторами, что сделало ее доступной всякому грамотному человеку. Принцип дешевой церкви без епископов и независимой от государства объединил простых людей и мир деловых людей страны. Конфликт короля и парламента привел к гражданской войне, которая привлекла под свои знамена индепендентов – самых радикальных революционеров из народных масс. Король и его «кавалеры»

проиграли войну «железнобоким». Бежавший в родную Шотландию король уповал на то, что шотландские лорды соберут для защиты своего короля новую армию, но жестоко обманулся в своих надеждах. Шотландия выдала его Лондону за оплату своих расходов в предыдущей войне. И хотя Карла встречали как подлинного короля и предоставили ему для жительства роскошный замок, он тем не менее был пленником парламента и ему предстояли унижительные для него переговоры о том, на каких условиях парламента разрешит ему вернуться на трон.

Командир кавалерии «железнобоких» и самый талантливый полководец этой войны Оливер Кромвель, сельский сквайр средней руки и член парламента, несмотря на полное отсутствие какого-либо военного опыта и образования, к концу войны проявив исключительные таланты полководца стал безусловным вождем армии, хотя ее командующим оставался профессиональный военный генерал Ферфакс. Свой незаурядный политический талант Кромвель обнаружил, когда конфликт между парламентом, отнюдь не стремившемся к ликвидации монархии, и армией, желавшей установления республики, достиг критической точки и солдаты отказались подчиняться парламенту, принявшему решение о ее роспуске. Он, знал, что парламента боится враждебности индепендентской солдатской массы к знатым и богатым и хочет избавиться от этой опасной силы, после того как она сделала свое дело, хочет вернуть короля на трон, лишь ограничив его власть своей волей. Кромвелю хотелось убедить парламента в своей лояльности к этому плану. В то же время он сознавал, что для знати он – военный предводитель индепендентских масс и без армии превратится в лучшем случае в того ничтожного сельского сквайра, каким был до революции. В худшем его ожидала участь сгнить в подземной камере Тауэра. Колебания его кончились, когда солдаты захватили пленного короля и увезли в расположение армии, чтобы прекратить тайные переговоры парламентской знати с ним за спиной армии. Тем более, что и сам Кромвель получил из армии предупреждение, что если он не приедет без промедления и не станет во главе армии, то она обойдется и без него. Выбирать уже не приходилось. Потерять армию значило было потерять все. Кромвель выехал в армию, но теперь его задачей было справиться с теми крайними элементами в ней, на которые он опирался во время войны – с радикально настроенными индепендентами и с непреклонными уравнилителями – левеллерами, и восстановить авторитет офицерской верхушки. Он был убежден, что «цель немногих людей, не принадлежащих к высшему кругу, ввести народное правление, направленное против короля и его партии, против пресвитериан, против знати... против законов как гражданских, так и церковных, и против всего духа нации, которая на протяжении столь многих лет

привыкла к монархическому режиму... в высшей степени порочна и чрезвычайно трудна – если не невозможна». Но будучи ловким политиком и действуя всегда по ситуации, он в момент, когда армия под влиянием агитации левеллеров оказалась на грани мятежа против компромиссной позиции армейского командования по отношению к пресвитерианскому Лондону, с обнаженной саблей явился перед строем агитаторов и арестовав зачинщиков, открыто подверг их военно-полевому суду. Приговор был скор и краток: троих к смерти, остальных под арест. Одного для наглядности расстреляли перед строем немедленно. Подавив начинавшийся мятеж, ибо, как утверждал он «Никто не сможет спокойно жить и пользоваться состоянием без восстановления короля в его правах», Кромвель счел нужным заверить подчинившуюся, но только лишь не решившуюся свергнуть власть командования армию, что он вовсе не друг лондонским соглашателям, и не считает левеллеров своими врагами. Их программа на первый взгляд очень хороша, но при нынешнем положении она практически невыполнима. Она стала бы возможной только «если мы могли бы выпрыгнуть из одних условий в другие». Поэтому не надо бросаться из одной крайности в другую. Мы должны, как «Божьи ратники», сохранять верность Господу и «Он откроет нам то, что Он хотел бы, чтобы мы совершили».

Однако, как ни благочестиво прозвучал его призыв к упованию на волю Божию, которым он уже давно и постоянно пользовался, чтобы скрывать свои намерения, Кромвель в кругу офицерской верхушки высказал их достаточно откровенно: «Если мы не можем добиться того, чтобы армия согласилась с нами, мы должны соединиться с ней».

«Божья воля» открылась ему после того, как король, с которым Кромвель пытался вести личные негласные переговоры, неожиданно был изобличен в тайных переговорах о союзе с Шотландией. Летом 1648 года армия Шотландии под командованием не самого опытного полководца, герцога Гамильтона перешла английскую границу и начала неспешное продвижение на юг, подавляя своей двадцатитысячной массой маленькие гарнизоны приграничных крепостей. Кромвель потратил четыре недели, чтобы покрыть расстояние, отделявшее его от противника и за три дня ликвидировал втрое превосходившую его по численности армию с ничтожными потерями со своей стороны. А в начале декабря его армия расположилась вокруг Лондона, выдвинув один из полков прямо к Вестминстеру и все надежды парламента договориться с королем без Кромвеля и его Армейского совета растаяли в сером зимнем небе. 6 декабря у дверей в Вестминстерский дворец встали солдаты полковника Прайда и по списку, содержащим имена всех враждебных к армии пресветариан задержали 140 парламентариев, отправив кого в тюрьму, кого восвояси. «Прайдова чистка» была проведена четко и жестко. После нее индепенденты составляли в парламенте необходимое большинство. К вечеру подъехал и Кромвель, конечно, бывший не в курсе дела. На следующий день почищенный парламент выразил ему глубочайшую признательность за его великие заслуги перед отечеством в минувших войнах. Теперь вопрос о суде над королем стал первым и главным перед властями Англии. В палате общин за назначение суда были только индепенденты, в палате пэров – никто. Но армия самым решительным образом требовала немедленного и нелицеприятного суда, и самым яростным и энергичным выразителем ненависти армии к королю был зять Кромвеля Айртон. Сам же Кромвель предпочитал изображать колебания. Быть может мысль о том, чтоб стать первым после короля

человеком в королевстве и фактически держать короля в своих руках, правя от его имени, продолжала соблазнять его больше, нежели лавры цареубийцы, но будучи политиком, верящим только в силу и ясно сознавая, что сила сейчас только армия, он также ясно отдавал себе отчет в том, что эта стая стервятников в его руках для него гораздо важнее, чем пост могущественного первого министра, парящий подобно журавлю в небесах. Ему только категорически не хотелось принять на себя роль первого лица в предстоящей расправе с королем. Однако верховный суд на исторических подмостках вершится не людской волей, и первым лицам, подготавливающим роковые преступления и нажимающим за кулисами спусковой крючок, никогда не удается стереть с него отпечатки своих рук. Ни Екатерине Второй тайно повелевшей убить свергнутого ею мужа, а потом и несчастного Иоанна Пятого узника, повинного лишь в том, что был законным, хотя и некоронованным царем. Ни Генриху Четвертому по тайному приказу которого был убит свергнутый им Ричард Второй. Ни Ленину, распорядившемуся через Свердлова тайно ликвидировать последнего царя с семьей. Ни организация тайных убийств бесноватым Сталиным, чтобы сделать их поводом для небывалых нигде и никогда чудовищных уничтожений людей. Ни тайное согласие Джонсона на убийство президента Кеннеди. Ни, наконец, беспрецедентные взрывы жилых домов с сотнями людей, тайно организованные мелким бесом Путиным для получения повода возобновить войну в Чечне. Увы, на корабле истории таких первых лиц – как крыс. Кромвелю удалось, пропустив вперед Айртона, организовать суд над королем в окруженном шеренгами солдат Вестминстере, но вот для подписания смертного приговора ему пришлось выйти на авансцену. Из 137 членов специальной судебной палаты, назначенной судить короля на подписание приговора явилось только 59, и многих из них Кромвель лично подтаскивал к столу, чтобы они поставили свою подпись. Он был в бешенстве. «Народ, находящийся под водительством Божьим», который «является источником всякой справедливой власти», как гласила резолюция парламента, специально принятая перед судом, чтобы придать ему вид законности, этот самый народ в лице своих лучших представителей откровенно пытался сказать в нетях, когда стало нужно эту «справедливость» проявить.

Как бы то ни было, но по воле армии, ее офицерской верхушки и ее победоносного вождя королю наконец отрубили голову по приговору «Божьего народа» и приступили к построению земного рая. Англию провозгласили «свободным государством общего блага», палату лордов разогнали как ненужную в нем, а парламент – «охвостье» Долгого – объявив себя верховной властью, единой и неделимой, тут же организовал Государственный совет из сорока человек, вся власть которого оказалась в руках десяти его членов – армейских «грандов» во главе с Кромвелем. Самым же замечательным в этом свободном государстве оказалось то, что законы и порядки остались в нем те же самые, что и в несвободном. Секрет этого парадокса был прост: и весь Государственный совет и все «охвостье», и «жирный народ» Сити все новое дворянство – «джентри», – были собственниками. Их минимальные доходы равнялись 200-ам фунтов в год, «а среди «Божьего народа» Англии мало было таких, у кого они достигали 40 шиллингов. И само собой разумеется, что установление «равенства и самоуправления», которого пуритане требовали для церкви, а уравнители – «левеллеры» для всего народа, было для джентльменов и деловых людей совершенно неприемлемо. Граф Эссекс выразился на этот счет прямо: «Является ли это той свободой, которую мы

взялись защищать, проливая нашу кровь?.. Потомки скажут, что для освобождения от гнета короля мы подчинили их гнету простого народа». То же самое, слово в слово могли бы впоследствии сказать Камилл Демулен перед казнью и Георгий Плеханов перед смертью, еще не зная, что простой народ в революциях служит лишь слепой разрушительной силой для распалющейся его ярости провокаторов, стремящихся, использовать его для захвата власти.

В политической физиономии Кромвеля диалектика Английской революции отразилась с предельной четкостью. Он был джентльмен и гордился этим. Дворянство его однако было новым, происхождения протестантского. Его прадед Ричард Уильямс был сыном сестры третьей жены, Томаса Кромвеля, человека не самых знатных кровей. Дед его был кузнецом, а отец трактирщиком, но своими талантами и благосклонностью судьбы он был вознесен на высшую ступень у трона и увенчан графской короной высшего достоинства, правда всего за месяц с немногим до того, как был отправлен на плаху. Но когда власть его была в зените и он как генеральный викарий короля, объявившего себя повелителем английской церкви, великолепно организовал ликвидацию всех монастырей с конфискацией всех их богатств и владений, он не забыл племянника жены, к которому благоволил, и назначил его своим агентом по этой экспроприации в его родном графстве. Племянник не сплеховал и стал не только богат, но и благороден, заодно и сменив свою заурядную фамилию на уже знаменитую – Кромвель. И хотя крови Томаса Кромвеля в жилах Оливера Кромвеля не было ни капли, ему было дано то же неукротимое стремление возобладать над судьбой, то же честолюбие и жажда власти. Однако в свой четвертый десяток он вступил как арендатор чужой земли, бежавший из родного городка, где вступил в конфликт с местной знатью. Будучи обременен большой семьей – жена и шестеро детей, он оказался в трудном материальном положении, несмотря на трудолюбие и рачительность. Шесть лет трудов и забот прошли без всякой надежды на лучшее будущее, когда вдруг из духовного мрака, в котором он пребывал, его вырвало озарение: он осознал себя «ратником Божиим», избранным Богом для борьбы со злом. Чудесным образом это совпало со смертью его дяди, завещавшим ему большое состояние. Эти события разумеется были делом Провидения Божия, которое вскоре ввело его в парламент, оказавшийся самым Долгим в истории Англии. Здесь он оказался в компании более чем дюжины близких родственников и как свой был принят в ряды оппозиции. Знаменательно, что одной из первых его громовых речей была речь в защиту будущего вождя левеллеров Джона Лильборна, брошенного в тюрьму за распространение пуританских памфлетов. Очень быстро Кромвель выдвинулся в ряды активнейших пуританских оппозиционеров. Билль «О корнях и ветвях» о ликвидации института епископов и введения управления церковью «в согласии со словом Божиим» был выработан и вынесен на обсуждение парламента с его энергичнейшим участием. Им была проведена резолюция, разрешающая прихожанам самим выбирать проповедника для своего прихода. Он был членом многих парламентских комитетов. Но как только король поднял свой штандарт в Ноттингеме – объявление войны против парламента, Кромвель немедленно начал набирать отряд кавалерии в родном городке.

Дальнейшая его судьба была непрерывной чередой громких побед, гибких компромиссов, лицемерных заверений и лживых обещаний, перемежающихся с демонстративно грубым насилием, что в конце концов расчистило перед ним путь к установлению своей диктатуры,

ибо «так хотел Бог». Два текста самым красноречивым образом живописуют его портрет после того, как он в качестве главы армии и главного цареубийцы стал первой персоной в Англии. Первый – это отрывок из левеллерского памфлета: «Если вы заговорите о чем-нибудь с Кромвелем, он тотчас положит свою руку на сердце, возденет глаза к небу и призовет Господа в свидетели, он станет плакать, стонать и каяться даже в том случае, когда нанесет вам смертельный удар».

Второй – это донесение самого Кромвеля спикеру парламента о штурме его армией двух городов в Ирландии, не признавшей новой английской власти: «По правде говоря, я в горячке боя запретил солдатам щадить кого бы то ни было, захваченного в городе с оружием в руках, и я думаю, что в эту ночь они предали мечу около 2000 человек... Я убежден, что это – справедливый Божий суд над этими варварами и мерзавцами... В сердцах некоторых из нас жила уверенность, что великие дела следует совершать не властью или силой, а Духом Божиим. И не ясно ли это? То, что заставляло наших людей идти на штурм с такой отвагой, был Дух Божий, Который вселял мужество в наших людей и лишал его наших врагов, благодаря чему мы достигли счастливого успеха. И потому Богу, только Ему одному, принадлежит вся слава.» Это о резне в городе-крепости Дрогеде. Следующим на очереди был город Уэксфорд: «Да, право же, это очень прискорбно, мы желали добра этому городу, .. а не разорять его так сильно. Но Бог судил иначе. В нежданной милости Провидения, в справедливом гневе Своем Он направил на него меч Своей мести и сделал его добычей солдат...» Население Уэксфорда было истреблено полностью, включая и пытавшихся бежать из него женщин и детей. Добавить к этому нечего, кроме того что это преступное ханжество, перекалывающее всю вину за зверскую жестокость на Бога, превосходит по лживости, вероятно, победные реляции полководцев всех времен. Иногда, впрочем, он разрешал себе при вспышках гнева и откровенные высказывания, как например: « Говорю вам, мы снимем ему голову и вместе с короной!» или при разгоне парламента: « Вы сидите здесь слишком долго. Во имя Господа, убирайтесь!» Парламенты он разгонял трижды. После второго разгона он принял на себя верховную власть Лорда-Протектора Англии и через год установил военно-полицейскую диктатуру, разделив страну на 12 округов и поставив в каждом генерала-майора как чрезвычайную власть подчиняющуюся только ему одному. От такого небывалого еще способа управления страной ему пришлось все же через год отказаться. Второй, более назначенный им, нежели выбранный народом парламент резко выступил против и 212 голосами против 20 отменил режим генералов. Однако жесткая цензура и широко разветвленная сеть внутреннего шпионажа, впервые введенные в Англии, сохранились до конца его дней. Создал и внедрил эти службы приближенный к себе Лордом-Протектором бывший адвокат, некий Терло. Достигнув высшей власти, о которой он несомненно грезил с тех пор, как его победы на полях сражений и старательно разыгрываемое народолюбие доставили ему первенство в армии, Кромвель стал крайне подозрителен, как впрочем все деспоты. Заговоры мерещились ему повсюду. Став предателем тех идеалов, за которые он ратовал в годы своей индипедентской риторики, он потерял почти всех своих прежних друзей, перешедших теперь в оппозицию его режиму, и его речи о том, что его правление всегда будет служить лишь тому, чтобы «Евангелие могло цвести в его полном блеске и чистоте, а народ мог пользоваться своими справедливыми правами и

собственностью» воспринимались теперь как демагогия. Он окружил теперь себя людьми «голубой крови», хранящих монархические симпатии. Такие же симпатии неожиданно обнаружил и парламент, в котором теперь опять главенствовал хорошо обеспеченный народ, проникшийся благодарностью к деспоту, давшему согласие на ликвидацию чрезвычайного режима, и поднес Кромвелю «Смиренную петицию» с просьбой возложить на себя королевскую корону и восстановить в парламенте палату лордов. Голубая мечта героя революции раскрыла над ним свои крылья, но... сказать, что эта инициатива не получила поддержки у армии было бы почти ничего не сказать. Устами ста представителей высшего офицерства во главе с зятем Протектора генералом Флитвудом армия заявила ему, что эта затея ей очень «не нравится» и настоятельно попросили его ответить отказом. Генералы Флитвуд, Ламберт и Десборо заявили также, что в противном случае уйдут в отставку, а «чистильщик» Прайд открыто пригрозил укокошить его при первом удобном случае. С мечтой пришлось проститься. Кромвель оставался главнокомандующим армии, но она, возведя его на вершину власти и славы, не настолько подчинялась ему, чтобы он мог позволить себе вступать с ней в открытое противостояние. И 8 мая 1657 года он вынужден был официально ответить на «Смиренную петицию»: «Я убежден, что не могу возглавить правительство с титулом короля.» Через год он умер от злокачественной лихорадки, полученной им еще в пору своей военной экспедиции в Ирландию и за семь лет трижды приводившей его на край могилы, пока не спихнула туда 3 сентября 1658 года.

Наиболее сложный и продолжительный сюжет из трех «Великих» революций имела Французская, начавшаяся 23 июня в зале для игры в мяч словами Мирабо: «...идите к Вашему господину и скажите ему, что мы находимся здесь по воле народа и нас нельзя отсюда удалить иначе как силой штыков». Разумеется, народ, от имени которого говорил граф Мирабо, ограничивался в его представлении только той его «активной» частью, доходы которой давали ей право быть избирателями в Национальное Собрание. Но этими словами оно заявило королю о своем существовании и своем праве выступать от имени всего народа.

С другой стороны провозглашением начала революции можно считать и «глас народа», раздавшийся из уст Демулена 12 июля, когда королевские войска вошли в Париж для успокоения его населения. Узнав, что они уже в центре города, Демулен выскочил из кафе в пассаже у Пале-Рояль, где шли нескончаемые дебаты о положении дел, и вскочив на стол со шпагой в одной руке и пистолетом в другой, закричал: «Друзья! Неужели мы умрем, как затравленные зайцы?.. Час пробил, великий час для француза и человека... нам пристал лишь один клич: «К оружию! Пусть по всему Парижу, по всей Франции пронесется ураганом и звучит «К оружию!» И он-таки пронесся. Улицы перегораживаются баррикадами. К вечеру, чтобы избежать побоища, войска были выведены из Парижа.

А через день громадная толпа горожан во главе с санкюлотами Сент-Антуанского предместья и пивоваром Сантером (имеющим честь беседовать лишь вчера с герцогом Орлеанским) во главе роты, только лишь созданной Национальной гвардии, взяли штурмом громадную королевскую крепость-тюрьму Бастилию. Комендант и сотня солдат-инвалидов, охранявших тюрьму были перебиты и семеро освобожденных узников, из которых четверо были уголовниками, были подняты на плечи и торжественно пронесены по улице Риволи к ратуше. Поздно вечером герцог де Лианкур, имевший беспрепятственный доступ к

королю, сообщил ему о происшедшем. «Но это же мятеж!» – воскликнул пораженный Людовик. Нет, Сир, это не мятеж, это революция» – возразил герцог.

В соответствии с определением герцогом этого дня, он и вошел в историю как день начала Великой Революции, донныне празднуемый как великая победа революционной демократии. Среди этих трех, связанных только хронологией, событий заметна лишь одна общая особенность : все три главные герои были масонами. Причем герцог Филипп Орлеанский, спровоцировавший нападение на пустую тюрьму (не потому ,чтобы она реально что-либо значила, а потому что в самом мятежном районе, на границе которого она стояла, у него были свои агенты), формально являлся главным масоном королевства как великий мастер «Великого Востока». Он опасался, что волнения могут затихнуть, а у него были личные виды на то, что двоюродный брат не согласится на конституционные ограничения своей власти, бывшие главной целью революции, желанной для аристократического масонства. В таком случае он становился первым претендентом на трон в парламентарной монархии Герцог был хитрым интриганом, но плохо понимал, какую стихию он намеревался использовать в своей игре. В результате потерял голову и его царственный брат, и годом позже он сам.

Но возвращаясь к вопросу о начале революции имеет смысл считать таковым день, когда собрание третьего сословия, поклявшееся не расходиться, пока не примет Конституцию, отказалось подчиниться королевскому приказу разойтись, противопоставив королю волю народа. Бастилия, ставшая знаменитой лишь своим уничтожением, была избрана для этой роли только в силу своего имени королевской тюрьмы (уже более полувека утратившая его реальное значение), своего грозного вида и самое главное своего местоположения. Выбор удался – пустой призрак, «бессмысленный и беспощадный бунт», разъяренной черни, спровоцированной политическим мошенником, стал великим символом обретения революционным народом Свободы.

Но чтобы уяснить, чем определяется начало революции и что отличает ее от бунтов и восстаний, даже наиболее крупных, как Жакерия, восстание Уота Тайлера, таборитов или Разина и Пугачева, надо окинуть взглядом историю хотя бы трех поколений, в течение которых происходят изменения в сознании народов, вынашивающих революцию. Не так уж трудно разглядеть в хаосе противоречий народной жизни этот процесс, если рассматривать события с точки зрения определения бытия сознанием, потому что революция – это, прежде всего, взрыв, долгое время сдерживаемого процесса изменения сознания общества и всего народа.

Что касается Франции, то первым отчетливо заметным признаком начала перемен был взрыв ликования, охватившего общество при известии о долгожданной смерти «обожаемого» монарха, «короля Солнца» Людовика XIV-го. Люди, встречаясь на улицах, обнимались и поздравляли друг-друга с радостным событием. Человек, ставший королем в 5-летнем возрасте и росший под властью матери, убежденной в своем абсолютном праве дочери, вдове и матери королей вершить судьбы всех своих подданных, как ей будет угодно, и сожительствовать с пройдохой самого подлого происхождения, сделав его своим первым слугой и своим тайным повелителем, к своим 15-ти годам проникся презрением к матери, которую любил, и ненавистью к министру, который был ему отвратителен. Самые знатные вельможи его двора, низко склонявшие перед ним свои гордые головы и

рассыпавшиеся в изысканных комплиментах, дважды поднимали против него восстания и возмущали чернь с целью восстановить свою феодальную независимость от него и изгнать из страны пройдоху-диктатора, правящего его именем. Они сами хотели править его именем, захватив его в свои руки. Он вырос никому не доверяя и никого не любя, с абсолютной убежденностью, что только сосредоточение всей власти в его руках может обеспечить прочный правопорядок в его королевстве. Знаменитое «Государство – это я» не было тщеславной фразой, но догматом его личной веры. Он сам был главным архитектором того беспрецедентного до него бюрократического аппарата, который сковал Францию тотальным полицейским надзором, опутал сетями духовно-полицейского сыска, и поставил под жесткий финансово-юридический контроль. Было построено много новых тюрем, военных крепостей и казарм, ибо король был убежден, что только сильная армия способна правильно выразить главные политические идеи государства. Войнами он заставлял заниматься свой народ в течение всего своего полувекового самодержавного царствования, то приобретая, то вновь теряя приобретенные земли своих соседей, но в конце-концов приобрел славу величайшего из государей Европы, обладающего самой крупной в ее истории армией и уложив к вящей славе своей и Франции в землю несколько сот тысяч храбрых французов. На втором месте после войны в числе его главных увлечений была любовь – несколько сот любовниц (от кровосмесительных связей со своими юными родственницами до очаровательных служанок и пейзанок) утолили его наследственный аппетит и существенно пополнили национальный генофонд именами незаконнорожденных дворян. На третьем месте стояли празднества, театр, архитектура и живопись, на четвертом – искоренение ересей и на пятом – Бог. Король был очень набожен, но отвлекаемый от дел личного спасения многочисленными обязанностями, лежащих на нем как на Помазаннике Божьем, он все же находил время для борьбы с грехами своих подданных, опираясь в этой борьбе на самых ревностных рыцарей Папы и Бога – ратников Ордена Иисуса. Вообще, понимая греховность человеческой природы, он терпимо относился к грехам плоти, неукоснительно требуя только приличной скромности от падших в блудодеяниях. Но пагубнейший из грехов, грех свободомыслия не мог укрыться от зорких глаз более многочисленных, чем в какой-либо другой христианской державе, иезуитов и избежать карающего гнева короля. Такими мудрыми мерами ему удалось довести корабль французского государства без повреждений до своего собственного конца. Конечно страна была разорена, как никогда в последние двести пятьдесят лет. На шее государства висел небывалый долг в два миллиарда ливров. Наибольшая часть населения – крестьяне жили в ужасающей первобытной нищете и вымирали целыми провинциями в неурожайные годы. Но даже тогда, когда королевскому семейству приходилось, проезжая по стране, видеть прямо у дорог трупы умерших от голода матерей с маленькими детьми и стариков, августейшие особы старались не задерживать на этих прискорбных явлениях своего внимания. Бедных в мире много всегда, таков их удел. Ведь сказал и Сам Господь: «Нищих имеете всегда». И король смотрел вдаль, не отвлекаясь от своих высших забот.

Такая горделивая отстраненность от низшей прозы жизни свойственна была всем абсолютным самодержцам, царствовавшим в эпоху приближения великих революций. Тяжелейшие страдания народных низов необходимое условие для пробуждения в их душах

революционного мифа, чтобы услышать глас просвещенных, призывающий к борьбе за свободу.

Что же касается просвещения, то его первой стадией необходимо является переоценка фундаментальных ценностей в общественном сознании. Нужна смена идеологических пластов. Пласты смысла бытия и жизни и пласты нравственных ценностей должны перевернуться, быть перелопачены. И для того, чтобы лемех сомнения мог врезаться в почву этих ценностей, необходимо пропитать ее едкой влагой иронии. В деле разрушения она – начало начал. Ее интонацию мы слышим из века в век во вкрадчивом голосе первого «просветителя»: «–А правду ли сказал Бог..?»

В ханжеский век «Короля Солнца» она исподволь уже подтачивает каменные устои и королевской церкви и католического королевства в насмешливом реализме романов Скаррона, в бурлескных сюжетах пьес Мольера, в саркастической мудрости герцога Ларошфуко и в нескромных афоризмах Нинон де Ланкло. Этот либертинаж еще звучит вполголоса, но шутки его небезопасны, а философии Гассенди и Декарта, придающие разуму прямой примат над верой, грозят серьезными последствиями.

Наконец великого монарха отправили в усыпальницу к предкам и в освободившемся от ханжеской цензуры и полицейского надзора королевстве наступает оттепель. Королю, правнуку усопшего, пять лет, а регент, старый греховодник придает значение только политике и деньгам, необходимым для праздника жизни «сан суси» – без забот об их происхождении, что не должно касаться мира подлинной аристократии, «жан де эпе», восходящему к эпохе по меньшей мере графов Карла Великого. О том, как доставать деньги и доставлять их высшему свету, должно думать дворянство мантии, «жан де роб», буржуа – городская сволочь, восставшая из грязи, и рабы. Проза жизни, куда деваться, заставляла все чаще и чаще потомков рыцарей Круглого Стола отступать от правил, диктуемых такой поэтической философией жизни и идти на поклон к этой «сволочи», но в глубине своих благородных душ они сохраняли к ней высокое презрение и печаль о светлом мире, увя, погружающемся все глубже и глубже в трясину размножающейся черни. Поэтому некое коллективное предчувствие утраты своего первенствующего положения в мире склоняло их к принятию разумной точки зрения: «После нас хоть потоп». А пока «будем есть и пить, ибо завтра умрем!»

Второе сословие празднует свое возвращение к утраченной было полвека назад вседозволенности. Остричь над всем и вся становится просто общепринятой в свете манерой. Безудержное наслаждение гастрономией и сексом приобретает особо ценимое очарование, если оно изящно приправлено остроумием и злостью. За столом и в постели нет никаких табу для «философии», как стало принято называть искусство пересыпать тонкой солью разговоры на темы, еще недавно считавшиеся запретными или постыдными. В печати ведущим становится жанр памфлета, на театральных сценах – жанр комедии с приправой сатиры. Над обществом царит насмешка, хлопочущая о том, чтобы как можно основательней извозить в грязи все священные ценности, которые давно уже пачкались усилиями тех, кто провозглашал их священными. Общепризнанным корифеем этого жанра стал Вольтер, автор самого кощунственного и похабнейшего произведения во всей французской литературе и призыва «Раздавить гадину» (то есть христианскую церковь).

Но главным орудием обновления мира стала наука, наука как познание естества этого мира. Собственно «Новая история» и

началась с нового научного взгляда на мир, взгляда без «метафизики», что сразу радикально упростило представление о нем. С невероятным энтузиазмом титулованная знать бросилась изучать секреты физики, математики, анатомии и физиологии. И в авангарде были дамы высшего света. Сперва их увлек месье Месмер своим «животным магнетизмом», исцеляющим без всяких лекарств от недугов и возвращающим молодость. Затем их поразило открытие Ньютоном законов всемирного тяготения и Локком камеры обскуры с отверстием для информации извне, каковым оказалось человеческое сознание, о чем поведал им вернувшийся из английской ссылки Вольтер. Всю таинственность космоса как языком слизнуло. Оказалось, что все светила держат друг друга, не давая провалиться в тартарары и кружатся таким образом в небесном хороводе. И никаких загадок с пещерами Платона и реминисценциями с небес и из под земли. Просто интеллект перерабатывает полученную через дырку информацию, кому что перепадет, и записывает на чистую доску души. Никаких наследственных воспоминаний и угрызений совести. Все с нуля. Послушав в салонах лекции ученых мужей, герцогини, графини и маркизы отправлялись на лабораторные занятия, где, затаив дыхание, следили за операциями паталагоанатомов над трупами, собственными пальчиками резали лягушек, чтобы понять, как что двигается внутри наших тел, и смешивали в ретортах разные щелочи и кислоты, постигая тайны химических превращений. Все это было очень забавно но главное помогало понять, что все естественное просто и не стыдно, и не нуждается, как сказал Лаплас, ни в каких метафизических сложностях для объяснения. Обо всех тайнах бытия подробно и доходчиво стала рассказывать «Энциклопедия», над которой трудились для просвещения масс знаменитые ученые под руководством великого Дидро.

Таким образом из всеобъясняющей науки и всеосмеивающей иронии и рождалась великая культура и философия «Просвещения». Суть ее проста как яйцо, и становится понятной только по достижению полного освобождения человека силою атеизма. Существует только всемогущая и вездесущая материя. Она мать всего и человек ее чадо и состоит только из нее. Достаточно разбить скорлупу и убедиться, что внутри нет ничего, кроме внутренностей, и самая главная из них мозг. И разум и любовь – это лишь продукты физико-химических процессов, происходящих в мозгу и в железах. Поняв это, человек обретает свободу от всех мифов и сказок, выдуманных попами для порабощения его воли. А свободные люди, объединенные одной волей легко разрушат окружающий их мир лжи и угнетения и построят новый, основанный на свободе, равенстве и братской любви. Эта философия доступна пониманию любого человека и поэтому она непобедима и по сей день владеет умами великого множества людей. Однако этот венец чистого атеизма, возложенный на чело «Просвещения» руками Гольбаха, Гельвеция и Дидро, будучи первым его явлением блудным детям христианской веры в Западном мире, не мог рассчитывать на всенародное признание. Сознание большинства людей на земле всегда раздвоено и одной стороной своей души верует в то, что наверху Кто-то все же есть, а другой – убежден, что велика земля, а правды нигде нет, и все мы по правде плачемся, а живем по лжи. И поэтому нужна людям ложь, но припудренная правдой. Голый атеизм обычного, живущего «как Все», человека шокирует и отпугивает, хотя где-то внутри и соблазняет. И чтобы овладеть его душой, необходимо до «времени тьмы» прикрываться Так опытная шлюха, приманивая поглядывающего на нее стеснительного юнца, никогда не ошарашит его

своей полной наготой, но будет как бы ненароком давать ему увидеть свои полуобнаженные прелести, и то ласковым прикосновением, то шутилкой нескромностью стараться разжечь его похоть до ослепления. Именно такова тактика опытной демагогии для инфильтрации в шаткое сознание масс нужной лжи.

Вся эта большая и разносторонняя обработка сознания французского общества происходила на первый взгляд совершенно стихийно. Но в этой стихийности тем не менее обнаруживалось удивительное сходство форм и содержания того, что происходило. К середине века по всей Франции, как грибы после теплого дождика, высыпали «общества мысли» – кружки образованных людей, связанных дружескими отношениями и общей расположенностью к обсуждению новостей в жизни общества, в политике, в литературе и искусстве, в философии и в науках. Встречи обществ происходили регулярно в замках аристократии или в салонах крупной буржуазии в непринужденной и приятной обстановке. За обильным и изысканным столом в этих кругах привычной была атмосфера оппозиционности правительству и между анекдотами и стихами всплывали темы и последних инициатив властей, чтобы подвергнуться пренебрежительно поверхностной, как нечто малозначащее, оценке. Там, где первенствовали представители высшей знати, имена которых были связаны с потерпевшей поражение Фрондой, сохранялся дух превосходства над пестрой толпой крутящихся вокруг короля его бастардов и фаворитов. Таковым, к примеру, было «Общество Тампля», возникшее на закате «Короля Солнца» и собиравшееся в замке последнего герцога Вандомского, младшего брата прославленного полководца, долгое время, не взирая на все его победы, оттираемого королем на второе место, даже после смерти Тюрэнна, и лишь в конце пути, после триумфальной победы в войне за испанское наследство, признанного принцем крови как правнука (от любовницы) основателя династии Генриха Бурбона. В лучах снисходительного радушия этих обществ пригревались и приобретали известность многие молодые и дотоле безвестные дарования плебейского происхождения. В «Обществе Тампля», например, возшла звезда Вольтера, введенного туда его крестным отцом, аббатом де Шатонефом. И благодаря покровительству герцога Сюлли и принца Конти восхождение это было бы несомненно значительно стремительней, если бы не хамоватость сына нотариуса, почувствовавшего себя на одной ноге со всеми завсегдатаями дворца Солли, что позволило ему довольно дерзко оскорбить одного из них, не отличавшегося такой остротой ума и языка, как Вольтер. В результате ему дали довольно чувствительно почувствовать, что свободу, равенство и братство, почитаемые в этих «обществах мысли», не следует понимать уж очень буквально. Оскорбленный им господин был известен в высшем свете лишь двумя замечательными свойствами: он чрезвычайно гордился знатностью своего рода и был одним из лучших фехтовальщиков в королевстве. Имя, которое он носил («Королем быть не могу, герцогом не хочу, я – Роган») лишало его возможности скрестить шпагу с подлецом, и потому он приказал слугам просто хорошенько отдубасить его палками по заднице. Вопли несчастного поэта (Вольтер первоначально числил себя по этому цеху) вызвали только ироническое сочувствие у герцога и принца, и будущий корреспондент монархов понял, что никакие его шуточки, трагедии и философизмы никогда не дадут ему возможности переступить границу между мещаниным Аруэ и высокородной знатью.

Однако большинство прославленных деятелей Просвещения, менее

амбициозные, нежели Вольтер, прошли через салоны великосветских дам и гостиные светских и духовных вельмож, пользуясь их покровительством для защиты от преследований церкви и судебных властей, чтобы успешно разрушать основы того мира, на которых зиждилось благополучие и аристократии, и церкви и монархии. Парадоксальность ситуации заключалась как раз в том, что враждебность аристократии к абсолютизму и ее склонность к свободе мысли и морали, увлекали ее к берегам гораздо более враждебным ее существованию. И не сознавая того, она «шла по коврам, усыпанным цветами, прямо в бездну». Слово «революция» звучало в салонах также часто, как и слово «свобода», и звучало оно, отнюдь не тревожно, а радостно, как бы предвещающая некий всеобщий праздник обновления.

А между тем по другую сторону Ламанша уже веком раньше начали возникать общества, в которых устанавливались правила и намечались цели в некоторых отношениях родственные настроениям, возникшим в французских «обществах мысли». Названия этих небольших, но широко распространившихся в британских землях групп не привлекали особого внимания, да и деятельность их на фоне крупных сект «пресвитериан» и «пуритан» и доброй полдюжины их ответлений, громко проповедовавших свои исповедания, оставалась в тени. Тем не менее многие их взгляды легко усваивались пресвитерианскими мозгами. Они были активными членами Долгого парламента, но, желая подчинить короля парламенту, отнюдь не желали его казни, после которой были разогнаны армейскими индепендентами. А после реставрации королевской власти и установления относительной веротерпимости, некоторые более значительные из этих групп стали, хотя и не громкогласно, именовать себя на манер средневековых французских строительных артелей «франк-масонами». В 1717 году, вскоре после прихода на английский трон основателя нынешней династии Георга I (правнука Джеймса I по дочери Елизавете, вышедшей за курфюрста пфальцского, пытавшегося насадить в своих владениях розенкрейцерство) немца, не знавшего английского языка, но, видимо, сохранившего некоторый пиетет к оккультным увлечениям деда, масоны явили себя миру, объявив в одной лондонской таверне об учреждении Великой Английской Ложи. С поразительной быстротой, через четверть века масонские ложи высыпали, как неприметные, цепко держащиеся за землю кустики подорожника, почти по всей Европе и перекинулись в американские колонии. При этом, прямо-таки, взрывном распространении происходила и их быстрая духовная дивергенция, обусловленная первородным оппортунизмом масонства. Чрезвычайная пластичность и высокая приспособляемость стали органичны ему сразу после того, как спекулятивное масонство вытеснило своих предшественников – настоящих каменщиков. Поскольку теперь нужно было строить уже не готические и барочные соборы, а Единый метафизический храм Согласия всех народов, поклоняющихся Высшему Существо, то и приемы обработки «диких камней» то есть неподготовленных душ будущих «братьев» требовали от «мастеров» более высокого искусства. Надо было понять глубочайшие желания и стремления человека, чаще всего скрываемые или даже не вполне осознаваемые им самим, и убедить его, что именно они свидетельствуют о его предназначении к великому служению. Так собираются разбросанные камни, чтобы после обработки они заняли свое место в стене возводимого храма. И естественно, что для работы с аристократией нужны мастера одного типа, а для банкиров или коммерсантов – другого, и способный заинтересовать и убедить

поэта вряд ли подойдет в этом качестве для конногвардейского офицера.

Таким образом для масонства в свете его вселенских задач требуется крайнее разнообразие подходов при сохранении единства лишь в самом главном – в непрестанном труде над превращением людей в общество одинаковых, отвергших все разделяющие их ценности: религиозные, национальные, социальные и пр. и пр., в людей, неколебимо верящих в объединяющие их права человека и общие потребительские ценности.

Но пока суть да дело, пестрота разнообразных лож, ритуалов и уставов позволяет масонству находить пути к любым человеческим объединениям, приспособляясь к ним настолько, что между самими масонами разного толка возникают порой противоречия, ставящие их на грань вражды между собой. Однако и это помогает масонскому делу, делая крайне затруднительной задачу определения, что же такое масонство. То ли это просто филантропическое общество, поставившее перед собой задачу помогать людям посредством просвещения и финансовой поддержки на пути самосовершенствования, о котором рассказывают разные небылицы из-за их невинного пристрастия к разным таинственным ритуалам? То ли это тайный олигархический союз богатейших людей, поставившей себе целью скупить народы и их правительства и подчинить своему господству? То ли секретная политическая сила, жаждущая разрушить все действующие формы организации в человеческом обществе и создать вселенскую империю и вселенскую религию с поклонением каким-то Высшим Неизвестным? То ли тоже самое но на чисто атеистической основе? Предположениям и догадкам нет числа, сами же масоны скромно поддерживают первую гипотезу, даже разрешая отдельным любопытным заглянуть в некоторые ложи и поучаствовать при совершении некоторых ритуалов и поучаствовать в братских застольях и беседах, чтобы они убедились в неосновательности подозрений масонов в злонамеренности. Тем более, что и отлично известно всем, кто интересуется этим вопросом, что абсолютное большинство в масонстве составляет так называемое голубое масонство первых трех степеней (ученик, подмастерье, мастер), к которым принадлежит масса мелких или средней руки чиновников, дельцов и в то же время интеллектуалов самого разного уровня –людей, из которых по преимуществу состоят большинство масонских лож. Казалось бы, чего же еще?! Но из песни слова не выкинешь.

К середине века последних Людовиков число масонских лож во Франции стало таково, что рассеяло все подозрения относительно себя. Королева Мария-Антуанетта, не самая проникательная женщина, но в силу этого именно и выразившая в данном случае общее для Версаля мнение, писала 27 февраля 1781 года сестре в Вену :« Мне кажется, вы придаете слишком много значения масонству во Франции: оно далеко не играет у нас такой роли, как в других странах благодаря тому, что здесь все к нему принадлежат, и таким образом нам известно все, что там происходит. В чем же видите вы опасность? Я понимаю, что можно было бы опасаться распространения масонства, если бы это было тайным политическим сообществом, а ведь это общество существует только для благотворительности и для развлечения, там много едят, пьют, рассуждают и поют, а король говорит, что люди, которые поют и пьют, не могут быть заговорщиками. Также нельзя назвать масонов обществом убежденных безбожников, ибо я слышала, что там постоянно говоря о Боге, кроме того там раздают много милостыни, воспитывают детей бедных или

умерших членов братства, выдают их дочерей замуж. Во всем этом я право не вижу ничего дурного. На днях принцесса де Ламбаль была избрана великой мастерицей одной ложи : она мне рассказывала, как там с ней мило обращались... Правда мне кажется, что можно бы делать добро без всяких таких церемоний, но ведь у каждого своя манера веселиться! Лишь бы делали добро, а остальное безразлично ли нам?» Это мнение очень ценно, потому что оно широко распространено и поныне. Правда десятью годами позже, 17 августа 1790 года королева высказала в письме своему брату императору совершенно другую точку зрения : «Прощайте, дорогой брат, верьте нежной любви вашей несчастной сестры. Главное остерегайтесь всякого масонского сообщества : этим путем все здешние чудовища стремятся во всех странах к достижению одной и той же цели». Через два года она сложила свою позновато поумневшую голову на эшафоте. Несколькими месяцами ранее была растерзана санкюлотской чернью ее подруга, великая мастерица принцесса де Ламбаль.

Но результаты исследований талантливых и добросовестных историков, которых, увы, никогда не бывает много, позволяют увидеть то, что обычно погребается под гигантскими кучами лживых в силу тенденциозности измышлений. Понимание того, что революции в отличие от бунтов стихийными не бывают, заставляет их искать те силы, что сталкивают громаду революции под уклон. После того как она, вобрав в себя действующую вразнос народную стихию, набирает скорость и начинает давить всех, кто пытается ее притормозить, в том числе и тех, кто дал ей первый толчок, эти революционеры исчезают из поля зрения, убитые или изгнанные по воле новых вождей. Необходима свобода от пристрастий, продолжающих полыхать над курганом погребенной революции, чтобы извлечь их имена.

Так были извлечены имена «Конституционного Комитета» или «Комитета Тридцати» и десятка его руководителей, наметивших еще в 1788 году план революции, в соответствии с которым она и началась годом позже. Эти имена относятся к числу наиболее употребительных в первые два года революции и окончательно исчезают с кровавого августа 1792 года. «Собрания происходили у герцога де Ларошфуко и в домике герцога Авмонтского близ Версаля. Непосредственная разработка планов была поручена Адриену Дюпору, знатоку исторических революционных движений с древнейших времен. Им был составлен меморандум, которым он очертил характеры государств Европы, разобрал суть их политики и доказал, что ни одно из них не будет препятствовать готовящейся во Франции революции. Для ее осуществления он предложил план, который уже давно был предметом его размышлений. Основные положения... те же, что были приняты в конституции 1791 года. После долгих прений Мирабо обратился к нему : «Но вы не указываете способов для выполнения столь широкого плана! – Вы правы, о способах я еще не говорил... Но раз вы одобряете весь мой план... ибо другого пути для... спасения отечества нет... только посредством террора можно встать во главе революции и управлять ею... Как бы нам ни было это противно, придется пожертвовать некоторыми известными особами... Он назвал «первой жертвой» Фулона, планируемого на пост министра финансов... затем на парижского градоначальника : «господин Бертье ненавидим всеми, его смерти нельзя препятствовать. Это запугает других «управителей» и они станут мягкими, как воск» Герцог Ларошфуко был поражен рассуждениями Дюпора, но, подобно прочим членам комитета, принял план и способы его выполнения. Инструкции, согласные этому плану были даны «комитету восстания», уже

организованным с участием Дюпора. Вскоре были убиты Делоне, Флессель, Фулон и Бертье. Их головы, поднятые на копьях, были первыми трофеями «филантропического заговора». Эти сведения из «Истории революции» Бертрана де Моллевиля дополняются другими источниками.

«Крупные дворяне, герцог Ларошфуко – Лианкур, маркиз Лафайет, Маркиз Кондорсе и некоторые члены парламента (парижского): Адриен Дюпор, Эро де Сешель, Ле Пелетье де Сен-Фаржо, объединившись с такими банкирами, как Лаборд, адвокатами вроде Тарже, юристами и журналистами, как Бергасс, Лакретель, Серван и Вольней – эти люди возглавили движение. Эта партия была нацелена на совместную пропаганду... каждый использовал свои личные связи. Таким же образом поступали и их корреспонденты в провинциях... Местом собраний стал ряд салонов, таких, как салон мадам де Тессе... Журналисты же произносили свои речи в кафе...»

«Комитет собирался преимущественно в доме Адриена Дюпора, и говорят, что в него входили герцог Ларошфуко-Лианкур, Лафайет, Кондорсе, герцог Эгийон, Сийес и Талейран. Мирабо тоже посещал эти встречи. Комитет вдохновлял памфлеты (один из них памфлет аббата Сийеса «Что такое третье сословие?») стал настоящим манифестом для всей страны) разрабатывал образцы наказов будущим членам Генеральных Штатов, продвигал своих кандидатов и отправлял своих людей в провинции. Все, что позволяли государственные средства связи... исходило от этой группы».

Остается только добавить, что все без исключения из известных членов комитета были масонами, и сообщение де Моллевиля о том, что Мирабо еще до открытия Генеральных Штатов, участвовал во многих тайных обществах. В своих беседах с господином Монморэном, а также с королем и королевой, Мирабо открыл им некоторые тайны, дающие ключ к важным событиям, до сих пор приписываемым случайностям. Так, своевременно предупредил он их, что система террора была уже разработана «филантропической группой». Но мнения королевской семьи и всего двора о масонах еще не изменились и двурушничество Мирабо последствий не имело.

Революция совершилась по намеченному плану, не встретив сколько-нибудь серьезного сопротивления. Через полтора месяца после открытия Генеральных Штатов депутаты третьего сословия провозглашают себя Национальным Собранием и спустя несколько дней отказывают в повиновении королю как выразители воли всего народа. 9 июля они объявляют себя уже Учредительным как намеревающимся изменить систему управления в стране. Спустя 4 дня они учреждают Национальную Гвардию как главную военную силу в Париже, а затем и во всей стране, и назначает на пост ее главнокомандующего маркиза Лафайета, одновременно назначив мэром Парижа астронома и масона Байи. На следующий день штурмуют пустую Бастилию. 30 июля учреждается Парижская Коммуна, в которую избираются 120 депутатов от 60 дистриктов столицы и они становятся правительством Парижа. 4 августа по предложению депутата виконта де Ноай, зятя и сподвижника Лафайета, поддержанному всем Учредительным Собранием, были отменены все феодальные привилегии в королевстве и установлено всеобщее гражданское равенство. 26 августа Собрание единогласно приняла Декларацию Прав человека и гражданина, написанную Лафайетом, руководствовавшегося при этом Джеферсоновским текстом «Декларации Независимости» от 4 июля 1776 г., которую он прочел сразу по прибытию в Америку годом позже и был воодушевлен ею на всю жизнь. Её он считал главным, из того,

что сделал в жизни. Но уже 5 октября успешное развитие спланированной революции было резко прервано революционным эксцессом совсем иного толка. Под проливным дождем громадные толпы женщин, матери голодающего Парижа, дети которых уже несколько дней не имеют ни крошки хлеба и ни капли молока, взламывают арсенал мэрии и вооружившись, чем было во главе с бывшей актрисой, нашедшей под стенами Бастилии свою новую роль – женского символа Революции, и с конным приставом мэрии, бросившим клич: «На Версаль!» под барабанный бой отправляются в поход. Ведь по Парижу последние дни распространяется слух, что от короля скрывают правду об отчаянном положении в столице. Надо привести его в Париж, чтоб он увидел все собственными глазами. И в то же время проскальзывают слухи о том, что король собирается бежать за границу. К женскому воинству присоединяется множество санкюлотов, солдат и просто черни. По достижению Версаля к королю была отправлена делегация из 12 женщин, которую король принял, проявил сочувствие и обещал исправить положение в столице. Примиренные бунтовщицы переночевали в Версале, но рано утром у дворцовой ограды был спровоцирован инцидент, повлекший к вспышке дикого мятежа и захвату дворца толпой. Накануне Лафайет, продиктовав депеши в Версаль, вскочил было на коня, но тут же, около мэрии был окружен депутацией своих же гвардейцев, обратившихся к нему с поразительной просьбой: «Мы не считаем вас предателем, но ... правительство предает нас... Мы не можем повернуть штыки против женщин, которые просят хлеба. Народ в нищете, источник зла в Версале, мы должны разыскать короля и доставить его в Париж. Если король слишком слаб, чтобы носить корону, пусть сложит её. Вы коронуете его сына, назовете Регентский совет, и все пойдет хорошо». Получалось, что Лафайету его подчиненные предлагали возглавить войска для поддержки бунта против короля, и у него главнокомандующего четырьмя миллионами национальных гвардейцев всей Франции не было в этой ситуации сил взять её под контроль. Но, сохраняя присутствие духа он поднимает 30 000 гвардейцев и отправляется в Версаль, чтобы там, окружив дворец, восстановить по возможности без кровопролития порядок. Он поспекает в самый критический момент и немедленно очищает дворец от бушующей в нем толпы, убившей пока лишь трех лейб-гвардейцев. Но двор вокруг дворца еще полон яростно рычащей толпой, требующей короля. Он выходит на балкон с Лафайетом и рычание сменяется криками «Да здравствует король!» Однако народ хочет видеть и ненавистную королеву, и Лафайет, которого ненавидит королева, убеждает её, что выйти надо. «Если я должна умереть, я готова умереть» говорит она и выходит с детьми. Отлично понимая, что происходит, Лафайет почтительно преклоняет перед ней колени и целует ей руку. Настроение толпы резко меняется и она кричит «Да здравствует королева!» Критический момент Лафайетом выигран, но отнюдь не ситуация в целом. Королевское семейство отправляется в Париж, в дворец Тюильри практически, как оказывается, под домашний арест. За ним следует и Национальное Собрание. С этого дня Лафайет утрачивает большую половину своих иллюзий. А через два года, поняв, что революция, которую планировал он с соратниками, безвозвратно проиграна, и народом овладела «рассуждающая сволочь» (как назовет предводителей якобинского «фаше» впоследствии Ипполит Тэн) он решительно уйдет в отставку.

Оказалось, что слова американской Декларации, принятые им за основу для написанной им Декларации: «Все люди сотворены равными и

все они одарены Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью.» и «Правительство получает свою власть от управляемых. Право народа – изменить или низвергнуть его.» хотя и были почти точной цитатой из «евангелия» Джона Локка и вошли в священный кодекс масонства, но очень мало что значат практически. Не имея четкого конкретного смысла они равно годятся для людей весьма различных убеждений. Что ж удивительного, ведь и Джефферсон, и Вашингтон, и большинство отцов-основателей Соединенных Штатов Америки, начиная с Франклина были масонами, также как и добрая половина членов кабинета короля Англии, непризнававшие их республиканские идеалы. Равно как и масонство членов «Комитета «тридцати» оно, подобно всякому революционному обществу было прежде всего политическим, проникшимся влиянием баварского «просвещения» (иллюминатов). Ни Вашингтона, ни «усыновленного» им Лафайета не интересовали масонские мифы, но утопия Вейстаупта о Мировой республике, которая возникнет после уничтожения религий, монархий и наций соблазнила их души. Соблазнила она и многих членов якобинского клуба первого состава, под кровлей которого встречались Лафайет, Барнав, Дюпор, Мирабо, Сийес, Кондорсе, братья Ламеты, Марат, Дантон, Демулен, Робеспьер, Фукье-Тенвиль и множество других, числящихся в героях революции, несмотря на то, что менее чем через год они оказались в разных лагерях. И следует заметить, что на души Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона и иже с ними, утопия «иллюминатов» повлияла совершенно противоположным образом, нежели на членов «Конституционного комитета». Утопическая мечта Лафайета, воспринятая им от Руссо и оформленная Джефферсоновской декларацией, это мечта о «Правлении, основанном на моральной теории всеобщего мира, на неотъемлемых, наследственных правах человека... обещающем новую эру роду человеческому» (как она выражена в «Декларации прав»), полярно противоположна маниакальной утопии Робеспьера построения нового мира и нового человека посредством последовательного разоблачения и уничтожения всех врагов и предателей французского народа – избранной части рода человеческого и избравшего его Высшего Существа.

Именно в этой якобинской матке («Матерью назвал Робеспьер свой клуб, породивший более трехсот ячеек в провинциях) наиболее четко обнаруживает себя порочное единство, объединяющее либерализм и фашизм, явленное менее отчетливо в других революциях. Центральная идея – это ставшая классической идея революционного мифа : уничтожить существующий порочный мир и создать новый непорочный. Переворот этот должен быть совершен руками праведных революционеров и с помощью некой Высшей Силы. С Высшей Силой (Бог, Высшее Существо, Диалектический процесс исторического Материализма и т.п.) праведный народ связан через Вождя. Так, подавив нарождающееся масонство справа и левеллеров с левого края, Кромвель создал первую фашизоидную диктатуру. Так, уничтожив масонов конституционалистов справа, а потом масонов кордельеров слева, Робеспьер дал жизнь (на год) первой вполне оформленной фашистской диктатуре. Так, свернувшие голову свергнувшему царя масонству Троцкий и Ленин, а потом уничтожившие левых большевиков Ленин и Сталин создали первое фашистское государство. При, казалось бы, смертельной вражде масонства и фашизма, главный их корень един : идея уничтожения мира, сотворенного Богом, и сотворения нового мира и нового человека. Заглянув в свою душу, мы, наверное, без большого труда можем убедиться, что нам очень бы

хотелось войти в вечную жизнь, не расставаясь с теми радостями, с которыми не хочется расставаться и в этом мире, что делает нас как-то ближе масонам. А с другой стороны чувство ненависти по отношению ко множеству подлецов и мерзавцев, с которыми мы знакомы и о которых знаем, не покидает нас и заставляет нас желать, чтоб они навсегда исчезли из жизни и, даже более того, чтобы они вечно мучились в геенне огненной. И тут мы уже дышим в затылки фашистам.

Исторической основой этого единства естественно является материальный прогресс, соединенный с демографическим. В истории он происходит по преимуществу в «доисторическую» эпоху, пока племена были невелики и разделены водоразделами и горами, а материальных продуктов их жизнедеятельности хватало только для существования. Это были тысячелетия естественного всеобщего мира и «материнского права», оставшиеся в памяти человечества как «золотой век» или эпоха первобытного коммунизма. Но и тогда «свобода, равенство и братство» были очень далеки от идеала, ставшего девизом масонства и либерализма. Братство, конечно, ощущалось конкретней на биологическом уровне. На уровне рода – все дети одной праматери. Хотя на истории Авеля и Каина человечеству не трудно понять, что такое чрезвычайно распространенное в нем проявление инстинкта самоутверждения как зависть, увы, значительно сильнее братских уз. Равенства было значительно больше, чем во времена чрезвычайной правовой и материальной дифференциации, происшедшей при патриархате, но и при этом равенстве добыча между членами племени распределялась отнюдь не равным образом, а чуть подросшим детям оставались одни объедки, что было причиной высочайшей детской смертности в «золотом веке». Что же касается свободы, то при отсутствии ясного понимания, что это такое, и в нашей, достигшей кажется предела своего развития цивилизации, говорить об этом просто недостойно. О какой свободе может идти речь в эпоху главенства масонского либерализма на земле, когда более трети человечества закабалено в цепи беспросветной нищеты, половина живет в вечном страхе потери работы и средств к существованию, а благоденствующая элита – в вечном страхе перед призраками своего порождения – фашизма, таящегося и в социальных возмущениях теряющих надежду масс, и в крысиной неуловимости террористических банд и в национальном радикализме людей с естественным чувством человеческого достоинства, доведенных до предела терпения идолопоклонством перед протитированными «правами человека» и хамской политкорректностью.

Таковы дегенеративные плоды человеческой воли, жаждущей обрести всемогущество отверженного ею Бога, и плоского скудоумия человеческого рационализма. Гнилые плоды «Просвещения», все еще служащие духовной пищей для мечтателей о рукотворном земном рае. Это служит и основой духовного единства масонского стремления к превращению человечества во вселенскую толпу потребителей, а фашистское – в потребляемых. Но один корень и один конечный плод.

А что же остается для тех, кто осознанно и убеждено не возлагает никаких надежд на «улучшение обстановки» при завершении строительства «Вавилонской башни» нынешней мировой цивилизации, кто бы ее ни достраивал: «вольные каменщики» мировой биржи или «рыцари» фашистского храма?

Видимо то, что заключено в словах: «Да будет воля Твоя, как на небесах, так и на земле». В ней скрыто и наше прекрасное начало и наше без сравнения более прекрасное будущее. И наверное, нет ничего важнее, чем искренне стремиться понять Его волю о нас и не

спутать со своей. Это очень нелегкая задача разобраться в сердце своем и очень трудно не поступить по-своему и вопреки Ему, когда желание затемняет разум. Нет сотворенного Им существа, в котором не был бы заключен дар от Него, его призвание, и нет для человека лучшего пути, чем жить этим даром. Но «если вы не верны в чужом, кто даст вам ваше?» – сказал Господь. Да будет милость Его над нами.

1 июля 2000г.– 1 июня 2010г.